

love_erotica
love_sf
love_erotica

Айя
Субботина
<https://www.litmir.me/a/?id=70421>
<https://coollib.net/a/53526>

Локи Выдумавший обман (СИ)

Я был любимым сыном Создателя, но и мне не удалось скрыться от его суровой справедливости. И она настигла меня за карточным столом. Я всего-то поставил пару тысячных фишек, а выиграл невинную душу. Теперь у меня, Локи, мастера обмана и великого соблазнителя, есть всего тринадцать дней, чтобы развратить свою Овечку, и я бы сделал это на три щелчка пальцами, если бы не вездесущее «но» — невинная душа оказалась в невинном теле. И это все чертовски осложняет, ведь она принадлежит Создателю, а папочка не любит делиться своими игрушками. **ОДНОТОМНИК ВАЖНО!** Книга содержит реалистичное описание постельных сцен, некоторую часть нецензурных выражений, строго 18+

ru

Пользователь
Windows

FictionBook Editor Release 2.6.7
4.3.2019
<https://www.litmir.me>
c694b078-9fa8-4e4e-9fc2-47758c0df6fe
1.0

Айя Субботина
Локи Выдумавший обман

ПРОЛОГ

Я просто умираю. Валяюсь изрезанным куском мяса в луже собственной крови в костюме от «Gucci», туфлях ручной работы от «Silvano Lattanzi» и надеюсь, что следующий вдох не станет последним. Надеюсь, но мысленно жду обратного, потому что этим чертовым фанатикам было мало порезать меня на лоскуты. Я же великий мухлежник Локи, я умею считать даже звезды на небе, и в этот раз я тоже считал, правда, на чистом автомате. Сорок шесть ножевых ранений, они резали меня всем сраным приходом, словно свинью! А потом полили святой водой и ублюдочно ржали, пока я выл и рвался с цепей, как пес.

Жизнь несправедлива, даже если ты сыночек Создателя.

Потому что Каин всю эту шелупонь раскидал бы за пару минут, а потом бы сжег храм к такой-то матери и прикурил от огонька.

Люцифер вообще не любит разговаривать, а сразу хватается за стволы и может сделать скидку на «поболтать» лишь с теми, кто выживет. Если выживет.

А я — младшенький. Я просто хитрый игрок, и мои таланты не лежат в плоскости физической силы.

Поэтому лежу здесь уже скорее мертвый, чем живой, и чувствую, как немеют кончики пальцев. Если умру в этом мире, от меня останутся только тряпки с лейбами известных брендов. И ничего больше.

Жизнь, сука, очень несправедлива.

— Локи, — слышу рядом зареванный голос — и в ноздри ударяет запах невинности.

Открываю глаза, хоть секунду назад не мог даже этого. Саша ревет в три ручья: слезы скапливаются за стеклами ее очков в толстой роговой оправе, а потом полноводной рекой стекают по щекам. Темные волосы спутаны, на носу сажа, блузка порвана — и мне просто противно от того, что моя маленькая ручная Овечка влетела во все это просто потому, что я не успел вовремя ее спрятать.

Саша укладывается рядом: чувствую тяжесть ее головы у себя на плече.

— Давай останемся здесь, Локи, — всхлипывает она и доверчиво скручивается калачиком у меня под боком. — Навсегда.

Я с трудом сглатываю, моргаю, глядя в потолок разгромленного храма, а на самом деле заглядывая выше облаков.

«Эй, отец родной, тебе вообще как — нормально там? Я, между прочим, скоро окочурюсь, а ты не придумал ничего лучше, чем отправить вместе со мной на тот свет эту невинную душу».

— Овечка, вали отсюда, — говорю ей так тихо, что свято верю — ни одно слово не сорвалось с губ. — Пошла на хер, блаженная.

Она мотает головой, нащупывает мою ладонь и укладывает себе на шею. Деревянными пальцами каким-то чудом все же чувствую плотную кожу ошейника.

Я же снял его?! Я не до такой степени уже сдох, чтобы путаться в собственных воспоминаниях.

— Я надела, — снова шмыгает носом Овечка. — Сама.

Она надела.

И она сдохнет тут вместе со мной.

Слышу, как от злости сердце возмущенно громыкает в груди, судорожно втягиваю воздух через сомкнутые зубы... и, черт его знает как, переползаю на колени. Харкаю своей кровью, но это в принципе херня. Кажется, мои древние кости раздумали превращаться в прах.

Абракадабра, блядь!

Глава первая: Локи

Неделей ранее

Он сидит напротив и комкает новенькие карты потными руками.

Мальчишка, ему лет двадцать с небольшим, хотя рожа побрита так топорно, будто он только вчера взял в руки бритву. И этот затравленный взгляд над картами, от которого хочется рассмеяться в лицо и на всякий случай напомнить, что игры, даже в Тени, разрешены только совершеннолетним.

— Ставка, — бесцветным голосом говорит раздающий.

Мы играем в подпольном притоне, и на этот раз мое любопытство притащило меня в по-настоящему занюханное место.

Я — Локи, младший сынок Создателя. Есть большой грубиян Каин и совершенно безбашенный Люцифер. А есть я — великий обманщик, мухлежник и владелец «Палаццо». Вы не знаете, что такое «Палаццо»? Лучшее казино в Тени, настоящий дворец Игры, и сама Фортуна иногда приходит сбросить пару банкнот за моим карточным столом. А в качестве возмещения ущерба за нанесенные ей глубокие моральные травмы требует меня и мой член. И должен признаться, трахать Удачу — это лучший кайф, какой только может быть.

В Сером мире — привычном для вас — я просто Алексей Черных, миллионер, красавчик и яркий представитель столичной богемы. Спросите сотрудников моего огромного небоскреба в центре, на котором красуется надпись «Черное и Белое», чем они занимаются целыми днями — и вряд ли дождетесь ответа. Они все просто «работают» и не суют нос, куда не следует. Между прочим, получая за это приличные деньги.

Парень жмется, но все-таки подталкивает последние жетоны к общей куче и поднимает ставку. Я повышаю. Мне не нужно думать и гадать, прикидывать, рассчитывать варианты. Я ведь Локи, и игра — моя стихия. Рыба от рождения умеет плавать, потому что она рыба. А я от рождения умею вертеть всех на хую, потому что я — Локи.

Кесарю кесарево, короче.

Третий игрок за столом сливается. Местный кровопийца, явно конченный нарик, потому что от нехватки крови уже почти истекает слюной. Хорошо, что, наконец, свалил. С таки тремором его бы точно сорвало с катушек, а мне не хочется сверкать тем, что у меня под инкогнито. Иначе все поймут, кто играл с ними за одним столом, в особенности та парочка дуболомов, каждый размером с гору. А я не особо силен в кулачной драке.

Остаемся мы с пацаном. Я зеваю, подбрасываю еще пару фишек и с сожалением думаю, что вечер безнадежно испорчен скучнейшей игрой. То, что мальчишка «ляжет» — факт. Ему просто больше нечего предложить, и он даже не пытается блефовать.

Но и загнанный в угол кролик, оказывается, может удивить.

Краем глаза замечаю, как парень роется за пазухой и достает что-то трясущейся рукой. Что-то маленькое, потому что он без труда зажал его в кулаке, что-то... настолько яркое, что я невольно подаюсь навстречу. Парень тут же укладывает кулак на стол и для верности накрывает второй ладонью.

— Моя ставка, — говорит трясущимся голосом. Явно очкует, но готов идти до конца. Что-то так сильно поджигает ему задницу, что он не думает даже об элементарной безопасности.

— Я не играю вслепую, — озвучиваю свою принципиальную позицию.

Что-то чешется под рубашкой, в области сердца, но я слишком поглощен любопытством, чтобы притормаживать на мелочах. У меня нюх на такие вещи. Я знаю, что там — самое большое лакомство. Деликатес. Изысканное удовольствие.

Прежде, чем мысленно озвучиваю свою единственную и наверняка верную догадку, пацан пододвигает кулак к куче с фишками и укладывает на ее гору светящееся сердечко.

Невинная душа.

Такая яркая, что первую секунду слепит всех, кто находится в радиусе трех метров. Сначала все они пятятся, расползаются по щелям, как тараканы, но когда первый шок проходит, начинают медленно стекаться обратно.

А меня прожигает насквозь. Так сильно, что с трудом подавляю желание материться в полный голос. Уже задней мыслью доходит, что пока мои глаза заняты созерцанием сокровища, ладонь с силой надавливает на грудную клетку прямо над сердцем. И ткань под ней расползается на рваные обгорелые лоскуты.

Бросаю взгляд вниз — и одновременно в кармане звонит телефон. На экране надпись: «Отче». Вот так я стебу своего отца — Создателя того мира и этого тоже. Создателя всего материального.

— Ты не вовремя, старик, — бросаю раздраженно, стараясь прикрыть курткой серебристый витиеватый ожог на груди. Откуда взялся — хер его знает, но я подумаю об этом завтра в компании маленькой невинной лапочки, чью душу сейчас выиграю в «Покер».

— Мне тут нашептали, что ты получил мой подарок, — басит он в трубку, и на заднем фоне слышен звонкий гогот моих мамочек. Всех трех.

— Твой... — Я стопорюсь на полуслове.

Все-таки слегка захмелел от сладкого аромата, который растекается по моим ноздрям одновременно со сверкающим сиянием Невинной души, и поэтому туго соображаю, но беру себя в руки. Подарочек? На ум не приходит ничего, кроме нашего разговора много лет назад, когда отец пообещал воздать нам за грехи. И не спрашивайте, что не так с логикой в его гениальной голове. Породить демонов искушения и пороть их розгами за разврат и блядство — это в его продвинутом восприятии высшая справедливость и карающий суд.

— Па, я вроде хорошо себя вел, — пытаюсь говорить беззаботно, кошу под дурачка и жестами даю понять всем собравшимся, что это просто рядовой звонок. — Может, заберешь свой подарочек? Я даже развернуть не успел.

— Тринадцать дней, Локи, — говорит он. — Или тебе хана.

Он просто отключается. Ни единого напутственного слова, ни даже «пока». Вот что хочешь, младший, то и думай, и вертись, как уж на сковородке.

Времени медлить нет совсем. Все местные гады — не только в притоне, но и во всей округе — уже учуяли сладенькое и через пару минут сползутся в таком количестве, что мне в одиночку будет не пробиться через их плотные ряды.

Пора идти ва-банк.

Сребую все свои фишки к общей куче. На самом деле меня не интересует вообще ничего, мне не нужны деньги, это просто одна из странностей моего времяпрепровождения. Но я должен забрать свой трофей, потому что без него через тринадцать дней превращусь в простого смертного. И вряд ли мне это понравится.

Я зыркаю в свою карты. У меня там пиковый стрит-флэш.

— Одновременно? — предлагаю этому трясущемуся придурку, потому что он, кажется, начал подозревать неладное и вот-вот раздумает. А я должен выиграть душу во что бы то ни стало, ведь пока сделка не закреплена карточным итогом, он может забрать свою ставку и свалить на все четыре стороны.

Пацан резво выкладывает на стол свое каре на тройках.

Не могу удержаться от пафосного жеста на прощанье: бросаю карты веером прямо ему под нос, второй рукой хватаю заветный трофей, заодно прихватив пригоршню фишек — не совсем же голым уходить! — и лисом к двери.

— Выигрыш твой, пацан. Надеюсь, оно того стоило.

Невинная душа обжигает пальцы сладким теплом.

Черт, я дурею от одного только предвкушения обладания.

Свалить в Серый мир для меня дело пары минут. Не нужно искать вехи, как другим тeneвым, можно сделать их самому. Должна же быть хоть какая-то выгода в том, чтобы быть сыном Создателя, в конце концов.

Тонкий шрам на невидимой Ткани Миров — и я мягко проскальзываю на другую сторону. На прощанье слышу недовольный рык бросившихся следом упырей, тоже желающих отхватить эдакую редкость. Когда отыщу свое сокровище, обязательно расскажу ей, что альтернативой охуенному красавчику-миллионеру мог стать тысячелетний вурдалак или психованный вампир. Стоп, а кто вообще сказал, что она в курсе существования Тени?

— Алексей Эдуардович? — слышу голос своей домработницы и вкрадчивый стук в дверь. — Вы просили разбудить в девять.

— Спасибо, Альберта Альбертовна! — кричу я, стаскивая рваные шмотки. — Скажите водителю, чтобы подогнал «Порше» — и может быть свободен.

Самое время отправиться на поиски честно выигранного трофея.

Я чувствую ее, словно шепот в голове. Не вижу ни лица, ни сложения, лишь отголоски мыслей и желаний. Горит для меня, как направленный свет маяка: через всю ночную столицу, под завязку залитую октябрьским дождем и неонам.

Но сначала все же в душ.

После душа я бодр и чувствую себя прекрасно, готов перевернуть мир вверх дном, главное, найти точку опоры. Но сегодня у меня задачка поинтереснее, так что будем считать — миру крупно повезло.

Что надеть на первое свидание с девушкой, которую придется в кратчайшие сроки из невинной овечки превращать в сексуальную ненасытную демонессу при условии, что вы не знаете ни ее имени, ни возраста, ни даже увлечений? Задача на миллион. Для таких случаев существует оптимальный вариант: одеться во что-то простое, с тонким налетом лоска, как будто я просто вышел покурить, «случайно» накинул Армани и «случайно» забрел так далеко от дома. Нет, слишком просто, совершенно неинтересно и абсолютно не азартно.

Я иду к окну: мне принадлежит весь верхний этаж и лофт в новостройке неподалеку от центра. Из панорамных окон вид на столицу такой, что сносит крышу и будоражит кровь. Одну ладонь прижимаю к стеклу, в другой крепко сжимаю невинную душу. Закрываю глаза и концентрируюсь на своем маяке. Она неподалеку: слышу шелест пуританских мыслей — что-то о необходимости купить бумагу для оклейки старого холодильника, чтобы спрятать поцарапанную дверцу. «Вижу» ее глазами небольшую комнату: мебель старая, на прикроватном столике выцарапаны буквы «П.Т.» Это инициалы предыдущего владельца — слишком грубая метка, слишком чужеродная ее уютному жилищу. Скольжу взглядом по дрожащей дымке, впитываю детали — все, до чего могу дотянуться. Скорее всего, она живет в общежитии: небольшое окошко с узким подоконником, на котором ютится десяток маленьких горшков с суккулентами. Все горшки любовно расписаны: черепами, кексами, сердечками, смешными привидениями. Похоже, моя Овечка натура романтическая и творческая. Это не может не вдохновлять, хоть уже сейчас я чувствую некоторое разочарование: вряд ли с ней будет так уж... интересно.

В любом случае, это уже не вопрос интереса, а буквально плоскость выживания. Мне почти двести лет и я, в отличие от Каина, которому все настолько осточертело, что он добровольно улегся в гроб лет десять назад, хочу наслаждаться каждым днем своей бессмертной жизни. Ну, не то, чтобы такой уж бессмертной, но от гриппа или заражения крови я точно не умру. В комнате есть еще что-то, но я теряю связь раньше, чем успеваю рассмотреть. Хоть теперь это уже неважно: я увидел достаточно, чтобы придумать примерный план покорения своей Невинной вершины.

Смазанным движением провожу по груди: зараза, как же жжет.

В отражении хорошо виден серебристый вензель в форме цветка. Что за?... Ну, хоть не розовый пони, и на том спасибо, папочка.

Лет десять назад, незадолго до того, как Каин впал в спячку, мы умудрились довести Создателя до, как он сам выразился, «вынужденных мер».

Я наряжаюсь в светло-голубой модный пуловер, классические темные джинсы и щегольские туфли. И перехожу к десерту — своей личной коллекции брэндовых часов. Некоторые выполнены по моему заказу и существуют в единичном экземпляре. Подумав, останавливаю выбор на серебристом хронометре со стильным кожаным ремешком.

Ерошу волосы до состояния «только проснулся, но все равно — чистый секс!» и выхожу к лифту.

Глава вторая: Александра

— Слушай!.. — Виталик со всего размаху лупит кулаком по ряду книг на полке. — Сашка, ты меня реально задрала уже. Вот тут сидишь! — Перечеркивает горло ребром ладони. — Я же тебя, дуру, люблю!

Я смотрю прямо ему в глаза, с силой удерживаю голову ровно, не позволяю шее нырнуть в приятный плен плеч. Несколько книг с грохотом валятся на пол, и Виталик снова выразительно чертыхается. Он немного выпил — запах алкоголя в его дыхании обжигает губы. Мы вместе уже три года — встречаемся еще со старшей школы — и я впервые вижу его выпившим.

— Виталик, наверное, ты бы лучше домой шел, — предлагаю я, стараясь протолкнуть через себя его грубость. Это говорит не мой верный храбрый рыцарь, это говорит спиртное. Виталик за всю жизнь никого и пальцем не тронул, а меня вообще защищал даже от собственной тени. Просто сейчас у нас тяжелые времена.

Он чуть поворачивает голову, подставляет ухо и выразительно, хоть язык безбожно заплетается, требует:

— Ну-ка повтори, что сказала? Чтобы я домой шел?

— Да. Ты и с первого раза услышал.

Что-то в его глазах все-таки рушит мои моральные заслоны — и видимо я слишком сильно втягиваю голову в плечи, потому что Виталик делает два шага назад и обреченно прикладывает спину к книжным стеллажам.

В библиотеке никого: я подрабатываю вечерним библиотекарем и полчаса назад провела последнего посетителя. Виталик всегда подвозит меня домой, а иногда, как сегодня, в пятницу, мы можем погулять подольше: посмотреть кино на открытой площадке, погрызть попкорн, просто побродить по набережной, обсуждая все на свете. Мы оба — бедные второкурсники и копим на билеты в Настоящую Взрослую жизнь. Когда закончим учебу, станем дипломированными врачами, с отложенных средств сделаем первый взнос за ипотеку и, наконец, поженимся.

Незамысловатый типовый план, но он мне нравится.

— Твое окончательное решение? — переспрашивает Виталик. Его вялые руки обреченно болтаются вдоль тела. — Ты знаешь, что у меня сейчас трудности с деньгами, и я, как дерьмо в проруби, болтаюсь от работы к работе, чтобы найти что-то более прибыльное и еще каким-то образом окончательно не завалить учебу. Я... Мне придется экономить.

Киваю, чувствуя себя пешкой, которая прошла полный круг, но у финиша не выбросила на кубике нужное число и пошла на второй заход. Только в нашем с Виталиком случае я уже давным-давно сбилась со счета таких заходов.

— Я перебрался к Наташке, — ошарашивает он, вводя новую переменную в нашу постоянную нерешаемую задачу. — Уже и вещи перевез, потому что на мою комнату быстро нашелся желающий.

— Что? — не верю своим ушам. — Но ведь Наташа... Он же живет на другом конце города.

— Зато до института пешком двадцать минут.

Он нарочно говорит это, глядя мне прямо в глаза. Четыре слова, но за ними и упрек, и подножка, и злость, и обида. Мы снимаем комнаты в общежитие для приезжих, в старом корпусе, который расположен у черта на куличках. Университет переехал в новое здание еще лет десять назад, и там выстроили новую «элитную» общагу. А в нашей селят неудачников, как мы с Виталиком: он без родителей, под опекой старшей сестры; и я сирота, под опекой старшего брата. Только вот Наташа — милая славная женщина, которая готовит вкуснейшие в мире пирожки с капустой, штопает Виталику носки и поит лимонным чаем, чуть у него потекут из носа сопли. А мы с Вовкой родные только по отцу. Созваниваемся раз в пятилетку и то по моей инициативе. Иногда мне кажется, что если я перестану звонить и напоминать о себе, он тихой сапой просто забудет о моем существовании.

— Тебе даже сейчас все равно, — горько усмехается Виталик, ошибочно приняв мое молчание за безразличие.

Я хочу сказать, что просто ошарашена новостью, потому что мы оба знаем, к чему это в итоге приведет. С учебой и постоянными подработками у нас просто не останется времени друг на друга. Но разве это что-то изменит? Он завел разговор о том, что нам пора съезжаться, уже зная, что в случае отказа мы поставим большую и жирную точку. И с его стороны это была грязная игра.

— Ты проспишься, и мы поговорим на свежую голову, — продолжаю хвататься за его подвыпившее состояние, как за предлог перенести тяжелое обсуждение на завтра.

Но Виталик мотает головой, говорит: «Пошла ты на хуй» — без единой эмоции — и нетвердой походкой уходит из читального зала. Уходит из моей жизни.

Я машинально поднимаю с пола книги, стряхиваю пыль с обложек, проверяю, нет ли заломов, и аккуратно ставлю их на место, чтобы корешки были строго в ряд. Потом иду к своему столу, проверяю, чтобы не осталось незаполненных читательских карточек, делаю закладку в электронном каталоге, собираю вещи.

Осталась ерунда — поставить здание на сигнализацию и как-то добираться домой.

На улице моросит дождь, так что приходится выудить из-под воротника капюшон куртки и натянуть его чуть не до самого носа. Транспорт уже не ходит, а до метро пешком — минут двадцать. Еще и от него до дома три квартала. Три квартала, которые не просто так называют Дорогой смертников.

По дороге вспоминаю, что у меня закончились кукурузные криспы, и забегаю в ночной минимаркет. В итоге вспоминаю, что и зубная паста подошла к концу, и зубную щетку пора поменять, и еще что-то, и еще. В итоге выхожу на улицу с внушительным бумажным пакетом, который, ожидаемо, раскисает под дождем, несмотря на все мои усилия хотя бы частично затолкать его под куртку. Светофор моргает зеленым, я ступаю на зебру — и ровно на половине дороги несчастный пакет лопається и опустошает на мостовую все свое содержимое.

Стоящая на светофоре красивая спортивная машина слепит светом фар, когда я пытаюсь быстро собрать свое добро. Задача не из легких, потому что запасного пакета у меня нет, а портфель и так под завязку забит учебниками и конспектами.

Слышу звук открывшейся двери, хлопок — и зачем-то кошусь на тень, которая загораживает луч левой фары. Надо же, обычно таким копушам, как я, начинают нервно сигналить, а этот даже вышел, чтобы еще и морально задавить.

Коробка от зубной пасты раскисла, но не мусорить же. Сминаю ее в гармошку, сую в сумку, а тюбик — в карман куртки. Кое-как проталкиваю упаковку с крипсами между книгами.

Наверняка все поломала и теперь их точно не намазать медом.

Конечно, не успеваю справиться до «красного». Кто-то сигналист, кто-то объезжает и выкрикивает гадости из окна, кто-то просто едет по своим делам. Только хозяин спортивной машины продолжает стоять на месте. Меняется разве что его поза: опирается бедрами на капот, скрещивает ноги и постукивает большими пальцами по металлу.

— Оригами — совсем не твое, — слышу насмешливый голос, комментирующий мои попытки сделать из бумажного пакета хоть что-то пригодное для дальнейшей переноски. У меня попросту нет столько рук, чтобы забрать остальное.

Игнорирую выпад, но все-таки бросаю дурное занятие. Остается только одно решение, хоть как студент-медик я прекрасно осознаю все его последствия.

— Не сказал бы, что жарко.

Он продолжает насмехаться, пока я снимаю куртку и с помощью узлов превращаю ее в некое подобие авоськи. Под верхней одеждой у меня теплый свитер, но на улице октябрь, дождь и половина одиннадцатого ночи — я начинаю замерзать еще до того, как сгребая все свои вещи и, наконец, убираюсь с дороги.

Незнакомец догоняет меня через пару минут. Слышу позади торопливый пружинистый шаг и странный запах. Не могу его идентифицировать и разложить хотя бы на первые ноты, но почему-то точно знаю, что именно так пахнет... искушение.

К черту, я просто очень голодная, и единственное «искушение», способное меня подчинить — бульон, горячий липовый чай, теплый плед и сон.

Незнакомец подстраивается под мой шаг. Я инстинктивно покрепче прижимаю «сумку», второй рукой цепляюсь в переброшенный наискось через плечо ремень портфеля. И только через пару секунд осознаю, что дождь как-то внезапно закончился, причем как раз над моей головой.

— Что бы ты ни несла в своих баулах, Овечка, мне это точно не нужно, — фыркает мой непрошенный попутчик — и я, наконец, поднимаю взгляд.

Первое, на что натыкаюсь — насмешливые серые глаза. Потом оцениваю ровный аристократический нос, тонкие черты лица и узкие губы, которые складываются в заинтересованную улыбку, пока мой взгляд ощупывает черты красивого лица.

Вылеплен, словно под заказ. Даже его несимметричность — правая бровь ровная, левая надломлена от природы, левый глаз щурится чуть больше правого. Среднего роста, худощавый, спортсменом не выглядит, но судя по выпуклым венам на тыльной стороне ладоней, периодически ходит на свидания с тренажерами.

Одет дорого. Я не разбираюсь в моде, но свитер выглядит очень мягким — и меня инстинктивно тянет пощупать плотность вязки. Ловлю себя за миг до того, как пальцы на ремне портфеля начинают предательски разжиматься.

— Понравился? — почему-то загадочным шепотом интересуется незнакомец.

— У тебя хороший череп, — говорю именно то, что думаю. Я же медик, будущий хирург, меня куда больше интересует то, что под кожей, чем то, что снаружи.

Что бы этот франт обо мне ни думал, и с какой бы целью ни поплелся следом, он явно ждал чего-то другого. Так бывает, когда выбрасываешь девять из десяти колец — и все до единого попадают на стойки. Но последнее, десятое, которое бросаешь уже практически не глядя, уверовав в победу, улетает от цели так далеко, что какое-то время психика просто отказывается это принять.

Я стала тем самым «десятым кольцом». И пока франт стоит, как вкопанный, снова и снова переваривая мою бестолковую фразу, я ускоряю шаг. До спуска метро рукой подать: сто метров — перекресток и спуск. Модник уж точно не ползет в эту клоаку вслед за мной. Главное, успеть перескочить дорогу на моргающий «зеленый». Тогда мы точно будем отрезаны друг от друга потоком машин.

Должно быть какое-то логическое объяснение моему странному желанию сбежать от него куда подальше. По сути, он ведь ни словом меня не обидел, не хватал, не грубил. А в сравнении с тем, что мне приходилось слышать, «Овечка» вполне сойдет за комплимент. Вряд ли в лексиконе таких парней есть более человеческие слова. И уж точно он не станет транжирить их на девчонку с улицы.

Глава третья: Локи

Это просто какая-то полная хуета.

Я смотрю вслед убегающей девчонке и пытаюсь решить простейшую математическую задачу: два плюс два всегда равно четырем. Аксиома, постоянная, чертов столп, на который, как на болт, навинчены сложные формулы.

Но как бы я ни считал, не переставлял знаки и не менял цифры, у меня ничего не сходится. Потому что я — демон искушения. Соблазн, порок, разврат — моя вотчина, моя стихия, море, в котором я плаваю ленивой сытой акулой. Похоть — мое уравнение. Так уж устроена наша троица — нас хотят и нам не отказывают. Мы — феромоны, афродизиаки и амбра в одном флаконе.

Но два плюс два все равно либо пять, либо три, либо бесконечность.

Потому что Овечка на меня не клонула.

Я на автомате складываю зонт, сую его в ближайшую урну и продолжаю смотреть, как моя девчонка сваливает в закат. То есть, серьезно, совершенно без оглядки, явно невоодушевленная ни моим запахом, ни моей охуительной внешностью, ничем вообще. Она куда больше переживала за испорченные хлебцы, чем за то, что это, возможно, ее единственный шанс закрутить с нормальным мужиком. Судя по весьма посредственной внешности, а так же тому, что в девятнадцать она до сих пор невинна, на любовном фронте у нее полный штиль.

Откуда я знаю про девятнадцать лет? Разумеется, точно не знаю, но могу предположить. Просто заглянул в ее портфель, увидел учебники и прочую ученическую приبلуду — значит, почти наверняка студентка. Один из учебников — Паталогическая анатомия. Я же двести лет воздух копчу, много чего слышал и видел краем глаза, так или иначе общался со многими девицами. Могу ошибаться, но «Патан» обычно изучают на третьем курсе. Значит, девятнадцать лет. Плюс — минус.

Пока я впервые в жизни так жестко туплю, девчонка уже почти добежала до «зебры» и вот так, запросто, собирается перебежать на моргающий «зеленый». Неужели я прямо настолько ей неинтересен? Ни на грамм?

А потом мне на глаза попадает летящий из-за поворота тяжелый внедорожник. Не знаю, на какой скорости он несется, но то, что притормаживать не будет — очевидно.

И все становится на свои места.

В Тени я почти царь и бог — одной мыслью могу подделать карты так, что у меня всегда будет четыре туза и джокер. Могу повернуть такую аферу, что даже ушлые вампиры не догадаются, даже богиню Удачи могу поставить на колени и наслаждаться тем, как она с упоением будет

выпрашивать у меня право отсосать. Кстати говоря, разок я именно так и сделал. Хотел пощупать предел возможного и понять, могу ли и дальше творить вот такое дерьмо безнаказанно? Оказалось — нет, не могу. Не самые приятные воспоминания в моей жизни. Здесь же я очень ограничен в своих возможностях. Я практически наравне со смертными за тем лишь исключением, что все так же бессмертен. У меня все еще есть пара трюков в кармане, но применимо к назревающей ситуации они просто бесполезны.

Поэтому просто разрезаю Ткань мира, ныряю в Тень и тут же делаю еще один надрез, очень надеясь, что выйду в нужном месте. Что не опоздаю ни на минуту, иначе вместе с Овечкой на тот свет отправится и мое бессмертие.

Я успеваю сграбастать девочку за шиворот за миг до того, как внедорожник пронесется мимо. Нас ударяет упругой воздушной волной, крутит волчком, и мы оба валимся на землю. К счастью, я успеваю немного рассчитать траекторию — большая часть нас лежит на тротуаре.

Матерюсь и выталкиваю Овечку выше, чтобы наши ноги не раскатало потоком машин.

— Ты... ты... — Она смазывает дождь с лица и смотрит на дорогу, на которой в полном беспорядке остались валяться ее многострадальные покупки. Продукты безнадежно испорчены.

— Спас тебя? — подсказываю раздраженно, поднимаясь с мокрой травы. — Ты по жизни такая перепуганная, или со мной что-то не так?

Она явно не здесь, а в глубоком шоке, где до сих пор переваривает случившееся.

Мне тоже есть о чем подумать, и мои проблемы посущественнее ее, потому что теперь я знаю, почему Овечка на меня не запала. Почему она в принципе не может на меня запасть, даже если я превращусь в ковер-самолет и понесу царевну Будур в сказочную страну сбычи мечт.

Блин, нужно избавляться от местечкового сленга, пока я не начала говорить, как обдолбленный социальными сетями подросток.

Моя овечка — невинна.

И останется невинной, потому что такой ее пожелал Создатель. Иногда папочка собирает в свою коллекцию и такие цветки.

А это значит, что ей не суждено потерять девственность, потому что в ближайшее время она, как дорогой подарок, должна быть доставлена получателю. Прямой посылкой, как вот только что. Моя Овечка должна была умереть на этом переходе.

Это просто издевательство. Та, от которой зависит мое бессмертие, будет снова и снова ходить по краю, пока не исполнит свою судьбу. Даже если в итоге ее убьет молнией посреди ясного неба.

— Вставай, задница отмерзнет, — говорю я, пытаюсь сообразить, что делать дальше. Чувствую себя человеком, который купил билет на угарную комедию, а вместо этого вляпался в полный артхаус и сюр.

Девчонка моргает, как будто только теперь поняла, что не одна. Она шарит в траве, находит свои несусальные очки в толстой бабушкиной оправе и очень медленно поднимается. Пытается опереться на правую ногу, охает, но, стоит мне протянуть руку помощи, резвой козой пятится назад.

— Тебя нужно показать врачу, — говорю я. Ну нет у меня другой нормальной причины, чтобы ее не отпускать. Не только смертные звереют от проблем с родителями, у демонов и богов все то же самое, и мне нужно чуть больше времени, чтобы переварить папашиный фортель, поэтому хватаюсь за первую же соломинку.

— Со мной все в порядке, — клацающими то ли от стресса, то ли от холода, то ли оттого и другого зубами заявляет она. И вдогонку: — Как ты оказался рядом так быстро?

Тут нужно сделать еще одну паузу и еще раз вспомнить, как все-таки сильно, горячо и до печенок я люблю своего отца. Просто наказать нас троих ебучим проклятием было ему мало. И подсунуть свою игрушку, которой он точно не захочет делиться — тоже. Он решил добить меня контрольным выстрелом, сделав девочку полностью и стерильно смертной. Она ничего не знает о Тени, для нее существует лишь ее скучная замызганная реальность, в которой вампиры не высасывают людей до смерти, а демоны существуют лишь фантастических книжках. И, само собой, она никогда не сможет понять, кто я на самом деле. А даже если узнает, то, как и другие «счастливчики», просто тронется умом. Тень не любит, когда ее лапают недостойные, и обычно конкретно прочищает мозги, устраивая то, что в Сером мире принято называть «шизой».

Самое время подбить итог.

Девчонка должна умереть — ее судьба была предрешена еще в момент зачатия.

Я завишу от нее, как нарик от дозы, и у меня есть всего тринадцать дней, чтобы развратить невинную душу и освободиться.

Девчонка «слепая» и, находясь рядом с ней, я рано или поздно выдам себя, и это ее убьет. Но я должен привязать ее к себе, чтобы уберечь от смерти и трахнуть до того, как кончится песок в верхней колбе невидимых часов. И если я ее привяжу, мы с Овечкой станем ближе, чем сиамские близнецы.

Даже богиню Удачи было проще наебывать в карты, чем расплести этот долбаный клубок.

— Тебя как зовут? — спрашиваю я. И психую, потому что она явно не собирается отвечать. — Слушай, что у тебя за проблемы? Я тебе жизнь спас, а ты ведешь себя так, будто мой кот нагадил под твоей дверью. И не раз.

Она водружает очки на нос и все-таки представляется:

— Александра.

— А я Ло... — Громко кашляю в кулак, проклиная все на свете и себя в первую очередь. — Алексей. Леша.

«Лох», — добавляю про себя.

Пока она отряхивается и пытается повыше поднять воротник свитера, чтобы как-то спрятаться от дождя, я думаю, как заставить упрямую овечку делать то, что мне нужно. Уже ясно, что моя маленькая особенность на нее не действует, уже понятно, что эта война не станет увеселительной прогулкой, а будет посерьезнее, чем восхождение на Эверест, но даже в полной заднице я чувствую, как внутри разгорается приятное знакомое чувство.

Игра. Это ведь тоже, по сути, просто игра, только карточный стол разросся до размеров с целого города, а партия будет длиться тринадцать дней. Надеюсь сократить ее минимум вдвое, но это уже как пойдет. Глуп тот игрок, который думает, что соперник профан. А уж мой папочка — самый большой любитель подтасовывать карты. Вон как славно меня отделал.

— Отвезу тебя в больницу, — говорю я, на этот раз полностью искоренив из своего голоса просительные нотки.

— Со мной все в порядке. Спасибо за предложение, но я же не попала под колеса. До свидания. Три коротких предложения — и Овечка, втянув голову в плечи, теперь уже медленной, чуть ковыляющей, походкой снова идет к сраному переходу. Приходится намотать нервы на кулак и догнать ее. Хочу схватить за руку, но точно знаю, что за такое огребу по первой программе. Не в смысле, что она меня побьет, но это точно не добавит любви ко мне. Поэтому просто обегаю ее, поворачиваюсь к Овечке лицом и пару секунд иду задом наперед, пока ей, наконец, не надоедает делать вид, что меня не существует.

Останавливается, толкает меня вопросительным и теперь уже явно раздраженным взглядом. Один ноль в мою пользу. На светофоре теперь красный — и у меня есть сорок секунд, чтобы правдами и неправдами заставить ее сесть в мою машину. Хотя, кого я обманываю? Неправдами и только неправдами.

— У тебя поцарапано колено, — говорю спокойно. — Там грязь. Если ее не обработать в ближайшее время, может начаться заражение крови. И ты хромаешь. Вряд ли перелом, но вывих — легко. Натрудишь ногу, пока доберешься домой — завтра вообще не сможешь ходить. Она же медик, должна знать, что такой исход возможен.

Александра — черт, мне хочется кончить с ее именем на губах и глубоко в ней! — смазанным жестом пытается прикрыть огромную дыру на штанине. Когда мы упали, то оба немного «проехали» по асфальту, но мне повезло больше, чем ей, потому что моя одежда даже почти не испачкалась.

— Это просто пара царапин, — говорит Овечка, но я уже слышу в ее голосе неуверенность, а в глазах — панику, которую она никак не может погасить.

Я же говорил, что трахать удачу полезно не только для здоровья, но и для кармы в целом, потому что на этот раз я попал прямо в яблочко. Похоже, мой маленький очкарик не понаслышке знает обо всех последствиях подобных травм.

— Это не пара царапин, Александра, и ты это знаешь.

Хорошо, что я в джинсах. Просто великолепно, что я в джинсах, потому что, если еще раз произнесу вслух ее имя, меня просто разорвет ниже пояса. И это немного странно. Приятно, но странно, потому что за двести лет через меня прошло столько женщин, что мой член точно разучился становиться по стойке смирно вот так, без приказа. Но эту «странность» легко объяснить и, увы, подоплека совершенно не романтическая. Просто еще один папашин

сюрприз. Похоже, меня должно вштыривать на нее, а не наоборот. Откуда я это знаю? Просто цепочка логических умозаключений и те его слова в кабинете, когда он вздрючил нас, как первоклашек: «И на ваши члены найдется управа».

«Вштыривать, вздрючил... Локи, завязывай со сленгом, а то тебя скоро в приличные места перестанут пускать».

— Я не сажусь в машины к незнакомцам, — говорит она.

Нижняя челюсть дрожит так сильно, что вода с подбородка стекает рваной каплей. А дождь, между прочим, только усилился. Мне-то все равно, а вот Овечке, если она не перестанет упрямиться, грозит как минимум простуда. А мне как-то ну вот совсем не хочется соблазнять носовой платок со вкусом витамина С.

— Во-первых, я не незнакомец. Алексей, помнишь? Алексей Черных, если совсем уж официально. Двадцать пять лет, порочащих связей не имел, не привлекался, веду здоровый образ жизни и даже не курю. Не женат, в любовной связи не состою.

Про любовную связь это я зря: Овечка морщит нос, давая понять, что даже если у меня дома гарем из ста любимых жен, ей в принципе все равно.

— Во-вторых, садиться в мою машину совсем не обязательно. Я тебя отнесу.

— До больницы? На руках? — Она недоверчиво хмурится. — Отсюда до ближайшего травпункта минут сорок пешком.

Я улыбаюсь с видом человека, осознающего всю бредовость ситуации.

Овечка копошится в сумке и вдруг достает оттуда баллончик, наставляет на меня, но без явной угрозы. На всякий случай все равно выхожу из зоны поражения.

— Знаешь, Александра, нужно сразу предупреждать, что ты тяжело вооружена, а то я ведь и в обморок грохнуться мог. Или описаться от страха, а я с двух лет в штаны не прудил.

Кадрить девушку разговорами о мокрых ползунках — это что-то новенькое.

Но Овечка, наконец, слабо улыбается.

Два ноль в мою пользу.

Глава четвертая: Александра

Я сижу на дорогом кожаном сиденье в дорогой спортивной машине, завернутая в плед, тряусь и пачкаю все вокруг, оставляя мокрый след, как улитка. В одной руке баллончик, в другой стаканчик с горчим чаем, который мой неожиданный спаситель взял в ближайшем автомате. Невкусный, и совсем несладкий, но зато горячий.

В полной тишине мы едем до травпункта. И я поверить не могу, что дала себя уговорить так быстро. Этому есть логическое объяснение, но все равно я не планировала соглашаться на его явные попытки меня кадрить.

В прошлом году моя однокурсница занесла в рану инфекцию, вовремя не обработала и, как итог, несколько месяцев провалялась в интенсивке с сепсисом. Мне бы очень не хотелось повторить ее судьбу.

Кстати, нога и правда болит, внизу, чуть выше ступни. Ничего страшного наверняка. Хочу на это надеяться.

— Лучше? — интересуется Алексей, притормаживая на светофоре.

Просто киваю и продолжаю пить чай. Вроде и согрелась, а трясет еще сильнее. Вместе с холодом из меня выходит еще и стресс. Перед глазами до сих пор тот внедорожник, шум летящей машины, ни намек на скрип тормозов. И тяжелый поток воздуха, который хлещет меня по щекам. Если бы не этот парень, на том асфальте, размазанная в блин, лежала бы я, а не моя куртка.

В сумке вибрирует телефон — и в тишине салона раздается негромкий смех Алексея. Его забавляет ситуация, которая лично меня на секунду вводит в ступор. Обе руки заняты — и ни стаканчик, ни свое «оружие» я ни за что не отложу. Вибрация неприятно отдается в колени, но я продолжаю делать вид, что все нормально и эти поздние звонки — не то, ради чего стоит жертвовать безопасностью или спасительным чаем.

— Парень? — Алексей перестраивается в крайний ряд и, сворачивая на перекрестке, зачем-то снижает скорость до пятидесяти. Хотя мы и так уже почти на месте.

— Да.

Стал бы Виталик звонить. Он очень упрямый, а после нашего разговора еще и чувствует себя глубоко обиженным и недооцененным. Он мне нравится. Правда нравится: умный, ответственный, симпатичный и терпеливый. Только немного вспыльчивый. И пока не переберется — мириться не станет. Тем более в ситуации, в которой считает себя пострадавшей стороной.

— Плохой у тебя парень, Александра. Кто же отпускает девушку домой одну и в дождь.

— Тот, у кого есть дела поважнее? — даю почву для размышлений.

Алексей бросает в мою сторону косой взгляд, и я без труда читаю по его губам скептическое: «Ну да, ну да...»

В травмпункте нас очень нерадостно встречает дежурный врач. Но Алексей чуть отводит его в сторону, говорит что-то — и настроение эскулапа на глазах меняется. Этакое превращение из Бармаля в Доктора Ливси. Интересно, сколько Алексей ему всучил?

Царапина очень даже немаленькая — на всю коленную чашечку, и кровь залила ногу до самого носка. С лодыжкой, наоборот, все хорошо, но раз уж за меня «заплатили», то мне устраивают сервис по высшему разряду: делают рентген, мажут согревающим гелем, обматывают лодыжку эластичным бинтом. От укола обезболивающего я с горем пополам успешно отбиваюсь.

«Доктор Ливси» возвращает меня Алексею практически с рук на руки, еще и шутит:

— Теперь еще лучше, чем была!

Моего спутника эта шутка не забавляет: под напором его холодного взгляда доктор судорожно глотает смех и сует руки в карманы халата.

— Спасибо за... В общем, за все, — благодарю я, когда мы с Алексеем выходим на крыльцо.

Дождь явно затянул на всю ночь.

— Я подвезу тебя до дома.

— Нет, — однозначно пресекаю дальнейшие попытки меня кадрить. Благодарность мною высказана в полном объеме, детей мы вместе не крестили, так что самое время отчалить к разным берегам.

Он как-то странно на меня смотрит, серый взгляд медленно наполняет клубящаяся тьма.

Никогда ничего подобного не видела, и от непонятной сковывающей паники слишком неаккуратно пячусь назад. Нога соскальзывает с края ступени и...

Нет, я не падаю, потому что Алексей успевает схватить меня за руку. Рывком тянет к себе: я со всего размаха ударяюсь грудью о его грудь, и в ноздри ударяет волна горячего аромата, который я бесполезно пытаюсь разгадать. Чем же пахнет искушение? Шоколадом? Чистой кожей? Лосьоном после бритья?

Я только думаю о том, чтобы вырваться, а Алексей уже разжимает руки и сам же меня отодвигает. С откровенной насмешкой следит за тем, как я поправляю сползшие на носу очки, и говорит:

— Постарайся ни во что не вляпаться до завтра, Александра. Я заеду за тобой после учебы, и мы познакомимся еще раз.

Пока я остолбенело пытаюсь понять, что это сейчас было, он, насвистывая, спускается по лестницы, садится в машину и уезжает.

Еще минут десять я топчусь на крыльце, пытаюсь разгадать загадку последней реплики, но на ум не приходит ничего, кроме пустой болтовни для красного словца. Он же даже не знает, где я учусь. Хотя, кажется, когда меня оформляли в травмпункте, я называла место учебы? Или нет? Я до сих пор не очень успешно сражаюсь со страхом, и до сих пор перед глазами мелькает тот черный внедорожник.

Наверное, именно поэтому не сразу понимаю, что подъехавшее к крыльцу такси настойчиво сигнализирует именно мне. Я не вызвала такси — это совершенно точно. Но таксист открывает дверцу соседнего пассажирского сиденья и орет:

— Александра? Я за вами.

О том, что это может быть какая-то западня, я думаю с огромным запозданием: уже сидя в салоне, когда водитель выруливает из внутреннего двора. Видимо, он замечает, что я начинаю искать ручку на дверце и тут же говорит:

— Вызов на этот адрес сделали для Александры. Я не маньяк какой-нибудь.

В итоге он привозит меня до общаги, и пока я пытаюсь вспомнить, сколько денег у меня в кошельке и хватит ли расплатиться, говорит, что я ничего не должна, и уезжает. Я знаю, что это сделал Алексей, но все равно не могу найти в себе слов благодарности, хотя должна бы. Ни один человек на свете не был со мной таким внимательным, даже если эта внимательность граничила с навязчивостью.

Пока мои ноги откисают в тазике с горячей водой и горчицей — бабушкины способы актуальны даже для студентов-медиков — я все-таки заглядываю в телефон. И с удивлением обнаруживаю там три не отвеченных от Виталика и еще столько же СМС сообщений тоже от него.

Извиняется, пишет, что был очень неправ, и что я просто должна забыть наш разговор, как будто его и не было. На часах уже начало первого, так что свое сообщение о том, что я просто долго добиралась домой, промокла и заснула, когда согрелась, сохраняю в черновиках.

Отправляю утром.

Уже в постели, отчаянно пытаюсь справиться с сонливостью и одновременно хотя бы одним глазом прочесть учебник, понимаю, что мой телефон снова вибрирует, сообщая о получении очередного СМС. На этот раз номер незнакомый, и на ум приходит только один человек, кто бы мог беспокоить меня в два часа ночи наверняка дурацким сообщением. Вернее, не то чтобы знаю, но это точно в его стиле.

К сообщению прикреплена фотография. Селфи в запотевшее стекло, на котором написано: «Сладких снов, Овечка». Меня сразу бросает в краску, потому что это совсем, как в сказке: ни одетый, ни раздетый. Но зато как хорошо видны контуры крепких обнаженных плеч, четко очерченных грудных мышц и рельефного живота. И еще немного, совсем чуть-чуть ниже пупка, потому что остальное «срезано» нижней рамкой снимка.

Если бы это порно для подростков прислал кто-то другой, в ответ я бы прислала пожелание страдать хронической диареей или... да просто бы проигнорировала и занесла номер в черный список. И что-то такое про диарею даже начинаю писать в ответ, но в итоге стираю первое же слово раз десять, пока не сдаюсь. Надо просто его удалить. Ничего сложного. Отметить дурацкое сообщение и бросить в мусорную корзину, где ему самое место.

Не могу. Просто не могу и все.

Удалю завтра утром, когда буду отправлять сообщение Виталику.

Я всегда сплю с телефоном под подушкой, чтобы не проворонить будильник, но в эту ночь сжимаю своего «старичка» особенно крепко и даже засыпаю с мыслью о том, что утром нужно бы еще раз посмотреть на фотографию, прежде чем безжалостно стереть недрогнувшей рукой.

Глава пятая: Локи

Благодаря жадному доктору у меня есть все: место учебы, адрес, телефон. И я использую полученные знания на всю катушку: ловлю за углом первого же таксиста, всучиваю ему деньги и даю точные указания к действию. Потом пристраиваюсь следом за тарантайкой и проверяю, чтобы мое сокровище без приключений добралось домой. В конце концов, от нее зависит мое благополучие. У отца точно шикарное чувство юмора, иначе стал бы он класть иглу с Кощеевой погибелью в смертную девственницу?

Овечка живет в каком-то замызанном сарае, который почему-то называется общежитием для студентов медунивера. Даже я не рискнул бы зайти внутрь без костюма химзащиты и противогаза, но, похоже, у моей Александры просто нет других вариантов.

Убедившись, что она благополучно зашла внутрь — я вычислил ее окна и дождался, пока там зажжется свет — ныряю в Тень. Предстоит серьезный разговор с отцом. Без вариантов, что он мне точно откажет, но я просто хочу посмотреть ему в глаза и спросить, а каким хером он поступил так с ней. Не со мной — я живучая бездушная сволочь, и меня такими фокусами не пронять. Но девчонка, если уж он решил прибрать ее к своим рукам, такого точно не заслуживает.

В Тени мой отец живет в Олимпе: самом огромной небоскребе, целиком выточенном из обсидиана. Поездка в лифте с первого на последний занимает порядка двадцати минут, и я, если

так можно выразиться, успеваю подумать о своей беспутной жизни. Пытаюсь отыскать сожаление о содеянном, желание покаяться, как на смертном одре — и ни фига. Мне, черт подери, моя жизнь нравится именно такой: беспутной, яркой, с глотком риска и рюмкой разврата. И я не собираюсь ничего менять. Я просто попробую сделать невозможное: обвести вокруг пальца своего отца, а это вам не Удачу в задницу поймать.

Отец развалился на диване и смотрит мыльную оперу. Он вообще любит делать странные вещи после полуночи, но у всех великих людей были причуды. Seriously, ткните наугад в фамилию любого гения и со стопроцентной вероятностью узнаете о нем много интересного. Кто-то любил надевать носок на член, кто-то написал свои лучшие поэмы голышом, кто-то любил мальчиков, а кто-то наряжался в женское белье. Нормальных людей не существует — факт.

— Я тебя приглашал? — Отец даже не смотрит в мою сторону. — Не помню.

— Скажи, тебе сейчас вообще, как — нормально? — без обиняков начинаю я. — Ей же девятнадцать всего. Может, она мечтает о большой и светлой любви, у нее даже парень есть. А ты ее мне подложил, как свинью на убой. Так для кого это наказание? Для меня? Seriously? Отец все-таки выключает телевизор — делает это без пульта, как вы понимаете, просто мыслью — и тяжело поднимается. Сует руки в карманы домашних штанов, с минуту просто смотрит на меня так, что у меня мошонка втягивается чуть ли не до аппендикса.

— Локи, ты, кажется, не понял.

— Так объясни, что это за херня. — От нервов рву горло свитера вниз, обнажая край витиеватого цветка на груди. — Если бы я захотел крутое тату, то выбрал бы что-то поинтереснее, чем недоделанная ромашка.

— Ты что, правда решил, что достаточно будет просто соблазнить Александру? — Он выглядит очень разочарованным.

Мне уже дурно, потому что в последний раз, когда отец смотрел на меня точно таким же взглядом, это кончилось обещанием научить меня быть прилежным парнем и прекратить увязываться за всем, что шевелится. Можно даже не надеяться, что сейчас он сделает исключение.

— Стоп! — Я вскидываю руку и проклинаю себя за то, что не держал язык за зубами. Зачем вообще сюда приперся? Я же всегда мыслю трезво и рационально. — Ты же не станешь менять правила игры после ее начала?

— Я ничего и не меняю, Локи, просто пытаюсь сказать, что ты сделал фальстарт.

У меня язык не поворачивается попросить его объяснить. Тупо страшно.

— От того, соблазнишь ты девочку или нет, ни для нее, ни для тебя ничего не изменится. Это, как ты понимаешь, слишком просто.

— Просто? Соблазнить ту, которая отмечена как твоя собственность? — Да он издевается.

— Да, просто. — Убийственно спокойно говорит он. — Я же твой отец, Локи, я знаю все твои лазейки и фокусы, потому что это я тебя таким создал.

Честно пытаюсь приготовиться к тому, что сейчас мне на плечи, словно титану из мифа, ухнет весь небесный свод, но все равно чувствую дрожь в коленях, когда он говорит:

— Она должна тебя полюбить, Локи. Искренне и по-настоящему, как умеет любить только невинная чистая душа.

Просто чтобы вы поняли всю глубину моего отчаяния, я должен сделать уточнение: меня, красавца, демона искушения, упакованного по последней моде, великолепного любовника и просто, блин, Локи, никогда и никто не любил. Потому что — я объективен — любить меня не за что.

— Знаешь, это даже для тебя слишком, — говорю я, пытаюсь переварить всю эту галиматью. И вот прямо сейчас уже чихать на сленг, которым я щедро сдабриваю мысли, потому что обычных человеческих слов у меня нет. — Ты же знаешь, что...

Отец выразительно поднимает бровь и как будто превращается в знак вопроса. Но такой, очень херовый знак вопроса, весь перемазанный цинизмом, как тост арахисовой пастой.

— Я знаю, что вы заигрались, мальчики, — говорит он, потому что озвучивать вещи, очевидные для нас двоих, явно не стоит.

— Здесь вообще-то никого кроме меня нет, так что твой пассаж не очень в тему.

— Да мне по фигу, главное, что мы друг друга прекрасно поняли.

Немного странно слышать молодежные словечки от Создателя, и только это не дает мне окончательно двинуться. Смех — он всегда полезен, даже когда тебя «упали» с сотого этажа. Я знаю, о чем говорю.

— Вы с братьями всегда только берете, снова и снова, берете то, что вам не принадлежит, и то, что в вас не нуждается. Соблазняете, используете, просто выпиваете досуха — и растворяетесь. А знаешь, что происходит потом? — Отец тычет пальцами себе в виски. — Потом они начинают плакать, и снова плакать, и опять плакать, и заваливают меня вопросами, что они сделали не так!

— И поэтому ты решил присоединить к этой армии еще одно разбитое сердце? — Мне одному кажется, что это странная логика?

Я все жду, когда отец поддастся на провокацию и выдаст свой замысел. Бессмысленно даже надеяться, что он вскроет карты — мы ведь играем по-крупному, а когда на кону целое бессмертие, игроки не поджигают хвосты, как рыбы[1]. Но просто чтобы вы понимали: вот этот мужчина напротив, с короткой бородкой и в домашних штанах — он не просто злой отец трех оболтусов. Он — создатель всего. И у таких людей просто не бывает промашек в элементарной логике. А, значит, где-то в этой простой партии для меня приготовлен огромный «сюприз».

— Теперь у тебя только двенадцать дней, Локи, — вместо ответа напоминает он, и комната наполняется громким мерным перебором секунд. Ненавижу эти его фокусы, всегда они не к месту, как в старом кино спецэффекты из «Мстителей». — И на твоём месте я бы не терял время на попытки обыграть Акулу[2].

Я машу ему рукой, хоть мы стоим на расстоянии пары метров друг от друга, поворачиваюсь на пятках и иду к двери. В пороге притормаживаю и, хлопнув себя по лбу, говорю:

— Прости, забыл. Передавай привет мамочкам.

— Явишься еще раз без подарка — я тебя выпорю, — «шутит» отец.

— Ты меня серьезно... убьешь? — все еще не могу поверить я.

— Бессмертие — не равно смерть, Локи, но с твоим образом жизни... — Он сокрушенно и без капли сочувствия качает головой. — Вали на хер.

— Читаешь мои мысли, — на прощанье огрызаюсь я, но он же Создатель, и последнее слово — его прерогатива.

— Всегда читаю.

[1] «Рыба» — сленг, название для плохих и слабых игроков в покер

[2] «Акула» — очень опытный и опасный игрок в покер

Глава шестая: Локи

После разговора с отцом я, злой, как черт, возвращаюсь в реальность и без сил падаю в кровать. Нет ни единой мысли, что делать дальше, а у меня, чтобы вы понимали, мозг работает, как бесконечный генератор идей. Мухлежники и лжецы только потому и живы и более-менее целыми выбираются из всех передряг, что умеют быстро соображать. Пока ты тупишь, кто-то уже достает крапленую карту или ловко заменяет кубики. Ну или вкладывает два патрона в двустолку, чтобы превратить тебя в решето для отбрасывания лапши.

«Двенадцать дней, Локи», — приходит сообщение от отца, к которому он присоединяет кучу издевательских смайликов. Я говорил, что у него хорошее чувство юмора? Большую часть времени, но точно не сегодня.

Вслед за сообщением от отца звонит мой любимый братец Люцифер. Как всегда где-то на заднем фоне его рваного голоса гремит музыка.

— Локи, тащи свою задницу! — Фер что-то попутно подпевает. Похоже, на каком-то драйвовом концерте. — Тут такие цыпочки, целых восемь. Мне одному много, двух отдам тебе.

— Ты бухой? — с трудом улыбаюсь в ответ.

— В дрова, — ржет он. — Блондиночкой ужрался так, что башка, как мельница, а рыжая...

Локи, у нее такая жопа! Бьешь — и половина Мексики трясется!

Люцифер не пьет алкоголь, потому что его это не берет. Он пьет женщин. Заводит до самого упора, а потом вбирает в себя их похоть, страсть, желание, порок. Для него даже четверо цыпочек за раз — это просто разминка. И если из восьми он «щедро» готов поделить двумя, значит, уже и правда бухой.

— Фер, как влюбить в себя женщину?

— Че? — не сразу понимает он.

— Просто, блядь, скажи если хоть что-то знаешь. — Объясняться сейчас некогда, да и вряд ли он все поймет, но нам однозначно нужно будет встретиться и сообща решить, как избавиться от папочкиного проклятья. Жаль, неполным составом, потому что даже нам, бессмертным, не хватит смелости и хватит ума не вытаскивать Каина из гроба.

— Трахни ее.

Рукалицо. Да, сленг. Ну нет у меня другого подходящего слова, а тут восемь букв — и весь набор эмоций. И сразу понятно, что в этот момент я мысленно звонко луплю себя по лбу и приговариваю: «Нашел кого спросить!»

— Кино? Книжки? Рестораны? Сейшелы? — У меня реально паника.

— Да просто трахни ее! — орет он. — Отжарь так, чтобы света белого не видела. Путь три дня в койке живет. Корми виноградом, пои шампанским — и через три дня будет из твоих рук даже песок есть.

— Спасибо, Фер, — уныло благодарю я.

— Так приедешь?

Я говорю «Пас» и отключаюсь.

Примерно час уходит на то, чтобы впитать в себя информацию с пары популярных женских форумов. Что там сейчас в моде у девственников? Смотрю фотки девичьих идиолов и впадаю в уныние, потому что даже я со своим худощавым телосложением на фоне этих суповых наборов выгляжу настоящим Гераклом.

Читаю сокровенные признания невинных дев, смотрю фотки, которыми они делятся: цветочки, конфетки, медвежата. Херня в общем. Кто-то любит нежно, кто-то грубо. Девочка с ником «Колькина радость» прикрепляет к сообщению свое фото в красивом кожаном ошейнике и сокрушается, что ее «любимка» не хочет быть жестким хоть иногда, а ей так хочется, чтобы ее отшлепали.

Странный мужик, сам не знает, от чего отказывается. Отшлепать по заднице славную малышку — это всегда приятно. Причем обоим, если девочка не зажимается.

Но Александра...

Стоп.

Ошейник!

Ну как же я сразу не догадался.

За секунду мозг, как скоростной экспресс, сворачивает в нужный тоннель.

Я привяжу ее к себе, а себя — к ней. И накачаю собой так, что даже на кровяных тельцах в ее венах буде отпечатана буква «Л». Разделю каждую эмоцию надвое и скормлю под таким соусом, что моя маленькая Овечка будет просить добавки.

И в этом мне, хитрецу и обманщику, поможет — что бы вы думали? Правда.

Как только у меня появляется план, жизнь налаживается. Шестеренки в голове, получив порцию высококачественного масла, вертятся на скорости «турбо» и генерируют целую колонию трудолюбивых муравьев, которые, пока я раздеваюсь, напевая себе под нос, за считанные секунды выстраивают дьявольский план.

Если я что и почерпнул из женских форумов, так это то, что девочки — все без исключения — падки на красивые мужские тела. Даже девственницы, хоть вряд ли они признаются об этом своим мамочкам за чашкой чая и булкой с малиновым вареньем. Поэтому я делаю то, что делаю: отправляю моей маленькой невинной Александре свою фотографию. Нарочно «стыдливо» прячусь в запотевшем зеркале, чтобы она не думала, что я совсем маньяк, и чтобы ее сон был наполнен желанием стереть пар с зеркала и рассмотреть все подробности

внимательно и очень медленно. Хотя я и голым мог бы сфоткаться — у меня, как вы понимаете, нет никаких комплексов, тем более, что я, хоть и младшенький, папочкой наделен хорошим и внушительным «инструментом». Было бы странно, будь у демона искушения пипетка вместо члена.

Конечно же я не рассчитываю на то, что Овечка придет в ответ хотя бы возмущенный смайлик, но все-таки примерно еще час жду хотя бы какой-то реакции. И мысленно посмеиваюсь, представляя ее румяные щеки, когда она будет весь день украдкой поглядывать на мое фото. Потому что ни на секунду не сомневаюсь — маленькая Александра просто не сможет его удалить.

Глава седьмая: Александра

Будь неладен Алексей и его фотография.

Конечно же я не смогла ее удалить. Не знаю почему. Но на всякий случай, чтобы не упасть в собственных глазах, даже не пытаюсь анализировать причины. Потому что в этот раз они вряд ли будут созвучны моему обычному трезвомыслию. Дурацкое слово, и как я только его придумала?

Утром отправляю сообщение Виталику и собираюсь удалить ненужный снимок, но вместо этого тарашусь на него минут пять и, как итог, приготовленные кое-как криспы с вареньем ем уже на ходу. В метро просто листаю галерею и вдруг понимаю, что у меня нет ни одной фотографии моего парня, а мы вместе не один месяц. И до этого дня меня ни капли не смущало отсутствие не то что его фото, но и наших общих снимков. Если бы не фотография Алексея, мне бы и в голову не пришло об этом подумать.

В конце второй пары Алексей присылает еще одно сообщение, и я долго не решаюсь его открыть, потому что на занятиях мне нужна ясная голова, а не забитая всякими непотребными картинками девичья коробка с секретами, которую я зачем-то приволокла в универ и решила разложить прямо на столе. Но как только профессор отпускает нас, я первым делом открываю сообщение и с облегчением вздыхаю, потому что на этот раз там нет никакого фото, а только короткое послание: «Все в силе». Я так понимаю, этот ненормальный серьезно вбил себе в голову осуществить дурацкую затею более близкого знакомства со мной?

«У меня есть парень, не нужно меня компрометировать»,
— пишу в сердцах в ответ, отправляю, и через пару секунд, когда на сообщении появляется статус доставлено, до меня понемногу начинает доходить, что именно я написала.

Не нужно меня компрометировать?!

Господи, так не выражается даже наша строгая комендантша, помешанная на сериалах.

Я вылетаю из аудитории, на ходу уговаривая себя больше не реагировать на очевидные и намеренные провокации, и теперь уже точно, железно, никогда не открывать сообщения с этого номера, который для верности обозвала «Псих!» Я буду просто удалять их, не читая.

Виталик поджидает за дверью и подстраивается под мой быстрый шаг. Он пытается что-то сказать, но я даже не слушаю. Поэтому он берет инициативу в свои руки и резко хватается меня за плечи. Еще бы «Тпррр!» сказал, как бешеной лошади.

— Сашка, слушай, хватит дурить, — говорит он немного нервно, потому что внутренние тормоза срабатывают не сразу — и я какое-то время еще перебираю ногами в бессмысленных попытках уйти. — Я очень погорячился вчера. Мне правда жаль. Мне очень-очень жаль. Эта работа... Черт! Я рассчитывал на стабильный заработок, хотел сэкономить, чтобы повезти тебя куда-нибудь на Новый год. Помнишь, ты хотела покататься на лыжах?

— Нет, Виталик, не помню. Хочешь, скажу почему? Потому что в шестом классе я очень неудачно упала с горки, когда спускалась вниз по лыжне, сломала ногу и три месяца проходила с костылями. И с тех пор я ненавижу лыжи и коньки, и санки. И даже игру в снежки!

Я понимаю, что ору, ведь вечно спешащие студенты-медики вдруг перестают копошиться, словно мухи на арбузе, и заинтересованно наблюдают за спонтанным предоставлением под названием «Разлад влюбленных». Виталик поджимает нижнюю губу, еще крепче сжимает пальцы у меня на плечах и вдруг делает то, чего я совсем не ожидаю — он меня целует. Прямо врывается ртом в мой рот, и я чувствую скользкий язык у себя на губах, которые, чем больше он старается, тем сильнее пытаюсь сжать в ответ. Конечно, это не первый наш поцелуй, и конечно, у нас было кое-что более откровенное, чем язык в рот. Ну, не считая самого главного. Но Виталик никогда не пытался помириться такими варварскими методами. Любой наш спор — хоть их и было немного — это операция в миниатюре. Мы ставим диагноз, выдвигаем гипотезы, выкладываем воображаемые инструменты, а потом тщательно препарируем нашу проблему до тех пор, пока все раковые клетки не будут вырезаны под корень. Никаких поцелуев, слез, истерик и тем более глупых подарков и конфет в коробках в форме сердечка. Только трезвый расчет.

То, что Виталик делает сейчас, очень похоже на панику. Он же будущий хирург, а ведет себя как студентка-практикантка, которая трясется от страха сделать укол в вену живому человеку, а не силиконовой руке.

Я пытаюсь его оттолкнуть, потому что мне нечем дышать, и потому что во рту Виталика есть стойкий вкус вчерашнего алкоголя, который он попытался заглушить апельсиновой жвачкой. Виталик еще сильнее прижимает меня к себе и я — господи боже! — чувствую, что мне что-то упирается в живот.

Ладно, я в курсе, что это, я ведь студент-медик, но вместо того, чтобы испытывать хотя бы толику возбуждения, я чувствую только идиотское желание врезать ему побольнее за это представление. Он ведь мог дожидаться конца пар, спокойно предложить поговорить, а не корчить из себя героя голливудской мелодрамы. Мы оба без пяти минут люди с высшим образованием, а он ведет себя, как неандерталец в пубертатный период.

Я кое-как упираюсь ладонями ему в грудь, собираюсь с силами для толчка, нажимаю на ребра — и Виталика сносит, словно волной. Даже не сразу понимаю, что происходит, потому что у нас с ним огромная разница в комплекции, и как бы я ни пыталась корчить Халка, такие штуки мне не по плечу.

— Слушай, лапша, девушка не хочет пробовать на вкус твои слюни, — слышу очень знакомый насмешливый голос.

Моргаю, рукавом вытирая мокрые губы и поднимаю голову.

Сегодня Алексей в стильном темно-синем костюме, белой рубашке с очень фривольно расстегнутыми тремя верхними пуговицами, приталенном полупальто и начищенных до блеска туфлях. Только прическа та же, что и вчера — взлохмаченные темные волосы, от которых хочется убрать подальше все расчески и гребешки, чтобы ни в коем случае не испортить идеальный беспорядок. И глаза те же, за исключением того, что сейчас в них нет ни капли веселья, хоть губы очень даже натурально улыбаются.

В одной руке Алексей держит стаканчик с кофе, в другой — закрывок Виталика, который сжимает так крепко, что тот лишь бесполезно сучит ногами в воздухе, изредка чиркая носками кроссовок по полу.

Виталик. Висит. В воздухе. Виталик, в котором сто восемьдесят сантиметров роста и в общем прилично мышц, просто болтается в воздухе, как Буратино, которого Карабас Барабас прицепил на деревянный крючок. Только вместо крючка — крепкая рука, да и Карабас Барабас гладко выбрит.

— Ты же сказал, что заедешь после занятий, — говорю на автомате.

Даже не знаю, кто из нас удивлен больше: он моим словам или я тому, что сказала именно их.

— Решил украсть тебя у фармакологии, — подмигивает он. Протягивает стаканчик. — Ты не могла бы...

Я опять-таки на автомате забираю стаканчик и, даже не спрашивая, что там и мне ли это, сую в рот трубочку, втягиваю сразу большую порцию. Там капучино, как я люблю: мало кофе, много сливок и умеренно сахара.

— Не возражаешь? — Алексей продолжает улыбаться одними губами, но жесткий взгляд косится в сторону выхода. — У меня, знаешь, с утра просто зверски ноет в боку, подозреваю аппендицит и хочу проконсультироваться у специалиста.

Я салютую ему своим капучино, не имея ни одного логического объяснения, зачем это делаю. Пока Алексей волоком вытаскивает Виталика на улицу, я так и стою посреди коридора и в ответ на все вопросительные взгляды просто пью капучино. И потихоньку, почти как краб, боком, пячусь к окну. Тут у нас потертые скамейки, и ноги сами подгибаются, чтобы «усадит» меня до того, как я стеку по стенке подтаявшей древесной смолой.

Нужно время, чтобы переварить произошедшее. Ко мне приехал почти незнакомый парень, схватил за шиворот Виталика, с которым я до сих пор официально встречаюсь, и сейчас где-то там, на улице, задает ему взбучку за то, что он хотел меня поцеловать. Я ничего не пропустила? Как будто нет, но с какой стороны ни посмотри — всюду просто полный провал логики. Разве я не должна была храбро вступить за Виталика и вытолкать Алексея не только из универа, но и из своей жизни?

Я все пью и пью, а кофе в стаканчике все не заканчивается и не заканчивается, но, когда Алексей снова появляется в коридоре, я все-таки приговариваю капучино и вместе с последним глотком втягиваю еще и воздух. Так что звук получается не то, чтобы приятным.

Алексей улыбается, подходит ко мне и присаживается рядом. Я кошусь на его руки, чтобы убедиться, что на них нет крови. Ни крови, ни колец, ни браслетов и татуировок на пальцах. Только часы на красивом суховатом запястье. Кстати, у него красивые ладони: узкие, с длинными пальцами и без намека на волосы. Терпеть не могу волосатые руки, а у Алексея волос на теле вообще кот наплакал, только вот та поросль от пупка и...

Я судорожно пытаюсь сделать еще один глоток, чтобы запить полный рот слюны, но снова получается только тот противный звук, и Алексей со смешком забирает у меня стаканчик.

— Рад, что угадал с твоими вкусами, — говорит, поднимаясь, и протягивает мне руку, как будто какой-то принц из сказки.

Я несколько секунд таращусь на этот приглашающий жест, но все равно игнорирую его.

Алексей понимающе качает головой, поднимает ладони, как будто готовится показать фокус с монеткой — и нарочито демонстративно опускает их в карманы пальто.

— Как себя чувствуешь? — интересуется почти официально-деловым тоном. Пока я пытаюсь понять, к чему бы этот вопрос, он уточняет: — Ты вчера сильно промокла, могла простудиться.

— Я попарила ноги в тазу. — Блин, ну вот зачем я это сказала?

— Надеюсь, ты не забыла положить туда таблетку противовирусных?

— У меня под рукой была только горчица. — И это правда, потому что осень, как известно, пришла внезапно в октябре, и я встретила ее полностью неподготовленной. В моей аптечке нет даже горячего чая, только капли для носа. — Спасибо, что помог с... с...

Я сдаюсь и просто киваю на дверь. Выше моих сил сказать: «Спасибо, что не дал моему парню меня поцеловать». Кажется, если я произнесу эту чушь вслух, от смеха Алексея рухнет крыша — и судьба заваленной сессии будет целиком на моей совести.

Но он рушит мои надежды, с совершенно серьезным видом заявляя, что Виталик меня сдал и признался, что мы встречаемся. Немая сцена, достойная Бродвея. И мой суфлер дрыхнет пьяным в своей будке.

— Так я могу украсть тебя с фармакологии, Александра? — интересуется Алексей.

— Нет, конечно, — не задумываясь, отказываюсь я. Ни разу за все время — ни в универе, ни даже в школе — я не пропускала занятий. И сегодня не тот случай, когда стоит сделать исключение. Все еще пытаюсь найти причину, по которой он здесь, и вдруг до меня доходит. Ну да! Ну конечно! И как я сразу не догадалась. Чтобы не покраснеть, начинаю рыться в своих вещах, достаю кошелек. — Я же должна тебе за такси.

Он совсем немного сводит брови к переносице, но этого достаточно, чтобы мне расхотелось открывать кнопку застежки. Так и стою, как дурочка, со свисающим с одного плеча портфелем и своим потертым кошельком.

— Александра, откроешь его — и обещаю, что ты будешь расплачиваться со мной всю оставшуюся жизнь, — очень спокойно, почти ласково, говорит он. Не запугивает ни в коем случае, просто озвучивает непреложную истину. И снова немного пугает меня тем странным взглядом, в котором за серыми глазами скрывается целая пропасть клубящегося тумана.

Чур меня!

Глава восьмая: Александра

Я быстро сую кошелек обратно и со словами «Ну, все равно спасибо, мне пора, до свидания» честно пытаюсь от него сбежать. И Алексей меня не останавливает.

Казалось бы, в чем подвох? В том, что лекторий, где нам читают фармакологию, окнами выходит во внутренний двор, а я всегда сажусь рядом со вторым окном. Просто потому, что от окна больше света и не приходится щуриться.

Алексей никуда не уехал. Его спортивная машина припаркована таким образом, что он может спокойно опираться бедрами на капот и как раз смотреть в мое окно. И стоит мне это понять, как он на минуту снимает солнцезащитные очки, снова подмигивает мне и стучит большим пальцем по циферблату часов, давая понять, что никуда не уедет, и никакая фармакология ему не помеха.

Ладно, пришло время узнать, что он за тип. Вдруг, маньяк?

Пока наша пожилая преподавательница вещает на латыни, я потихоньку забиваю в гугл «Алексей Черных». И в глаза сразу бросаются две странности: о нем есть целая статья в википедии, но ни единого намека на то, чем именно он сколотил свой, судя по указанной цифре, немалый капитал. Странно, да? Ну написал бы, что качает нефть или продает дорогие машины, или занимается сельским хозяйством. А так — вообще ничего. На официальном сайте его компании, который выглядит стильно и солидно, тоже никакой конкретики. Пару раз я цепляю взглядом слово «услуги», но в чем они состоят — непонятно.

Фотографий с ним не то, чтобы много, но все они какие-то совершенно типовые: на фоне рекламного баннера с парой блондинок, или перерезает ленточку с каким-то толстым мужиком. Ничего, что, хотя бы отдаленно намекало на его увлечения в повседневной жизни. Кажется, Алексей Черных только то и делает, что работает на работе, которую нельзя называть. Может, мама Ро что-то знала, и он возглавляет филиал корпорации зла Волан-де-Морта?

Я просто дурю, потому что по факту даже всемогущий гугл мало чем помог, и единственное, чем могу утешиться, так это отсутствием фактов, указывающих на его грязные делишки.

Когда я выхожу после занятий, на улице снова моросит дождик, и Алексей спешит ко мне с зонтиком, чтобы раскрыть его у меня над головой. Подставляет локоть, который я снова игнорирую. И снова никакой вспышки злости, только вежливая улыбка с намеком на то, что он не собирается подавлять мое свободолюбие. Хотя все гораздо проще: мне просто нужно быть хотя бы на расстоянии вытянутой руки, потому что я так до сих пор и не разгадала загадку запаха искушения, который витает вокруг Алексея, словно мой персональный соблазн. Сегодня мне кажется, что никакого шоколада и геля после бритья нет и в помине, зато есть нотка грецких орехов и кленового сиропа. Но все рушится, когда мой живот громко и выразительно урчит. Ну да, я же кроме крипсов и одного яблока до сих пор ничего не ела. Вот тебе и разгадка: искушение пахнет так, как подсказывает пустой желудок.

— Нам нужно поговорить, Александра, — говорит Алексей, и мне на миг чудится, будто он нарочно поджимает губы, чтобы слизать с них вкус моего имени. — В ресторан ты со мной, я так понимаю, не пойдешь, поэтому предлагаю выбрать самой. Любое место, где можно перекусить, кроме откровенной конюшни: мне бы не хотелось, чтобы завтра у тебя болел живот.

Я мысленно прокручиваю его слова в голове. Ему бы не хотелось... Мой живот... С этим парнем явно что-то не так.

— Мне нужно быть в библиотеке через полтора часа, так что свидание придется отложить. Как-нибудь в другой раз.

— Я не собираюсь приглашать тебя на свидание, — говорит он и делает такое лицо, будто я сказала несусветную чушь.

Просто прекрасно, Сашка. Опозориться больше просто невозможно.

— Вообще-то я собирался сделать тебе предложение, — развивает мысль Алексей. — Ну, знаешь: одно колено, маленькая коробочка, красивое кольцо...

Он протягивает руку, как будто хочет убрать волосы, которые выбились из хвостика — и просто так, как самый настоящий фокусник, вынимает из-за моего уха... кольцо.

Тонкий белый ободок с лаконичным прозрачным камнем.

— Красивое кольцо, — проговариваю вслух свои мысли. Точнее, одну единственную мысль, потому что других попросту нет.

— Это «да»? — уточняет он.

Я громко удивленно икаю.

— Ну вот это точно «да», — смеется Алексей и быстрее, чем я успеваю выдернуть ладонь, окольцовывает меня, как лабораторную зверушку.

Кольцо сидит на пальце, как влитое: не пережимает, но и не болтается. Я ради любопытства трясую рукой, проверяя, не свалится ли оно. Алексей наблюдает за мной без тени беспокойства.

Ну, оно и понятно: даже если эта копеечная безделушка свалится и угодит прямоком в сток, он вряд ли расстроится.

— Смешно, — говорю я, нарочно глубоко заталкивая руку с подарком в карман куртки.

Пусть не думает, что я собираюсь возвращать. Из принципа оставляю себе, хоть оно мне точно не нужно и вообще я не люблю украшения еще с детства, потому что жили мы бедно — и мама, чтобы хоть как-то украсить мое старое платье, чуть ли не полностью обшивала его елочной мишурой. Вот с того времени и не люблю все, что блестит.

— Что тебя забавляет, Александра? — интересуется Алексей и как бы невзначай кладет руку мне на талию, чтобы увести в сторону от толпы студентов, которая валом несется по лестнице. Наверное, первокурсники — и им еще не осточертели студенческие будни.

— Предложение забавное. — Неужели так сложно не называть меня Александра? Полным именем меня называла только мама, ей оно почему-то очень нравилось. — Я бы согласилась, но, прости, ты не встал на одно колено. И колечко без коробочки — это стопроцентный провал. Считаю, что сделал фальстарт, и в следующий раз подготовься лучше.

Я спускаюсь вниз и стараюсь не дышать, потому что его странный аромат все равно вокруг меня и манит оглянуться, посмотреть, что там плещется в серых глазах.

Он просто ненормальный. У богатых много причуд и странностей.

Алексей догоняет меня и снова, как будто мы поставили на повтор вчерашний день, подстраивается под мой шаг. Просто молча идет рядом и будоражит одним своим присутствием. Честно пытаюсь его игнорировать, но ничего не получается: его вдруг как-то слишком много. Как будто он размножился на десять невидимых копий и окружил меня ими, словно кавказскую пленницу.

— Вот, держи, я пошутила. — Останавливаюсь и протягиваю ему кольцо.

Алексей смотрит на меня, на кольцо, опять на меня и вдруг перестает улыбаться. Резкий порыв ветра ерошит его волосы и бросает в меня одурительным запахом, от которого мне, как Эдварду из «Сумерек», хочется закрыть нос ладонью. Правда, если это не пресловутая химия, то у меня больше нет вариантов. А если это все-таки она, то у меня проблемы размером с Останкинскую башню.

— Во-первых, Александра, я вообще не шутил, — спокойно и как-то даже немного зловеще говорит он. — Во-вторых, это не было официальное предложение, и все, что я собираюсь на тебя надеть, как и положено, лежит в бархатной коробочке. Только, знаешь... — Алексей наклоняется к моему лицу, и когда я пытаюсь отклониться, словно хомяк, которому дуют в нос, заводит руку мне на шею, надежно фиксируя затылок пальцами, словно держит бокал. — В моем плане есть некоторые изменения, потому что по сценарию в этот момент на коленях будешь стоять ты.

— Большой извращенец, — констатирую я. Жаль, а он мне почти понравился. Могли бы в кино сходить на ужастик про инопланетных монстров.

На самом деле, мне очень не по себе. Я знаю этого человека в общей сложности пару часов, а он уже успел намылить шею моему парню, напаялить мне на палец кольцо и со спокойным лицом заявить, что я буду стоять перед ним на коленях. Наверное, я глубоко распутна в своей невинной душе, потому что образы, которые копошатся в моей голове испуганными канарейками, совсем, при всем желании, не укладываются в рейтинг «шестнадцать плюс».

— Я просто хочу быть честным с тобой. — Он спокойно переваривает мои слова и не выглядит обиженным или оскорбленным. — Можешь мне не верить, но единственное место, где ты будешь в безопасности — рядом со мной.

— Ну ты развивай мысль дальше, — жестом подстрекаю его продолжить и, подстраиваясь под его тон, договариваю: — «... Рядом со мной на коленях, в цепях, колодках, с кляпом». На каком этапе вы, извращенцы, обычно упоминаете об анальных пробках и зажимах для сосков? Наверное, даже если бы его прямо сейчас прибила молния, Алексей не выглядел бы таким удивленным.

Глава девятая: Локи

Рукалицо.

Я не умею видеть будущее, но даже не сомневаюсь, что это слово станет постоянным в моем арсенале на все время, пока Александра будет рядом.

Поверить не могу, что она приняла меня за любителя жестких удовольствий. Хотя, конечно, некоторые из моих сексуальных фантазий с маленькой овечкой включают в себя и шлепки по заднице, и связанные руки, и позу сзади, но... Анальная пробка? Она это правда вслух сказала? — Вообще я не думал... так далеко в сторону нашей интимной жизни... — Чешу нос и впервые в жизни не имею ни малейшего представления, как выкрутиться из создавшейся ситуации. Моя Александра не упала в счастливый обморок от предложения руки и сердца, а ведь я, на секундочку, приперся к ней аки принц на белом «мерине». Раньше костюмы от «Армани» всегда работали безотказно.

— А я вот подумала, — резво тараторит Александра, — и твоя неподготовленность меня очень неприятно огорчила. Добавь к дешевому кольцу отсутствие анальной пробки в планах на ужин — и ты поймешь, почему у нас нет и не может быть будущего.

— На ужин? Сегодня? — Если бы я не был бессмертным, то меня хватил бы удар.

— Да, сегодня. — Она поправляет волосы и сокрушенно морщит переносицу. — На завтрак я люблю ванильный секс с тостами и яблочное пюре.

Александра меня стебет. Очень красиво, немного коряво, потому что ей не хватает легкого придыхания и смелости, но при этом даже меня, великого Локи! умудряется обвести вокруг пальца. Всего на пару секунд, но я правда впечатлен и обескуражен.

Жаль, что не могу надеть на нее ошейник прямо сейчас. Тогда бы маленькая Овечка знала и чувствовала, что со мной делают ее слова о ванильном сексе утром.

Я не врал, когда говорил про бархатную коробку для настоящего подарка. Ошейник сделал мастер из Тени точно по моему эскизу. Я не спал всю ночь, потому что стоял над чертовым вампиром, как вкопанный, пока он не закончил работу, но результат превзошел все мои ожидания. Сейчас он лежит на заднем сиденье моей машины в красивом футляре и ждет звездного часа.

Александра бросает кольцо в карман моего пальто и мотает головой, вынуждая разжать пальцы на ее затылке. Она правда думает, что я подарил ей бижутерию? Шаг вперед и два назад. Эпик, как говорится, фэйл.

— Я до девятнадцати лет как-то нормально и безопасно жи...

Закончить она не успевает, потому что порыв ветра проносится у нас над головами настоящим торнадо, и огромный клен справа начинает жутко трещать и кренится в нашу сторону. Слишком быстро, чтобы моя маленькая Овечка смогла сориентироваться и избежать несчастного случая. Но ведь рядом есть я — принц в, мать его, «Армани»!

Успеваю сграбастать Александру в охапку и вывести из-под удара, хоть все же огребаю ветками по спине, когда здоровенная тяжелая крона валится в полуметре от нас. Секундная пауза и гробовая тишина, пока Овечка смотрит на меня глазами испуганной мыши — и мир снова оживает.

Что и говорить — студентам-медикам теперь явно не до учебы. А моя маленькая Александра точно раздумала пускать в ход свой острый язык. Ее рука дрожит, когда Овечка поднимает ее, чтобы стереть что-то влажное у меня над бровью. Оказывается, это кровь.

— Я же говорил, что со мной ты в безопасности, — напоминаю и возвращаю кольцо на ее палец.

Александра в шоке, и это нормально — суток не минуло с тех пор, как она второй раз прошла по грани между жизнью и смертью, но в ней говорит не рассудок, а эмоции, но я все равно присвистываю, когда она вдруг говорит:

— Поехали в ЗАГС, Алексей Черных, только ни слова о коленях.

Если бы я не чувствовал, что она совершенно невинна, то был бы железно уверен, что меня разводят, как молодого и зеленого. Потому что ни одну ее реакцию я до сих пор так и не смог разгадать. Александра «Бермудский треугольник» Черных. Звучит, черт побери!

Одна проблема: женитьба никак не входит в мои планы.

Телефон вибрирует в кармане, и я жопой чувствую, что это еще одно послание от папочки.

«А придется, сынок»

— написано электронными чернилами его явно дрожащей от смеха рукой.

Я осторожно, стараясь не делать резких движений, прямо как кролик перед удавом, снимаю руку Александры со своего локтя. Мою Овечку порядочно потряхивает, и нет никаких сомнений, что пара чашек горячего чая или кофе в прикуску со сладостями приведут ее душевное состояние в норму. И мысли о скоропалительном браке покинут хорошенькую голову так же быстро, как и родились в ней. Очень на это надеюсь, а если нет, то у меня большие проблемы, потому что я собирался получить статус «жениха», тем самым обеспечив себе постоянный и законный доступ к телу на все двенадцать дней. А потом, решив свою проблему с малышкой Александрой, просто уйти в закат.

Хотя нет, вру.

В моем плане есть еще один изъян, и он такой стремный — проклятый сленг! — что пока просто не хочу о нем думать. Возможно, я просто испытываю жалость к славной малышке, потому что мне бы не хотелось видеть ее в гробу до того, как Александра познает все прелести взрослой жизни.

— Нам нужно в медпункт, — стуча зубами, говорит Александра.

Не сопротивляюсь и позволяю ей увести себя в глубины учебного корпуса. Как раз хорошо, потому что терпеть не могу, когда вокруг слишком много смертных. Чувствую себя слоном в посудной лавке со своими «тузами в рукаве».

В медпункте нас встречает тучная медсестра и сразу тянет ко мне свои руки, как будто я — желанный гость, которому забыли выстелить ковровую дорожку. Александра стоит у меня за плечом и с каждой секундой становится все бледнее и бледнее. Не успеваю сесть на кушетку, как за окном раздается громкий «Бах!» выхлопной трубы, и моя Овечка просто садится на кушетку, как будто ей подпилили ноги.

— Вот она, — отвожу руку медсестры, когда та пытается что-то там выщупать у меня на лбу. — Она же студентка-медик? Справится.

Я добавляю к словам пару купюр и с очаровательной улыбкой предлагаю ей пойти выпить кофе. Ее словно ветром сдувает: через секунду в пропахшем лекарствами тесном кабинете остается только мы вдвоем и, должен сказать, это немного будоражит кровь. Даже противный химозный запах не в силах перебить тонкий аромат ее невинности, и он так сильно меня искушает, что приходится заложить ногу на ноги, чтобы не пугать малышку своими слишком очевидными мыслями.

— Это нормально, что мне страшно? — говорит моя Овечка, промокая царапину у меня на лбу какой-то бесцветной дрянью. Даже не щиплется.

— Всем страшно, когда на них падают деревья. — пытаюсь философствовать я, потому что у меня нет для нее ответа. Откуда я знаю, страшно ли ходить по краю смерти, если никогда этого не чувствовал. И, надеюсь, не почувствую.

— И чуть не сбивают машины, — добавляет Александра.

Она пытается подойти ближе и хмуро смотрит на мои ноги. Приходится расставить колени и быстро, пока она не сообразила, что к чему, прижать ее к себе. Руки укладываются на симпатичные изгибы ее бедер, как будто там им самое место. Александра же только сосредоточено делает свою работу. Втирает мне в лоб какую-то зловонную мазь, и я почти готов прыгать от радости, потому что она хоть немного, но перебивает ее сладкий аромат.

— Ты правда миллионер? — спрашивает Овечка, сгребая со стола испачканную вату и бинты.
— Это имеет значение? — Уверен, что для нее — нет, иначе приклеилась бы ко мне еще вчера, когда увидела мою тачку. Тогда все было бы проще. И совсем не интересно, если уж быть до конца откровенным.

— Просто не понимаю, зачем тебе я? — Она подносит к моему носу растопыренную ладонь и стучит пальцем по кольцу на безымянном пальце. — Может быть...

Вы будете смеяться, но она снова не успевает закончить мысль, потому что над нашими головами раздается хрустящий скрежет — и старая лампа с тремя рожками срывается вниз, словно уродливое семечко. Я и сам не очень в курсе, как успел схватить Александру и опрокинуть ее на пол, прикрыв собой. Звон разбитых плафонов немного глушит мое: «сука, блядь, когда это кончится?!» Потому что я зол, как черт, и потому что пара осколков точно угодила мне в ногу.

Александра лежит подо мной тихой мышью и даже не шевелится, и не дышит. Если я срочно что-то не придумаю, то она, чего доброго, начнет задыхаться.

— Эй, Овечка, все в порядке, это просто старая люстра, — шепотом говорю я.

Она еще пару секунд смотрит на меня немигающим взглядом, а потом говорит:

— Александра.

— Что? — не въезжаю я.

— Лучше «Александра», а не «Овечка».

Она как-то странно выходит из ступора, снова удивляя меня отсутствием слез, паники и криков.

— Александра, — растягиваю ее имя по слогам. И только, когда член снова напрягается до состояния полосатого жезла, до меня доходит, какую чудовищную ошибку я совершил.

Но уже поздно, потому что ее губы слишком близко, и если я не могу трахнуть их Локи-младшим, то точно могу трахнуть языком.

В конце концов, я же должен попробовать будущую жену на зуб?

Александра угадывает мои намерения, потому что вдруг оживленно ерзает подо мной, пытаясь освободиться, и даже достает из арсенала пару крепких кулачков, которыми, если ее срочно не утихомирить, точно навешает мне люлей.

— Александра, хватит, — шепчу ей в губы, уже почти чувствуя дурманный вкус невинного рта.

А в ответ слышу:

— Мы едем в ЗАГС, Алексей. Сейчас или... будешь целовать меня в гробу!

Вообще, в моей грешной жизни случилось много того, о чем не расскажут в «Спокойной ночи, малыши», но некрофилией я точно не баловался. И мне как-то совсем не хочется распечатывать эту традицию.

Глава десятая: Локи

Что со мной не так? Где я просчитался? Какую страницу в книге не прочел и какой фрагмент в фильме промотал, если весь мой гениальный план работает косо и криво? Разве не я должен волочить волоком несчастную невинную деву в ЗАГС, покупать ее невинность за большие деньги и терзать невинное тело в своих загребуших лапищах настоящего властного героя? Нет. Настоящий властный герой сидит на соседнем сиденье моей машины и смотрит вперед таким взглядом, что я вообще удивлен, как лобовое стекло до сих пор сдерживает этот беспощадный натиск.

Печально осознать, что на почве страха за собственную жизнь моя малышка повредила рассудком, но еще печальнее, что, блин, меня ведут под венец, а не наоборот. Где-то здесь логика помахала ручкой и отчалила к дальним берегам.

Ладно, нужно хоть что-то взять в собственные руки. Раз уж я собираюсь впервые за двести лет своей беспутной жизни стать мужем.

Телефон в кармане напоминает о том, что папочка бдит.

«Платье девушке купи, олух!»
— и смайлик с дымом из ноздрей.

Вот вы верите, что Создатель может быть таким... гммм... шутником? Нет? А зря.

Я притормаживаю у солидного свадебного салона — не будет же моя Овечка идти под венец в тряпке из бабушкиной занавески. Она даже не сопротивляется, когда девицы уводят ее в примерочную. На прощанье смотрит так, что даже если бы от ее любви ко мне не зависело мое бессмертие, я все равно остался бы сидеть на диване, не помышляя о побеге.

Но, знаете, во всем этом есть плюс.

Потому что я могу взять со стойки комплект красивого нижнего белья и попытаться забраться к моей Александре, чтобы лично помочь его примерять. Вот только почти наверняка огребу по самым не балуйся, так что пока «нога на ногу» точно станет моей любимой позой до первой брачной ночи.

Ну ничего не могу поделать — хочу ее, просто пиздец!

Вот интересно, что будет, если скажу ей это на ухо сразу после того, как нас распишут?

Нет ни единой мысли на этот счет, потому что Александра «Бермудский треугольник»

Романова еще ни разу не пошла по проторенной колее. Может показаться, что мне это не нравится, но нет — я, бляха муха, просто млею!

Пока моей Овечкой занимаются ушлые девицы из свадебного салона, я лезу в интернет.

Думаете, зачем? Чтобы узнать, как положено проводить гражданские церемонии. Где-то на задворках памяти всплывает, что хорошие свадьбы гуляют минимум три дня всем хутором. Или как-то так. Но мы просто распишемся, и нам такой табор ни к чему. И все же, на всякий случай, нужно быть готовым. В Тени, например, все обряды соединения проще пареной репы: нашли алтарь, полоснули по ладоням, сседили по ложке крови — считай муж и жена. Мой папочка так трех жен взял, потому что — да, вы не ослышались — в Тени мы все априори моногамны и редко, когда ревнивы.

Так, кажется, для порядка нужны хотя бы свидетели. Ну, тут без вариантов, хотя, блин, жаль, что Каин до сих пор валяет дурака в своем гробу, потому что Фер товарищ ненадежный и не всегда его «да» — это действительно «да», а «сегодня» может запросто превратиться в «завтра», а то и «я вообще забыл, брат!»

Но выбора у меня нет.

Фер, конечно, спит: берет трубку только после третьей попытки до него дозвониться. И когда я коротко озвучиваю суть проблемы, посылает меня в жопу и предлагает проспаться и выпить кофе. Он думает, я шучу. Набираю в четвертый раз — и когда брат берет трубку, быстро, пока он не открыл рот, говорю:

— Фер, я женюсь, понял? Это не шутки. И обо всей этой херне, между прочим, нужно будет поговорить. Помнишь, отец обещал устроить нам сладкую жизнь? Так вот — у меня эта сладкая жизнь уже в полный рост, и это вообще не так смешно, как ты тогда ржал.

Брат с минуту молчит, только слышу на заднем фоне щелчки зажигалкой и его недовольное ворчание.

— Слушай, правда, что ли? — не верит он.

— Ну а стал бы я же...

Слова просто замерзают на губах, потому что Александра появляется из примерочной и очень неуклюже, как кукла с ногами разной длины, идет на небольшой пьедестал в центре зала.

— Локи, блядь, ты куда пропал? — матерится в трубку Фер.

— Через час, — бормочу я и называю адрес ближайшего ЗАГСа, который высмотрел в гугле.

Бросаю телефон на диван и продолжат тупо пялиться на Овечку.

Ладно, нужно взять ма-а-аленькую паузу и сказать о том, что все женщины прекрасны, когда они — невесты. Вне зависимости от комплекции, возраста, количества детей до брака и количества похороненных мужей. Все невесты — безупречны, потому что это их звездный час. Даже если он десятый по счету и даже если платье не белое, а черное с готическими розочками. Но моя Александра просто божественна. Ну, хотя бы потому, что пока взбирается на свою арену, задирает подол платья, а под ним у нее тяжелые осенние ботинки, которые впору носить байкерше. Потертые и со сбитыми носками, не особенно сочетаются с остальным ее образом, так что наверняка взяты в каком-то магазине «вторых рук».

Платье, которое вряд ли можно назвать сложным произведением портняжного искусства, на ней смотрится лучше, чем если бы это был подвенечный наряд Золушки или Бель. Длинные рукава с петелькой на большом пальце, прямая юбка-колокольчик, закрытая грудь и воротник стойкой до самой шеи. Но когда Александра поворачивается, я просто охуюю от того, как пикантно открыта ее спина: широким ромбом от плеч до самой талии. И тонкие позвонки выступают под бледной кожей, словно клавиши.

— Эммм... — Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать в ответ на ее дефиле.

— Алексей, послушай... — Овечка вдруг спрыгивает на пол и в нерешительности мнет юбку, словно девчонка, которая собирается признаться, что разбила любимую бабушкину вазу. — Я... Ну, знаешь, просто испугалась. Извини, у меня немного помутилось в голове от стресса. Так бывает, мы проходили это на...

— Прости, что? — переспрашиваю я, нарочно корча растерянность.

Я ни фига не растерян, я, если так можно выразиться, просто злой, как черт, хоть черти просто ехидные твари. Если бы она сказала это до того, как я увидел ее вот такой, возможно, я бы прыгал от радости до потолка. Но сейчас все, что я хочу — завладеть этим сокровищем. Хотя бы на двенадцать дней.

— Я не хочу замуж, — твердо говорит Александра и немного морщит лоб, как будто ей больно подбирать правильные слова. — Какой замуж, ты что? Мы друг друга не знаем.

— Но я трижды спас тебе жизнь, — напоминаю, если вдруг она забыла. Хотя вряд ли, но голос рассудка проснулся не вовремя.

Или это мой крепко задрых без задних ног?

— И я очень благодарна тебе за это, но замуж не выйду. Это просто ересь. У меня есть парень.

— Уже нет.

Александра пару секунд переваривает мои слова — и вдруг на глазах преобразается в фурию. В ту, у которой разве что дым из ноздрей не валит, а так может запросто испепелить взглядом, и становится у нее на пути точно не лучшая идея.

Но так уж вышло, что я стою и я — огнеупорный. Не такой, как Фер, но все, как положено демону: руку в огонь могу сунуть и джигу сплясать на костре практически без всякого дискомфорта. Так что сколько бы моя малышка не таращила свои злые глазки, я плещусь в ее гнев, как невинный младенец в купели, и готов еще немного позлить ее, чтобы испытать ни с чем не сравнимое удовольствие усмирения строптивой.

— Что. Ты. Сделал? — по словам спрашивает Александра, хоть, я уверен, и без моих объяснений все прекрасно поняла.

Эх, женщины, им же всегда нужно, чтобы из отбивали и уводили, и не цветочками и серенадами, а как пещерный человек — через плечо и в пещеру.

— Сказал ему, что если еще хоть раз увижу возле своей девочки его поганый нос или учую его смрад, то... погоди, что же... — Тяну паузу как раз до того момента, когда Овечка готова зашипеть от злости, словно вода на грешнике. — В общем, это не для твоих нежных ушей, но, если твоему бывшему хватит ума подойти к тебе ближе, чем на сто метров, он пополнит ряды мужчин, которые ходят ссать в женский туалет.

Теперь очередь Александры выдерживать трагическую паузу, и, должен признать, у нее это получается лучше, чем у меня. Потому что в итоге я просто шлю все к такой-то матери, сую девушкам-консультантам достаточную сумму, чтобы им не захотелось меня останавливать для всяких формальной, и просто взваливаю Александру на плечо.

Моя умница даже не визжит: просто что есть силы бьет меня кулаком по спине.

Приятно, кстати.

— Ты — придурок, — говорит она менторским тоном. — Мы же ходим на одни и те же лекции.

— Значит, не быть ему медиком, — сквозь смех говорю я. — Пусть поступает в ветеринарный, будет братьев лечить, как-то же должен. Между прочим, важная и нужная профессия, незаслуженно обделенная вниманием.

— Братьев? — задумчиво интересуется она.

Мы проходим мимо оформленной зеркалами стены, и я на секунду задерживаюсь, чтобы полюбоваться этим видом. Александра, уперев локоть мне в лопатку, с задумчивым видом подпирает кулаком подбородок. С таким же видом она могла бы доказывать теорему Ферма.

— Ну тех, рогатых, — намекаю я, не отказывая себе в удовольствии полюбоваться новой вспышкой ее ярости.

— Я не выйду за тебя, — говорит она моему отражению. Твердо и четко.
— Точно? — переспрашиваю просто чтобы распалить ее еще больше. — Никаких шансов?
— Абсолютно, — ее однозначный ответ.
— Какая жалость, — улыбаюсь в ответ я, и мы оба знаем, что продолжение реплики ее не порадует. — Какая жалость, что мне, в общем, плевать на твое «нет», Александра «Бермудский треугольник» Черных. Это же я тебя в ЗАГС... несу.

Глава одиннадцатая: Александра

У меня, конечно, просто шок. Другого объяснения этому всему нет и быть не может. Потому что сначала я сама тащу его в ЗАГС, а потом — он меня.
А потом раз — и мы стоим перед тетенькой в креповом костюме, и я словно со стороны слышу свое «да» пополам с икотой.
То есть вот так, за час я из девочки-студентки Александры Власовой стала вдруг девочкой-студенткой Александрой Черных. И не говорите, что так не бывает — я в курсе!
— Тебе идет моя фамилия, — скалится Алексей, когда работница ЗАГСа предлагает нам жить долго и счастливо таким тоном, как будто вот прямо сейчас нас и похоронят.
Нет, я, конечно, могла бы отбиться. Могла даже голосить на всю Ивановскую, звать полицию и пожарников, и даже Человека-паука, но... У меня шок. До сих пор.
— Жена! — Алексей распахивает объятия. — Иди, целовать буду.
Я стреляю в него холодным взглядом, но еще примерно минуту он на что-то надеется. И вроде собирается что-то сказать, но его перебивает грохот музыки за окнами. Такой сильный, что стекла пританцовывают в рамах, и я — просто на одних инстинктах и с оглядкой на три неудачный попытки умереть — бочком подвигаюсь к Алексею.
— Не бойся, это Лягушонка в Коробченке приехала, — немного сквозь зубы улыбается он.
— Кто?
— Мой брат. Средний. Ты к нему, на всякий случай, лучше близко не подходи.
— Я не собираюсь знакомиться с твоими родственниками. — скрещиваю руки на груди и, прекрасно осознавая, какой бред собираюсь сказать, все-таки иду ва-банк: — Я хочу развод.
Тетушка в креповом костюме громко захлопывает папку и говорит нарочито громко:
— Месяц на размышления!
Алексей посылает ей сверкающую а-ля мистер Проппер улыбку, а потом тянется, чтобы снова забросить меня на плечо. Ну уж нет, в этот раз я сама пойду.
Блин, вот что с моей головой? Как это вообще произошло?
И тут до меня понемногу начинает доходить. Хоть это и ерунда полная, но даже она логичнее, чем все мои попытки найти логику в чем-то другом.
— Ты меня чем-то опоил, да? Вчера в чай подсыпал, сегодня — в капучино.
Алексей потирает кончик носа, как будто собирается оправдываться, но я замечаю тень улыбки в уголках его рта. И когда он понимает, что разоблачен, то громко и в полный голос хохочет. Да так заливисто, что приходится быстро бежать на улицу, чтобы не подхватить его странное веселье.
Правда, уже на крыльце я понимаю, что это была плохая идея. Потому что из кислотно-желтой спортивной тачки, похожей на торпеду, с виниловыми наклейками чертей, огня и преисподней, выходит парень. И судя по его задорному оскалу, это как раз и есть брат Алексея. Хоть между ними вообще никакого сходства.
В этом точно метра два роста и точно больше ста кило мышц! Абсолютно рыжий! Волосы витиевато выбриты с затылка и лежат на глазах длинной густой челкой до самого кончика носа. Он отводит ее в сторону, обнажая ярко-апельсиновые глаза и целую кучу пирсинга на лице: два колечка в одной брови, штанга в другой, колечко поперек нижней губы, целая куча побрякушек в ушах. И уши у него такие... Вот точно немного заостренные, как у эльфа.

Ну и самое главное: на улице осень, холодина, а этот в драных джинсах, тяжелых расшнурованных ботинках и футболке лишь с намеками на рукава. Еще и порванной на груди, словно по пути он еле отбил от стаи женщин, мечтающих его раздеть. И все вот ЭТО забито татуировками. Места живого не видно. Верхняя татуировка ползет по шее до самого подбородка и прячется где-то за левым — точно вам говорю — эльфийским! — ухом.[1]

— Ух ты! — говорит он, оценивая меня с ног до головы. Улыбается.

У него там, между прочим, клыки. Явно больше, чем у обычного человека.

Так, Алексей меня точно чем-то опоил.

— Не «Ух-ты», а «Прости, брат, я херов опоздун», — раздается голос Алексея, и он быстро прячет меня себе за спину.

— В следующий раз, когда надумаешь жениться, планируй это хоть за пару дней, — без намека на извинения говорит рыжий.

И продолжает рассматривать меня своими оранжевыми глазами, как будто впервые увидел женщину. Хотя с его-то внешними данными это просто нонсенс. Даже сейчас на него оглядываются и студентки с противоположной стороны улицы, и, я уверена, добрая половина сотрудниц ЗАГСа. Если не все. Но, несмотря ни на что, есть в нем что-то, что пугает меня до чертиков. Как будто он смотрит не на меня саму, а куда-то глубже, и пытается достать эмоции, которые ему не принадлежат. И злится сквозь эту свою дьявольскую улыбку, потому что ничего не может там найти.

— Локи, она что — стерильная? — говорит он с таким видом, как будто принял за старенький «Запорожец» спортивную машину и теперь, разглядев, чувствует себя слепым дураком. Локи? Это прозвище Алексея?

Алексей тяжело вздыхает, подходит к брату, выразительно крепко сжимает его плечо и что-то говорит на ухо. Даже не пытаюсь подслушать, потому что это бесполезно — грохот музыки из машины рыжего глушит даже мои собственные мысли.

— Ну так бы сразу и сказал, — тянет рыжий, когда Алексей взмахом руки предлагает мне подойти. Следит за каждым моим шагом и вдруг выдает: — Слушай, у меня сто лет девственности не было.

Кажется, на лице моего теперь уже мужа мелькает что-то такое, от чего у меня холодеют кончики пальцев. Как будто встала на пути у ледяного потока воздуха и только чудом не превратилась в сосульку.

— Я тебя убью, — говорит Алексей, очень даже не случайно толкая брата плечом в плечо.

— Ой, да ладно, мы с тобой что — ни одну цыпочку не расписывали?

Даже не хочу пытаться понять, что именно он имеет в виду: была ли у них одна любовница, или был секс втроем. В любом случае меня это все вообще не должно волновать, чужие извращения — это чужие проблемы и чужая головная боль.

— Мы разводимся, — твердо говорю я и в ответ на недовольное лицо Алексея предупреждаю:

— Я прямо сейчас поеду в больницу, сдам все анализы — и если вдруг ты не захочешь дать мне развод, то мы с тобой, муженек, пойдем в суд.

— Зачем в суд? — недоумевает новоиспеченный муж, а его брат просто громко ржет.

— Чтобы там тебе объяснили, почему нельзя травить людей мозги всякими... барбитуратами.

— По-моему, она кристально стерильна, — заключает рыжий, и в этот раз это уже неприкрытая издевка. — Вообще ничего не знает? Реально? Слушай, у отца просто охеренное чувство юмора, я ему при случае обязательно краба пожму.

— На твоём месте, Фер, я бы не радовался, — скалится в ответ Локи, — потому что тебя...

Локи, Фер? А как старшенького зовут? Барбос?

Но Алексей не просто так обрывает фразу на полуслове. И улыбка очень быстро сползает с лица его рыжего брата, потому что из-за поворота прямо в нашу сторону летит кортеж из трех черных машин а-ля катафалки.

— Фер, блядь, скажи, что ты ни во что не вляпался... — рычит Алексей, в один рывок притягивая меня к себе так плотно, что мне становится трудно дышать.

Фер — может, он Федя? — передергивает плечами и нехотя произносит:

— Я же не знал, что жарил ночью близняшек Красный братьев. На них не было написано, девочки были зажигательные и такое чудили, что ты бы, не будь таким чопорным женатым занудой, меня бы понял.

— Знаешь, я надеюсь только на то, что, когда Каин вылезет из своего гроба, он тебя отмудохает до кровавых соплей. В машину, быстро!
Я понимаю, что ничего не понимаю, но все это очень сильно смахивает на бандитские разборки. Что может быть хуже, чем выйти замуж за первого встречного богатея? Узнать, что он Вито Корлеоне[2]!

[1] Не могу удержаться и все-таки предложу послушать «голос» Люцифера: S U N G — Way Farer (или в записе у меня на странице в ВК от 30.10.)

[2] Главный герой фильма (и одноименной книги) «Крестный отец»

Глава двенадцатая: Локи

Фер, можно сказать ему большое спасибо, со своей стороны сделал все, чтобы свадьба «удалась». В частности, привел ряженных, или как они там называются? Красные братья — это вампирский клан. Наглухо прибитые, полностью без голов и принципов. И эти ребята вообще не замораживаются хотя бы банальной маскировкой. Кстати, если вдруг вы подумали о том, что на улице белый день и вампиры из своих гробов и носа не показывают, то вынужден вас огорчить: это только в сказках и книжках вампиры на солнце либо горят, либо сверкают, как гирлянда. В реальности они на редкость живучие твари, и их не берет ни солнечный свет, ни чеснок, ни серебро. Если побрызгать святой водой, они только попросят еще немножко. Единственный способ избавиться от вампира — сжечь тварь со всеми потрохами.

Ах да, еще есть осиновый кол, но это тоже не работает. Разве что обездвижит на время, но много вы видели нормальных людей, которые посреди бела дня носят в рюкзаках или сумочках пару-тройку колов? Это, на минуточку, не палочки для ковыряния в зубах, а оружие против кровососущей твари, которая, хлебнув стакан свежей крови, может за десять минут регенерировать из состояния «почти труп» в состояние «не убиваемый властелин мира». Нам с Фером они не соперники, но мы, в отличие от упырей, предпочитаем не светиться на людях. Точнее, как я теперь понимаю, не светиться предпочитают только я, потому что Фер уже разминает пальцы, и я вижу тонкую рябь вокруг его пояса. Если он сейчас окончательно сбросит маскировку, у моей маленькой Овечки просто спекутся мозги.

Поэтому я, хоть и младший, и ниже его ростом, и не такой здоровый лоб — все-таки беру ситуацию в свои руки и буквально пинками заталкиваю брата на водительское сиденье его тачки. Тут без вариантов — она быстрее моей, а о том, как водит многократный победитель уличных гонок, вам, думаю, и так понятно.

Задача номер два — затолкать в салон Александру. Кстати, она не орет и не грохнулась в обморок — хороший знак.

— Я все тебе объясню, — говорю я, одновременно толкая Овечку к машине.

Краем глаза не выпускаю вампиров из виду. Пара секунд — и они будут достаточно близко, чтобы превратить машину Фера в решето, и нас вместе с ней. Брат уже громко газует и в воздухе воняет паленой резиной.

— Ты бандит? — спрашивает Александра. — Наркобарон? Торговец оружием? Продавец сексуальных рабынь? Я с места не сдвинусь, пока не скажешь.

— Локи, блядь! — орет Фер.

Блин, Александра...

Ладно, уж лучше так, чем она узнает о Тени, увидев землистые трупные рожи упырей из Красных братьев.

Я все-таки толкаю ее к машине, довольно грубо, если честно, но на расшаркивания нет времени. Беру за подбородок и цепко хватаю взглядом ее взгляд. Одна из моих фишек — если хочу сфокусировать внимание только на себе, я могу это сделать. «Отвести глаза» — назовем это так. Александра вздрагивает, и зрачки в ее глазах расплываются почти на всю ширину радужки.

— Я не бандит, не наркоторговец, не сутенер и не прочая херня, которая еще могла прийти тебе на ум. — Даю ей с облегчением перевести дыхание и приставляю губы к ее губам, чтобы выдохнуть прямо в душу: — Я — демон.

Вообще я ожидал что она потеряет сознание, чем значительно облегчит мне задачу.

Но это же Александра «Бермудский треугольник» Черных. И хоть она носит мое кольцо на пальце, это не сделало ее более предсказуемой или понятной.

С каким бы наслаждением я прямо сейчас украсил ее тонкую шею своим настоящим подарком и голую уложил бы животом на стол. Сгрел в охапку волосы и отшлепал голой ладонью по аккуратной заднице, добиваясь того, что — я надеюсь — взорвет ее вечно все анализирующий мозг.

Мораль сей басни такова: не зовите на свадьбу прибитых на всю голову родственников.

Никогда.

— И он тоже демон? — Овечка кивает на уже вовсю матерящегося Фера.

— Да, он же мой брат. Кстати, Александра, познакомься — Люцифер.

Думаете, вот теперь она точно отключилась? А вот нет!

Прыгает в салон и затаскивает меня следом.

— Знаешь, что мы будем делать в нашу первую брачную ночь, Локи?

Фер жмет на газ — и нас синхронно вдавливают в спинку сиденья.

Я даже не пытаюсь мечтать о чем-то развратном. Не с моей невинной Овечкой. И точно не после моего признания.

— Мы будем очень много разговаривать, муж! — рывкает Александра и все-таки оплывает мне на руки.

Я крепко прижимаю беспомощное тело моей маленькой жены и надеюсь, что водительский гений брата позволит ему вытащить нас из этой задницы.

— Да не ссы ты, — перекивая рев мотора и ор музыки, смеется Фер. — Ну сделают из наш сито — выживем, в первый раз что ли?

— Моя жена смертна, блядь! — Не помню себя от ярости.

И мне самому дико, насколько сильно меня злит факт ее уязвимости. Я зависим от того, сможет ли она меня полюбить, и мое благосостояние на ближайшую тысячу лет — это мой план «минимум» — полностью в ее маленьких ладонях. Но когда секунду назад я представил Александру, расстрелянную из пистолета или с присосавшимся к ее коже упырем, то не думал, что на кону — мое бессмертие. Я просто озверел, потому что эта мысль царапнула... слишком глубоко.

Так глубоко, что на всякий случай я запретил себе брать лопату и выкапывать корни проблемы. Фер вырывает в какую-то подворотню. Визжат тормоза, перед глазами, как в калейдоскопе, мелькают разноцветные брызги каких-то вывесок, витрин, граффити на старых кирпичных стенах. Я не спрашиваю брата, куда он нас везет, потому что у Фера, вечно влипающего в неприятности, наверняка должно быть место, чтобы перекантоваться. Не одно, хочется верить. По крыше машины неистово лупит непонятно откуда налетевший ливень. Дворники едва справляются с потоками воды на стекле, и реальный мир теряет свои очертания.

Я чувствую легкий толчок в грудь, после которого воздух в салоне становится горячим и воняет серой так сильно, что на всякий случай прикрываю нос Александры рукавом своей рубашки. Дождь сменяет густая стена пепла, через которую машина несется, словно раскаленный нож через желе. Фер правда решил удирать через территорию чертей? Совсем умом тронулся, но я силой заставляю себя держать язык за зубами.

Даже жаль, что Александра в отключке, потому что Фер вырывает на знаменитый Чертов мост, шириной всего три метра, который соединяет между собой территории чертей и демонов — нашу вотчину. И под этим мостом — геенна огненная. Пропась, залитая булькающей лавой, такая яркая, что в кромешной тьме без намека на солнце все равно светло, как днем.

— Кажется, оторвались? — Фер зыркает на меня в зеркало заднего вида.

Что демоны, что вампиры — заклятые враги чертей. Старая война за территорию и за то, у кого хер длиннее, это если не вдаваться в подробности. За то, что мы влезли на чужую территорию без предварительной договоренности, нас обязательно анально поймеют, как молодых, и по фигу, что мы — детки своего крутого отца. Зная его, я как раз почти уверен, что он еще и собственноручно отмочит розги в уксусе и насладится нашей поркой в VIP-зоне.

Но это все будет как-нибудь потом. С рук точно не сойдет, или я ничего не смыслю в Тени и непрекращающейся войне кланов. А пока Фер выжимает из своего колесного монстра максимум, и мы пролетаем километровый мост практически на одном дыхании.

А там уже наша территории — и брат высовывает в окно руку с оттопыренным средним пальцем. Который, между прочим, еще и горит. Он же долбаный Люцифер, и огонь — его стихия. Он бы в море лавы искупался, как на тихоокеанском прибое, и вышел чистеньким аки новорожденным младенец.

Вампирам повезло меньше, потому что одна из тачек, которой удалось прорваться так далеко, валится с моста прямо в пропасть. На таких катафалках ездить по гитарной струне — это слишком даже от одуревших от крови и вседозволенности упырей.

— Куда тебя? — спрашивает Фер, прикуривая. Ведет одной рукой и не думает сбавлять скорость. — Мне пара дней нужна, чтобы все уладить.

Я даже не хочу знать, что и как он будет улаживать, потому что это не моя проблема. И потому что есть вещи куда серьезнее, чем вся эта возня в песочнице, а конкретно мои напрямую касаются самого ближайшего будущего, имя которому — Александра. Надо поскорее придумать, как и что ей преподнести, иначе она и бессмертного сживет меня со свету. И я вряд ли сильно преувеличиваю.

— Ко мне, в «Палаццо».

Надеюсь, маленькой Овечке придется по душе виды Тени с самой высокой ее точки.

Глава тринадцатая: Александра

Первое, что я вижу, когда прихожу в себя — красивый темно-синий полог, расшитый полумесяцами, звездами и еще какими-то странными символами.

Полог.

Над кроватью.

В которой я лежу.

Приподнимаюсь на локтях, стараясь игнорировать тупой удар головной боли. Минуту мир в глазах плещется, перетекает из разных плоскостей, словно взболтанная двухфазовая жидкость для снятия макияжа.

Постель подо мной просто огромная: человек шесть лягут рядом и еще останется куча места.

Выбираться из нее не очень хочется, если честно, потому что никогда в жизни я не лежала на чем-то более удобном. Но я должна поскорее понять, что происходит, пока мозги окончательно не превратились в печеный картофель. И так ума не приложу, почему до сих пор не двинулась и не иду на поводу у зеленых человечков, которые велят переместить в параллельную вселенную через кладовку консержки тети Зины.

Комната под стать кровати: такая же огромная. Бархат и шелк всех оттенков крови и шоколада, старинная мебель словно из фильмов про графа Дракулу, ростовое зеркало в каменной черной раме из шипастых роз, тяжелый комод, куст алых роз в тяжелом каменном горшке на полу возле панорамного окна.

Точно замок Чудовища. Только какой-то все-таки технологизированный, потому что над массивной дубовой дверью висит камера слежения, а на противоположной стене — необъятная плазма.

Я быстро осматриваю себя и с облегчением выдыхаю: никто меня не раздел и даже ботинки мои любимые не снял.

Потихоньку, словно мышь, крадусь к окну. Считаю до трех и смотрю на мир, который совсем не знаю.

Даже дух захватывает от каменных небоскребов, сумасшедших неоновых вывесок между гейзерами с лавой, потоков странных машин и кровавой луны, такой огромной и выпуклой, словно она сделана в 3D. Это как будто я попала к готическую Матрицу, только еще круче. И раз в десять страшнее. На всякий случай шупаю затылок и выдыхаю, потому что никаких дырок и проводов там нет.

А может я... того?

— Добро пожаловать в Тень, Овечка.

Я вздрагиваю, быстро поворачиваюсь на голос.

Алексей стоит в дверях: в одних потертых джинсах, с двумя пустыми бокалами в одной руке и бутылкой с чем-то густым и красным, словно земляничный конфитюр, в другой.

Только... он не Алексей.

Он — Локи.

И теперь у него есть крылья. Почти в его рост, тяжелые кожистые крылья с когтистыми наростами на «плечах».

Понятия не имею, почему до сих пор не падаю в обморок, почему просто подмечаю все явные изменения в его внешности, хоть он все тот же парень, который спас меня от смерти под колесами, а потом не дал дереву раскатать меня в блин. И еще героически вытолкнул из-под люстры, встречу с которой я бы точно не пережила.

Теперь у него более вытянутые узловатые пальцы с короткими черными когтями, черты лица заострились, уголки глаз вытянулись к вискам, а радужка дымится, словно свежее пепелище. И на груди, словно татуировка, серебряным неоном пульсирует странный цветок. Вообще не в тему его образу.

— Демон, да? — уточняю я. И ничего не дрожит внутри, не хочется начать убиваться, кататься по полу и сучить ножками.

Хотя нет, что-то все-таки есть, и это «что-то» требует вырваться наружу. Так сильно, что я просто «отпускаю» — и налетаю на своего мужа, как торнадо.

Звук пощечины эхом звенит под потолком и запутывается в хрустальных каплях люстры.

Локи недовольно шевелит нижней челюстью и, стоит мне снова занести руку, предупреждает:

— Нет, Овечка, вот теперь — нет.

Четко, хлестко.

И моя рука просто опускается сама собой, хоть я до сих пор всеми фибрами своей души желаю отхлестать его по наглой, пусть и дьявольски красивой, роже. Хочу — и не могу, потому что часть меня готова подчиниться всему, что он скажет.

— Что?.. — Я глотаю возмущение и безуспешно пытаюсь справиться с собственным телом, пока Локи наполняет бокалы и протягивает один мне. — Не хочу я пить эту дрянь.

— А, по-моему, хочешь, маленькая Александра.

И я сама не понимаю, как бокал оказывается в моей руке. И что-то странное течет по венам, когда Локи прижимается ко мне всем телом, дном бутылки очерчивая контур моей талии и бедра. Что-то сладкое и перченое, как экстра-черный шоколад с красным жгучим чили. И дымные глаза разъедают изнутри, подавляют и подчиняют.

Что-то не так.

— Мой подарок тебе к лицу, Овечка.

Взгляд Локи стекает по моей шее, и я непроизвольно вскидываю пальцы.

Он что, надел на меня ошейник?!

— Предлагаю сперва вспомнить о супружеском долге, маленькая Александра, а потом поговорим о местах обитания демонов, их видах, особенностях и способах размножения.

И улыбается гад.

Так улыбается... Так, черт подери, улыбается, что я сглатываю и цепляюсь пальцами в тяжелую бляшку на толстой коже ошейника. Рву, чтобы освободиться, но это просто бессмысленно.

— Итак, маленькая испуганная невинная Овечка, на колени.

Если бы Алексей сказал, что он собирается нарядить меня в костюм медоносной пчелы и будет носиться вокруг меня резвым трутнем, я бы, наверное, удивилась меньше, чем от этого пафосного приказа. Потому что никогда в своей жизни ни перед кем не становилась на колени. Даже когда были живы мама с папой, и меня было за что ругать — меня не ставили в угол на горшок или гречку. Такое часть практиковали родители моих школьных товарищей, но меня

никогда и никто не наказывал. Только словом или укоризненным взглядом, и иногда мне даже хотелось, чтобы уж лучше пороли, чем смотрели так, будто трояк по математике стал причиной краха цивилизации.

Алексей... Блин, надо привыкать называть его Локи. Или не надо? Что вообще происходит?

— Не нужно так заморачиваться, Александра, — усмехается Локи и неторопливо, смакуя, пьет вино из бокала.

Я не знаю, что происходит, но готова поклясться, что чувствую сочный ягодный вкус: немного сладкий, немного кислый, с нотами пряностей, которые жалют чувствительную поверхность языка. Как будто это я только что выпила кроваво-красную тягучую жидкость. И мне до смерти хочется еще, хотя я поклялась себе больше ничего и никогда не принимать из рук этого лжеца.

— Вкусно? — интересуется Локи, и туман в его глазах становится таким густым, словно прямо передо мной устроили настоящее шоу с самыми модными спецэффектами. — Выпей, Овечка, ты не станешь от этого пьяной и не потеряешь связь с реальностью: я не настолько больной, чтобы в первую брачную ночь иметь бесчувственное тело.

И, не дожидаясь ответа, сам подносит бокал к моему рту.

— Я не стану... — Закончить просто не могу, потому что Локи отрицательно покачивает головой.

— Ты просто уникальная Овечка, — ухмыляется он, как будто не особо расстроен моим нежеланием выполнять его требования по первому свистку. — Такая сила воли. Я просто впечатлен. Пей, Александра, это лучшее вино, какое можно найти в Тени. И его нельзя купить за деньги.

— За что же можно? — Разве мне не должно быть все равно? Зачем я вообще позволяю себе увлечься разговором?

— Ну... За пару невинных душ, например.

— Ты серьезно?

— Абсолютно, Овечка, и вынужден с прискорбием открыть тебе страшную правду мира, в котором я живу: вы, смертные, для нас — просто разменная монета. Так уж мы здесь устроены. Я собираюсь возмутиться, и Локи использует момент, чтобы влить между моих губ немного вина из своего бокала. Собираюсь выплюнуть, но он снова мотает головой, скользит взглядом по моим губам — и потребность позволить жидкости обжечь горло становится такой сильной, что ей невозможно сопротивляться.

— Умница, — хвалит он, когда я сглатываю, и немного щурится, когда ведет костяшкой указательного пальца по моим сжатым губам. — Вкусно?

Это как будто я попробовала на вкус грех, и дело совсем не в вине, хоть оно в самом деле великолепно. Дело в том, что мои мысли вдруг перестают мне принадлежать. Они больше не река, которая течет строго в своем русле, никуда не сворачивая и минуя все преграды. Теперь они — ручей в темном лесу: перетекают по каскадам, прыгают по кочкам, петляют между корнями и изредка ловят упавший золотой лист.

— Пошел вон из моей головы, Локи, — злюсь я, потому что часть сознания, которая странным образом до сих пор принадлежит мне, подсказывает — это только начало, просто разогрев перед основным блюдом.

— Боюсь, моя маленькая Александра, это невозможно.

— Перестань так ухмыляться! — злюсь я, и он деланно хмурится, будто нарочно копирует мое негодование. — Наши отношения ничего не значат, потому что я выходила замуж не за Локи, а за Алексея Черных. И если в тебе есть хоть капля порядочности, ты не станешь принуждать меня к тому, что получил обманом. Хотя, какая порядочность, о чем это я?

Локи бросает свой пустой бокал куда-то за спину, смотрит мне в глаза и следующие глотки делает прямо из горлышка бутылки. Жадно, чтобы загасить пожар внутри. Я не понимаю, что между нами, но почему-то в голове вертятся мысли о ментальной связи. Как будто не только он в моей голове, но и я в его, и сейчас Локи очень старается сделать вид, что моя бравада — на самом деле просто замаскированный испуг.

— Хорошо, Александра. — Он жестко — так, что я непроизвольно вскрикиваю, сжимает пальцами мой подбородок, приподнимает к своему лицу, вынуждая встать на цыпочки. — Раскрой секрет: кто из нас тебе нравится больше? Алексей? — Его черты за секунду становятся прежними, а глаза — человеческими. — Или Локи?

Туманный взгляд снова затягивает в себя, будоражит воображение фантомными вздохами и стонами, размазанными образами чего-то настолько развратного, что кровь ударяет в щеки и вынуждает закрыть глаза.

— Александра, смотри на меня.

На этот раз он приказывает без намека на готовность позволить мне отступить.

Я могу сопротивляться. Это просто его фокусы, что-то такое, что он наверняка уже проделывал с другими женщинами. И самоуверенно думает, что сможет повернуть подобное и со мной.

Тем более, точно так же я «слышу» и его эмоции: в эту минуту внутри демонической сущности не только желание раздеть меня и бросить на постель, но и кое-что еще.

Эта находка помогает встать на ноги, твердо почувствовать почву, и когда я смотрю в его глаза, Локи перестает улыбаться.

— Что такое? — Теперь моя очередь дуть в триумфальные трубы. — Я тебе для чего-то очень нужна, да?

— Блядь, Александра, что за херня с тобой?!

Я хочу отвернуться, но не успеваю, потому что Локи бросает бутылку и двумя ладонями жестко фиксирует мое лицо. Туман уже давно вырвался из плена глазниц — и мне немного страшно, потому что слишком много откровений для одного дня моей привычной жизни, в которой демоны водятся только в книгах и играх.

— Может, я выбрала Алексея? — бормочу я, хоть губы вообще не слушаются.

— Может, мне срать, что ты там выбрала?

— Ты меня обманул, и ради чего бы ты ни затеял эту игру — ты этого не получишь.

— Святая наивность, — мне в губы ухмыляется он. — Я еще и не начинал играть с тобой, маленькая Овечка.

Глава четырнадцатая: Локи

У нее просто адская сила воли. Настолько крепкая, что я начинаю чувствовать себя потерявшим нух дятлом, который долбит телеграфный столб и думает, что это молодой дубок. Я могу обрушить на нее всю свою похоть, оглушить таким развратом, что моя маленькая Овечка кончит просто от того, что я вот так, даже без участия пальцев, поймею ее невинную душу, но это все равно ничего не даст.

Мой Бермудский треугольник должен сходить с ума от любви. Потому что я могу стать для нее кошачьей мятой, от которой Овечка будет дуреть, но не стану человеком, ради которого она прыгнет с обрыва. Разница между тем и этим просто огромна. И в моей жизни не было женщины, которая бы прыгнула. Уверен, я могу хоть вусмерть затрахать мою Овечку и добиться того, что до конца своих дней она будет хотеть меня и только меня, но ради этого она не пойдет на костер.

И даже чертов ошейник не работает.

Как же меня бомбит. Просто разрывает на тысячу мелких Локи, каждый из которых раздувается в кровавый мыльный пузырь и лопается с гомерическим хохотом.

В самом деле, кто я такой, чтобы тягаться с папочкой? Он ведь не просто так выбрал именно Александру. Знал, что я попытаюсь обставить его на виражах, и подготовился заранее. Ему было мало дать ей силу воли чертового гранита. Он подсунул мне эмпатку, которая может заглядывать в меня почти так же глубоко, как и я в нее. К моему счастью, Александра вряд ли это осознает, а то бы сожрала меня десертной ложечкой, как ванильную мороженку.

Но ведь и я ее чувствую. Вот прямо сейчас, когда целую взглядом ее губы, мысленно раздвигаю их языком и пробую на вкус. Наверняка после вина она стала еще слаще, еще горячее, как горячий шоколад с чили — такой густой, что его нужно есть только ложкой, смакуя маленькими порциями.

Александра чувствует мои мысли, чувствует мое желание — и ее невинные глаза широко распахиваются, когда я кладу вишенку на этот десерт: позволяю своим похотливым фантазиям «показать» ей, как восхитительна она будет на коленях передо мной, совершенно голая, со связанными за спиной ладонями и припухшими от моих поцелуев губами. Даю ей «услышать»

свой шепот: «Возьми меня, Овечка». И дорисовываю ее жадно распахнутый в предвкушении рот.

Пусть я пока только кошачья мята, но я могу попробовать извлечь из этого выгоду.

Александра краснеет, ее глаза становятся влажными, а язык скользит по губам. Зрелище, от которого я просто каменею, потому что это — первая настоящая страсть моей невинной овечки, и она в эту минуту до капли принадлежит мне.

Был бы я Фером — нажрался бы ею до полной отключки.

Но, к счастью, я не Фер, и, тоже к счастью, могу себя контролировать, поэтому очень вовремя выталкиваю Александру из своей головы, куда она прет на всех парах с настойчивостью ребенка, получившего желанную игрушку.

Поэтому — шаг от нее.

Овечка так растеряна, что я не могу удержаться от смеха.

— Прости, Овечка, поцелуй только после волшебного слова «пожалуйста».

Хорошо, что ее негодование на вкус ничуть не хуже, чем потребность получить от меня ласку.

На первое время хватит и этого. Наивно с моей стороны полагать, что она прямо сейчас скажет заветное слово.

— Я не ждал гостей, Овечка, так что можешь пока взять одну из моих рубашек. Чуть позже купим тебе все необходимое.

— Я против, — тут же фыркает она.

«Ты будешь еще больше против, когда увидишь,
во что

я собираюсь тебя одеть», — мысленно посмеиваюсь и выхожу из комнаты.

Все же слишком сильно она меня глушит своим ароматом невинности.

Буду считать этот раунд за ней, потому что именно сейчас я просто бегу с поля боя.

Я люблю быть в Тени: здесь у меня не просто лежбище, здесь место, где я могу быть собой и не растрчивать силы на маскировку. Может показаться, что я просто забавляюсь, надевая маску Алексея и вертя на члене всех интересных и незакомплексованных девчонок, но на самом деле это постоянный тотальный контроль. Особенно когда от желания кончить уже пальцы на ногах поджимаются, а все равно приходится держаться двумя руками за обманку, потому что хуже, чем прерванный половой акт может быть только истерично вопящая девица, в которую ты кончаешь. И я их понимаю — мало кому понравится, когда мужик на тебе вдруг начинает превращаться в настоящего демона. Пару раз по молодости со мной случались и такие промашки — хватит запомнить на всю жизнь.

В Тени вообще никаких проблем: тут я весь стопроцентно в своем теле и тут со мной все мои таланты. Жаль только, что они никак не помогают в нашей с Овечкой любовной истории. На самом деле я впечатлен не только ее силой воли, но и выдержкой, и трезвостью мысли. И тем, что она не тронулась умом, хоть в большинстве случаев со смертными именно так и происходит: это уже наша с братьями одна на троих печальная статистика. У Фера была одна девочка, так много лет назад, что тогда еще самолеты не летали по небу. Он что-то там даже думал завязать с похождениями, но, когда открылся, бедняжку спешно забрали в сумасшедший дом, где на всякий случай вырвали все зубы, успокоили героином, и где она печально скончалась через пару лет, до конца своих дней рассказывая о Вестнике Апокалипсиса и все в таком духе. Мне бы, мягко говоря, не хотелось повторить печальный пример брата и занять вместо очаровательной любовницы сумасшедшую Александру. И я даже рад, что брат невольно спровоцировал эпический «срыв покровов», иначе я бы так и не решился открыть ей правду.

В гостиной моей двухэтажной квартиры горит всего пара свечей в подсвечниках, и я отдал указания, чтобы нам с Александрой накрыли здесь, а не в столовой. Рабы безмолвными бесшумными теньями сервируют стол серебряной посудой, несут угощения. Что, вас смущает слово «рабы»? Привычное дело в Тени, мы же здесь не эльфы на розовых пони, а засранцы и обманщики.

Овечка появляется только через полчаса, когда я почти морально созрел для того, чтобы вытащить ее из ванны, или комнаты, или из любого другого места, где она от меня прячется.

Босыми ступнями осторожно ступает по толстому ковру и пару раз одергивает край моей рубашки, которая сидит на ней лучше, чем любое из самых развратных платьев. И вот тут меня укрывает понимание того, что я впервые вижу голые ноги своей Александры, и они у нее — то, что нужно. Она довольно щуплая, но у нее женственные круглые бедра, милые, в веснушках, колени, крепкие икры. И маленькие стопы. Вот реально — очень маленькие стопы, наверняка именно такие были у Золушки из сказки. Хрустальная туфелька моей Овечки точно не налезла бы ни одной другой женщине.

Моя женушка с любопытством осматривается по сторонам и замирает, когда взгляд падает на камин. Безотказный вариант: камин, мягкая музыка, шкура убитой твари. Романтика почти по учебнику. Правда, я и сам люблю повалиться здесь с хорошей книжкой и в те дни, когда сыт, доволен и меня не тянет искать новую жертву. И не надо так удивляться: да, я демон, и я люблю читать.

Рабы растворяются за дверями, мы остаемся одни, но я не тороплю, даю Овечке время привыкнуть и ко мне, и к месту, которое меня породило.

— Это все реально? — Александра кивает в сторону стены из панорамных окон.

— Абсолютно. Скоро увидишь все своими глазами.

Я чувствую ее оторопь, капельку сомнения, но опять же — ни намек на страх или панику.

— Ты любила сказки в детстве, Александра? — чтобы подтвердить свою догадку интересуюсь я. — Или сразу перешла на фэнтези про Дракулу?

— Дракула, — не раздумывая, признается она. — И темное фэнтези тоже.

Как я и думал. Отец, чтоб тебе там икалось громко и долго, ты же нарочно выбрал ее для меня. Вот такую: непробиваемую, цепкую, с ясной головешкой и идеалами в полный рост.

Я жестом предлагаю ей составить мне компанию за столом. Спрятаться от меня не получится: он небольшой, и я свободно могу за ней ухаживать, даже не отрывая задницу от стула. Вот и сейчас бы мог подорваться и помочь сесть, но это уж как-то совсем по-рыцарски, а из меня рыцарь — как из булки Колобок. Если уж моя Александра любит темное фэнтези, то ее точно не должны пугать плохие парни с отсутствием манер.

Овечка усаживается за стол и прежде, чем я успеваю порекомендовать ей начать с мяса, протягивает руку и кое-что бросает в мой пока еще пустой бокал. Присматриваюсь. Ба, да это же мое кольцо. Между прочим, бриллиант и платина, а не «безделушка», как она изволила выражаться. Но я же не любитель понтов, так что пусть думает, что это пластмасса или что там Александра вбила в свою голову.

— Ну и как это понимать? — «Взбалтываю» кольцо в бокале и с интересом жду ответ.

— Как наглядную демонстрацию моего отношения к этому браку, — говорит она. — Верни меня домой, Локи и, пожалуйста, сделай так, чтобы наши пути больше не пересекались.

— Что, даже на ужин не удержишься? — Вот снова она меня на смех выводит.

— Нет, почему же? — Она берет вилку и с силой вонзает ее в стейк.

Вот сейчас, между прочим, мои бедные яйца не по-детски сжались, потому что я чувствую каждый оттенок злости, вложенный в один-единственный удар. Наверное, если бы пришлось, и я не оставил ей выбора, Александра точно так же недрогнувшей рукой вонзила бы вилку и мне в сердце. С одной стороны, это хорошо — сможет за себя постоять в случае чего, с другой — мне придется все время быть начеку.

Я не без интереса наблюдаю, как она накладывает в тарелку овощи, соус, салат. Прекрасный аппетит — вот что красит женщину, в особенности если она ест со вкусом, а не преодолагает саму себя, яростно подсчитывая в уме каждую калорию. Пусть ужинает, не портить же ей аппетит новостями о том, что даже после ужина я никак не смогу вернуть ее домой и тем более расторгнуть наш брак. Не зря я полчаса пудрил мозги бабе из ЗАГСа, внушая, что у нас в порядке все документы. Благо, в тот раз сработало, потому что, как я уже говорил, в Сером мире я очень ограничен в своих возможностях, да и работает это только с теми, чей интеллект, скажем так, не блещет выдающимся коэффициентом. С Овечкой, например, это бы точно не сработало: ничто так не влияет на трезвость мысли и здоровый цинизм, как изучение медицины.

Зря я переживала, что меня будут кормить сердцами невинных младенцев и поить слезами девственниц. Вся еда оказалась на удивление вкусной, а мясо просто выше всяких похвал: сочное, мягкое, тающее на языке.

Локи едва притрагивается к еде: больше пьет и наблюдает за мной. Не был бы он из плоти и крови, я бы подумала, что он как проклятый Барбоса из «Пиратов»[1]: сам есть не может, а потому пускает слюни на чужой аппетит.

— Между прочим, если я не появлюсь завтра на учебе, меня будут искать.

— У вас всех прогульщиков ищут с собаками? — насмехается Локи и медленно опускает в рот ломтик помидора их салата.

— Только тех, кто никогда не прогуливает.

Он удивленно вскидывает бровь, но все равно вряд ли сильно впечатлен.

Ладно, кольцо его не взбесило, мои слова тоже не вывели из себя, самое время подключать тяжелую артиллерию. Почти беспроблемный вариант, особенно с оглядкой на его замашки с коленями и намеками на сексуальные игры.

— Я девственница, Локи, и если ты рассчитываешь сделать меня участницей оргий, то очень сильно промахнулся с кандидатурой.

Если я хоть что-то понимаю в мужчинах... ну, разумеется, основываясь только на рассказах более продвинутых в сексе друзей, только немногие из них любят связываться с невинными неопытными девицами, в особенности те, кто хотят чего-то эдакого. Я же не настолько наивна, чтобы всерьез верить в большую пламенную любовь с первого взгляда и желание обзавестись детишками. Если это вообще возможно между такой, как я, и таким, как он.

Но видимо, я снова что-то сильно недопоняла, потому что Локи громко выдыхает через нос, в одно движение сдергивает со стола скатерть и все, что на ней. И пока я пытаюсь осознать, сколько всего разбилось в этот момент, он просто перегибается через стол, хватая меня под подмышки и усаживает на столешницу, как безвольную куклу Машу. Тянет за бедра прямо на себя, разводит колени и быстро, пока я не опомнилась и не сжала ноги, втискивается всем корпусом.

Мне нужна пауза. Маленькая точка реальности, за которую я буду держаться, чтобы переварить и то, как бесстыдно я сижу перед ним в одних трусиках, и то, как нагло он атакует мои мысли своими слишком грубыми и откровенными мыслями.

— Первое, что ты должна знать обо мне, маленькая Александра, так это то, что я собираюсь сорвать с тебя покровы невинности всеми доступными мне способами. Жаль тебя разочаровывать, Овечка, но прятаться за девственность было как-то слишком наивно. Спишу твою промашку на мое ошеломляющее обаяние.

— Зря стараешься, — не очень убедительно бормочу я, пока перед мысленным взглядом пляшут образы темной головы у меня между ног, волос, в которые я запускаю пальцы, чтобы прижать еще сильнее. Это его фантазии? Или мои?

— Может быть, наши? — подсказывает Локи и пресекает еще одну мою попытку сжать ноги. — Может быть, самое время попросить меня... о чем-нибудь?

Я всхлипываю, пытаюсь поймать непрошенный вздох, потому что его ладони поднимаются выше, большие пальцы с силой потирают чувствительную внутреннюю часть бедер. И с такого ракурса, когда мы смотрим друг другу в глаза, я чувствую на губах его хриплое безмолвное приглашение к поцелую.

Нужно просто вспомнить, кто я, кто он и где мы. И что проклятая штука на шее не властна над моими мыслями. Нужно просто закрыться от навязанных фантазий, не смотреть это кино для взрослых, даже если оно распаляет меня до температуры, которую не измерить градусником.

— Да, я хочу тебя кое о чем попросить, — дрожащим голосом говорю я. Я могу сопротивляться ему, но как сопротивляться себе самой?

— Все, что захочешь, Александра, — ухмыляется Локи.

Вздох, пауза — и прямо ему в губы:

— Убери свои руки прямо сейчас!

— Блядь! — рывкает Локи, срываясь на ноги.

Вот сейчас он, кажется, действительно очень зол.

Ну и ладно, зато я могу спокойно сжать колени и подняться следом.

Я с сожалением смотрю на посуду на полу. Локи отходит от меня на пару шагов и потирает лоб. Делает неясный жест — и в зал струйкой втекает вереница людей. Или не людей? Они одеты в темные просторные рубашки и штаны, все с бритыми головами и все смотрят в пол. Хотя, если присмотреться, замечаю, что черты их лиц рассеянны за тусклой дымкой. Непонятно: мужчины это или женщины, или их поровну. Пока я топчусь на месте, эти люди молча и практически мгновенно убирают мусор и так же, не отрывая взглядов от пола, семенят прочь.

— Это кто? — спрашиваю в полнейшем ступоре. Не похожи они на нанятых работников.

— Мои рабы, — раздраженно бросает Локи.

— Твои... кто? — не верю своим ушам.

Локи потирает лоб, как будто страдает от сильной головной боли, и на мои попытки подойти ближе резко выставляет вперед руку предупреждающим жестом. Я просто хотела посмотреть в его проклятые глаза и услышать честный ответ на прямой вопрос.

— Так, Овечка, стой, где стоишь, — с какой-то натужной улыбкой говорит Локи. — Иначе я забуду, что ты девственница.

Господи, что он за человек?! Я ему про рабство, а он снова за свое.

Хотя, какой же он человек? На лицо все доказательства нечеловеческого происхождения.

Особенно пара крыльев, от вида которых меня до сих пор бросает в дрожь.

Видя, что я не собираюсь брать его штурмом, Локи немного расслабляется и говорит:

— Александра, мы — в Тени. Здесь все немного не так, как в твоём мире, и здесь есть вещи, которые тебе наверняка будет сложно принять... какое-то время. — На последней фразе он нарочно делает паузу и пытливо заглядывает мне в лицо в поисках реакции.

Ну да, я не дура, понимаю, что вот за такими словечками кроется двойной смысл. И это «какое-то время» предполагает, что чтобы я ни делала, домой в ближайшее время мне точно не попасть. Хотя бы потому, что я никак не сделаю это самостоятельно. Это же не просто взять чемодан и пойти ночевать на вокзал.

— Что ты делаешь с этими несчастными людьми?

Нет, я понимаю, что это ругой мир, другие правила и другие законы, но все это резко перестает иметь значение, потому что на моей шее, между прочим, тоже ошейник.

— Что

я

с ними делаю? — Он выглядит искренне недоуменным, но я дала себе зарок не верить ни единому его слову. — Они просто занимаются домом, отрабатывают свое наказание. Как видишь, здесь нет надсмотрщика с плеткой, и никто не прижигает им пятки каленым железом. Если тебя волнует этическая сторона вопроса, то эти души несут заслуженно наказание.

— Души? Но они же люди!

— Технически — да, но это не совсем люди из плоти и крови. — Мне кажется, он пытается найти подходящие слова, но не находит подходящий вариант. — Остановимся на том, что они просто будут здесь какое-то время, прежде чем идти на разборки к моему отцу.

— Отцу?

Локи все-таки улыбается, явно в унисон моим постоянным бестолковым вопросам, как будто я резко перестала понимать смысл простых, известных всем слов.

— Я вроде как местный мажор, — говорит, потирая кончик носа. — Ну, знаешь, ребенок Создателя, все такое...

— Стоп. Хватит.

Мне и это-то нужно переварить, а если он выдаст еще пару таких штук, мои бедные мозги точно закипят.

— Я против любого угнетения и насилия над личностью, чтоб ты знал, — озвучиваю свою принципиальную позицию. — Ни морального, ни, тем более, физического. И если ты думаешь, что меня можно вот так же... — киваю в сторону двери, за которой скрылись рабы, — то очень сильно ошибаешься.

Не уверена, что расслышала правильно, но, кажется, он бубнит себе под нос: «Это я уже понял».

— Тогда сними это с меня, немедленно.

— Не могу, Овечка. Вот просто смотрю на эту штуку у тебя на шее, и у меня непрекращающийся стояк, а ты меня динамишь, как малолетку.

Разве нормальный мужчина, который дружит с головой и имеет элементарное уважение к женщине, будет говорить такие вещи? Очень сомневаюсь. Виталик бы точно не сказал, он даже не позволял себе распускать в постели руки, хоть пару раз все-таки пытался довести меня до оргазма пальцами. Это было щекотно, но в итоге я просто постонала, как, наверное, должна была стонать любая девушка, когда парень пытается ласкать ее между ног. Не хотелось его обижать, он старался.

— От того, будет на мне эта штука или нет, — подражая его тону, — ничего не изменится. Я не собираюсь с тобой... ничего.

— По-моему, ты пропустила пару слов, — подначивает Локи.

— По-моему, тебе пора вернуть меня домой.

Попытка не пытка. Может, если я буду много и часто зудеть об одном и том же, и держать глухую оборону, ему в конце концов надоеет моя компания — и он подыщет более сговорчивую кандидатуру. И вообще — зачем ему я? Есть более красивые, раскованные и свободные, а у него с внешностью полный порядок и можно выбрать девочек из Высшей лиги, а не очкастых студенток.

— Нам придется задержаться здесь еще минимум на пару дней, — без тени разочарования говорит Локи. Наоборот, подчеркивает, что его все устраивает и обстоятельства просто не могли сложиться лучше. — Пока Фер не разберется с Красными братьями. Будет лучше, если это время ты проведешь под моей защитой. И насладишься моим гостеприимством. Не хочешь на правах жены — дело твое, — разводит руками. — Тогда хотя бы как гостя.

Странное дело, но как только Локи говорит это, я чувствую сильнейшую усталость. В последний раз со мной такое было на сдаче прошлой летней сессии, когда я не спала двое суток и зазубривала предмет на экзамен. Написалась кофе и ходила бодрячком, все оттараторила на «отлично» и была полна сил и желания пойти с однокурсниками отмечать. А потом раз — и просто уснула на скамейке под деканатом, так что Виталику пришлось вызывать такси, потому что своими ногами я идти уже не могла.

Вот так и сейчас: глаза внезапно начинают слипаться, а ковер под пятками кажется таким соблазнительно мягким, что идея улечься спать на полу не кажется бредовой, разве что немного эксцентричной. Это все последствия стресса: последние два дня я только то и делаю, что пытаюсь не умереть, а до кучи еще и связалась с демонами-рабовладельцами.

Локи не дает мне совершить задуманное и подхватывает на руки до того, как я успеваю присесть.

— Будешь меня лапать — я тебя святой водой обрызгаю, — обещаю сквозь зевок.

— Обязательно буду, моя непокорная Александра, — без зазрения совести признается он и несет меня в спальню.

[1] Имеется в виду серия фильмов «Пираты Карибского моря»

Глава шестнадцатая: Локи

Существует множество вещей, которыми женщина может контролировать мужчину. Будь моя воля, я бы сделал эти знания тайнством, которое открывалось бы только опытным жрицам или любительницам заниматься сексом без всяких там шоколадно-ванильных пузырьков.

Но отец решил сделать их достоянием общественности, так что, мужики, вы знаете кого «благодарить» за то, что иногда цыпочки умело водят нас на поводке.

Но в случае с Александрой она, конечно, ни черта не понимает, что делает. И хоть ее постоянные «нет» меня жутко бесят, я все-таки слегка охреневаю — в хорошем смысле слова — от того, как хорошо и красиво она дает отпор. Возможно — но не точно — я бы не получил

такой кайф, если бы она сдалась сразу. Возможно, к тому времени, как она сдастся, я вообще окаменею ниже пояса. Возможно много чего, но кое-что я знаю точно — нам не будет скучно. Предвкушаю ее следующую вспышку, когда Овечка узнает о еще одной моей «маленькой особенности».

Я укладываю Александру на свою кровать и не без удовольствия наблюдаю, как она, уже сонная и медлительная, еще пытается держать оборону и быстро прячется под ворохом одеял, зарываясь в них чуть ли не по самый нос. Высовывает руку только чтобы снять очки и, кстати, без них она становится мягче и милее. Потому что в очках похожа на мелкую стервочку, которую у меня руки чешутся отходить ладонью по заднице. Идея, блин, фикс!

Я забираюсь с коленями на кровать и елеиным тоном интересуюсь:

— Ну как, Овечка, удобно устроилась?

Она только моргает.

Я распрямляюсь на коленях и с расстановкой, словно позирую для камеры, стаскиваю рубашку. Думаете, зря? Да ладно, девочки любят спецэффекты, особенно, когда мужику есть, что показать. А я, хоть и не бугай вроде Каина и Фера, но все равно — охуенный. Да, я в курсе, что повторяюсь.

Кстати, если вас интересует вопрос крыльев, то они у меня просто есть, и никак не прибиты к спине гвоздями и точно не часть моего физического тела. Так что никаких дырок на дорогих рубашках.

Александра следит за тем, как рубашка сползает по моим рукам, хоть настойчиво пытается запретить взгляду косить в сторону моей груди и мышц живота. Глаза становятся влажными, ресницы дрожат, и я чувствую вкус ее потребности. Это тонкая сладость где-то у меня в затылке, и она стекает прямо по позвоночнику, будоража и без того нехилую потребность устроить ей забористое порево на всю ночь. Да, я, опять-таки, в курсе, что надо говорить «ночь любви» или «страсть до рассвета», но правда в том, что у нормальных мужиков в голове нет всей этой лабуды. Мы либо трахаемся, либо ебемся, либо порем куколку до ее визга. Есть еще вариант «занимаемся сексом», но это если девочка — полный тухляк.

— Ты что делаешь? — Александра сглатывает, когда я недвусмысленно тянусь к ремню на брюках.

— А на что это похоже?

— Я не буду... — Она сглатывает остаток фразы, потому что я успеваю избавиться и от этой части моей одежды. — Локи, даже не думай...

— Я уже «даже думаю», Александра, и ты ничего не можешь с этим поделать. А теперь будь добра — подвинься.

— Зачем?

— Затем, что ты в моей постели, и я собираюсь спать рядом.

— Тогда я пойду на пол, — оживляется она, но я успеваю перебросить через нее ногу и надежно зафиксировать своими коленями, поймав заодно и в плен поставленных по обе стороны ее головы рук.

— Видишь ли, Александра, моя природа такова, что для наилучшего моего морального и физического самочувствия я не должен спать один. Иначе, поверь, утром ты увидишь совсем другого Локи, а с этим поганцем не рискнул бы встречаться даже я.

Она сглатывает и я, на всякий случай, укладываюсь на нее всем телом. Запах ее невинности сейчас особенно будоражит.

— Ты врешь, — неуверенно говорит она.

— Не советую проверять, — отвечаю я.

В этот раз я действительно не вру.

Малышки любят спать с плюшевыми мишками, а я люблю спать с плюшевыми малышками.

И правда зверею, если сплю один.

— Слезь с меня, — хмурится Александра, энергично, несмотря на сонливость, суча ногами под одеялом с явным намерением зарядить мне по известному месту.

Хорошо, что она намного меньше меня и в принципе не может почти ничего поделать. Вот лежал бы так, пока не притихнет, а потом взял готовую, как сочное яблоко. Но в глазах Овечки не только досада, но еще и страх, и паника, и негодование, поэтому нехотя скатываюсь с нее и без зазрения совести стаскиваю трусы. Александра издает такой смешной звук, как будто хотела икнуть и чихнуть одновременно, и зарывается под одеяло прямо с головой.

Я тут же забираюсь следом и с разочарованием стону, когда вместо теплой Овечки нащупываю лохматый кокон из одеял. И стоит его тронуть, как тишину комнаты разрывает ее громогласное и однозначное «Нееееет!»

Видимо придется ждать, пока уснет.

Ну и ладно, я умею быть терпеливым, даже если пока ума не приложу, как спать на животе. Я лежу, кажется, целую вечность, прежде чем слышу в темноте комнаты ровное спокойное дыхание моей Александры. Приходится быть осторожным, чтобы не разбудить личную противоугонную сирену. Хорошо бы вытащить ее из одежды, но, опять же, вдруг она проснется?

Остается брать, что есть, даже если от потребности прижаться к ней кожа к коже закипают мозги и плавится терпение. Пусть сегодня в качестве исключения спит в моей рубашке, но первый и последний раз. Как мне оплетать ее своими пошлыми замыслами и навевать развратные сны, если я голый, как младенец, а она разве что не в поясе целомудрия?

Потихоньку тяну Александру к себе: за бедра, устраивая ее задницу у себя ниже пояса. Все же получается довольно грубо, потому что Александра вздрагивает во сне и ворочается в поисках лучшего места. И ее задница трется об меня, словно паршивка нарочно прикидывается спящей, чтобы безнаказанно поиздеваться над моей выдержкой. На всякий случай преклоняюсь через нее, заглядываю в лицо и, к сожалению, не нахожу ни единого намека на притворство.

Все-таки хорошо, что между нами есть ее трусики, иначе я бы вспомнил юные годы и ту суккубу с пышной задницей, об которую было охеренно приятно тереться своим стояком, а потом кончать на твердые смуглые ягодички.

Но то были бурные времена молодости, когда еще мной руководил член, а не голова, и вытворять те же штуки в двухсотлетнем возрасте как-то даже стыдно. Тем более — пусть это и прозвучит глупо — с собственной женой. Поэтому прижимаюсь к ней всем телом, оплетаю собой так крепко, чтобы она даже во сне чувствовала меня рядом. Когда мы в одной постели, я смогу сделать так, что Александра не получит спокойные радужные сны, о которых мечтает. Она будет видеть то, что я захочу, а это будет то еще порно.

Пусть привыкает, что я не оставляю ее ни на секунду на все двенадцать дней. Даже во снах.

Хотя, уже одиннадцать дней.

Черт, нужно бы поторопиться.

Глава семнадцатая: Александра

Я честно старалась не засыпать, в особенности после того, как совершенно голый демон залез в постель, и на все мои попытки отползти к краю кровати только посмеивался и подтягивал обратно.

В конечном итоге меня все равно сморил сон, и это был настоящий кошмар.

Нет, за мной не гонялся Фредди со считалочкой, и не бегало страшилище с тыквой вместо головы, и никто не привязал меня к доске перед циркулярной пилой.

Просто в этом сне был Локи и его руки, и его поцелуи, от которых моя кожа покрывалась мурашками, а кровь наполнялась таким раскаленным удовольствием, что потребность немедленно проснуться и получить все это вживую стала слишком сильной. Как будто меня сунули в его развратную голову и заставили смотреть непрекращающийся фильм для взрослых. Для очень взрослых.

Слава богу, я кое-как вынырнула из этого морально-сексуального рабства и поняла, что хотя бы часть сна все-таки не была совсем выдумкой, потому что Локи обнимал меня сзади, и потому что от малейшего движения я чувствовала его твердый член, который упирался мне в бедро.

Он что, даже во сне... вот так?!

Помню, что кубарем скатилась с постели, шлепнулась на ковер, потихоньку стащила подушку и одеяло и перебралась в гостиную, где еще раньше заприметила большой и на вид удобный диван. Оказалось, правда, удобный и главное — никаких грязных поползновений в мою сторону.

Утром просыпаюсь первой, хотя у меня нет ни малейшего понятия, утро это или до сих пор ночь, потому что за окнами все так же темно, и все так же горят только вывески и фонари, и автострада, по обе стороны освещенная серебристой иллюминацией. Но почему-то есть полное ощущение того, что по здешнему времени суток сейчас примерно «наше» утро.

Локи так и не провел мне экскурсию по дому, поэтому приходится брать инициативу в свои руки и искать альтернативу ванной комнате, потому что в его спальню я не вернусь даже под страхом смерти.

Как я поняла, мы на верхнем этаже его безразмерной квартиры, поэтому первым делом спускаюсь вниз. Тут несколько больших залов, один из которых похож на музей для часов: повсюду стеклянные витрины, за которыми на бархатных подушечках лежат и старинные хронометры, и модные наручные часы. Некоторые выглядят так, словно целиком отлиты из драгоценного металла и даже странно, что секундные стрелки отбивают единый ритм, а не бутафорски приклеены к циферблату.

Еще дальше — большая игорная комната. Бильярд, стол для игры в карты. Ничего интересного. Дверь направо закрыта на замок, дверь налево — библиотека.

И ни намека на еще одну ванну.

Приходится, хоть меня это и пугает, возвращаться в спальню и на цыпочках забираться в душ. На всякий случай дважды проверяю, закрыта ли защелка, а то с моего «мужа» станется.

Но в душе меня никто не беспокоит, и я в свое удовольствие плещусь в горячей воде, пока кожа не начинает скрипеть от чистоты. Напоследок мою волосы, заворачиваюсь в полотенце и на цыпочках же выхожу за дверь. Потихоньку стяну у него еще одну рубашку, а вот что делать с бельем?

Но решение этого вопроса приходится отодвинуть на потом.

За дверью со скрещенными на груди руками и в одних домашних штанах стоит Локи.

Мрачный как туча, и туманная дымка в его глазах натурально сверкает молниями, как будто у него в голове целая буря столетия. Темные волосы торчат в разные стороны и если немного отпустить воображение, то вот те вихры слева и справа даже немного смахивают на рудиментарные рожки.

— Что я говорил насчет постели, Александра?

Если честно, мне всегда нравилась интонация, с которой он произносит мое имя: обязательно целиком, растягивая каждый звук. Но сейчас это больше похоже на удар кувалдой с размаха, и у меня даже немного дрожат колени.

— И тебе доброе утро, — говорю неуверенным шепотом, надеясь, что мне удастся проскользнуть у него под подмышкой.

Нет, не удалось: Локи без труда разгадывает мое намерение и хватается за плечи, подтягивая к себе на расстояние практически прямого взгляда глаза в глаза. Желваки под кожей натянуты канатами, губы плотно сжаты без намека на улыбку. А еще он просто адски горячий, и меня мгновенно бросает в жар, словно от направленной струи горячего воздуха из фена. Только эта струя размером со всего Локи, и бессмысленно искать безопасное место, пока он накрыл меня своей злостью.

— Так что я говорил о постели, Александра?! — рывкает он и... блин!

Я чувствую его злость. Она такая... Как большой сочный кусок мяса с кровью, в который хочется по животному вонзиться зубами. И во мне что-то кувырывается, вспыхивает с такой остротой, что хочется позлить его еще немножко, чтобы попробовать все оттенки этой злости.

— Говорил, что не любишь спать один, — отвечаю и с трудом узнаю собственный, наполненный кокетством голос.

— А что сделала ты? — Он вытягивает меня на середину комнаты, и я на миг вижу его фантазии, в которых этот злой демон собирается выпороть меня, как девчонку за двойку! Это отрезвляет, но не особенно сильно.

— Не люблю спать в постели с посторонними мужчинами и просыпаться от того, что они долбят членом мой копчик! — выкрикиваю первое, что приходит на ум.

Локи обескураженно вскидывает брови, а потом добровольно отодвигает меня как будто на безопасное для него расстояние. На всякий случай двумя руками хватаюсь за полотенце, потому что к мыслям о порке добавляется еще фантазия, в которой демон раскладывает меня прямо на нем и прямо здесь.

— Если в тебе есть хоть капля инстинкта самосохранения, Овечка, — сквозь зубы проговаривает он, — сегодня ты больше не будешь делать глупостей и провоцировать меня устроить наглядную демонстрацию темной стороны моего «Я». — Потом осматривает меня с ног до головы, мрачно усмехается и выносит вердикт: — А в качестве науки на будущее: по магазинам ты поедешь именно так.

— Вот нет, — тут же отбрываю я.

— Вот да! — возвращает он, и мне снова хочется немножко присесть.

— Я же... Локи! — Густо краснею, но, похоже, сказать это все равно придется. — На мне даже белья нет.

Демон широко и плотоядно улыбается и с нарочитым удовольствием произносит:

— Я в курсе, Овечка.

Само собой, мои попытки переиграть ситуацию в свою пользу тоже с треском проваливаются, потому что как только я демонстративно усаживаюсь на кровать, Локи тут же пользуется ситуацией и нависает надо мной зловещей тенью. И я, вроде бесстрашная трезвомыслящая девушка, снова чувствую вкус мяса с кровью. Он слишком сильно оглушает, и на сопротивление уходят последние силы. Вряд ли Локи этого не понимает, потому что постепенно злость на его лице немного притупляется, уступая место более привычной острой хитрости.

Вот чувствую, что сейчас он меня добьет.

— Если к тому времени, как я оденусь, ты вдруг рискнешь выбраться из своего сексуального одеяния и взять из моих личных вещей хотя бы носовой платок, клянусь, Овечка, твоя задница вряд ли будет тебе благодарна.

Открываю рот, чтобы предложить ему ступать с такими заявлениями к тем, кто любит подобные игрища, но Локи просто еще немного прищуривается и с удвоенным усердием начинает пичкать мою голову своими похабными мыслями.

И это просто какой-то кошмар, потому что я вдруг начинаю ерзать на месте, и покрывало под голыми ягодицами кажется слишком мягким и слишком приторно нежным с моей кожей. Все потому, что где-то там, в каком-то сгустке нейронов у меня в мозгу, хочу почувствовать то, что даже в мыслях кажется слишком развратным для любой из моих фантазий.

— Перестань меня подавлять, — пытаюсь хоть как-то избавиться от пошлости в голове, но в этом уже нет необходимости.

Локи плотоядно усмехается и, что-то насвистывая себе под нос, идет в ванну, на ходу выныривая из штанов. К сожалению, у меня слишком замедленная реакция на фоне его постоянных попыток меня контролировать, поэтому не успеваю вовремя закрыть глаза и пару секунд таращусь на мускулистую спину, треугольником переходящую в талию, спортивные упругие ягодицы и крепкие длинные ноги.

Любуюсь не без удовольствия.

А если уж быть до конца откровенной, то мысленно истекаю слюной.

Глава восемнадцатая: Локи

Александра сидит на заднем сиденье моей машины, практически намертво прилипнув к двери, и делает вид, что я — всего лишь неприятность, досада, которую она, делая героическое усилие над собой, вынуждена терпеть.

А между тем на ней все то же короткое полотенце, которое меньше чем на ладонь прикрывает ее задницу, и под которым она совершенно голая. И пока моя Овечка делает вид, что я не существую в ее системе координат, пытаюсь делать вид, что у меня не стоит, и, хоть это чертовски глупо выглядит, снова сижу нога на ногу.

А теперь вот вам вопрос на засыпку: ну и кого я наказал?

— Я не собираюсь принимать от тебя никакие подарки, — заявляет Александра, когда машина притормаживает около местного бутика.

А что вы думали — только в сером мире есть Диор и Шанель? Я вас умоляю, половина известных имен — просто очень хорошо замаскированные местные вампиры, суккубы, инкубы. И даже пара чертей есть, но эти так неумело маскируются, что даже удивительно, как их до сих пор не разоблачили.

Вот только, думаю, понятно, что мода в Тени разительно отличается от той, что многие из вас привыкли видеть на обложках глянца и в витринах. Хотя бы потому, что здесь считается дурным тоном одевать свою женщину во что-то вызывающе... закрытое.

Отец, если ты меня слышишь — а ты же слышишь! — дай мне терпения пережить вспышку злости моей Овечки, когда она войдет внутрь и в полной мере осознает, что ее ждет. А я до сих пор слишком взвинчен тем, что она, вопреки запрету, сбежала от меня, словно Красная шапка от волка, хоть я вел себя более чем сдержано. И вообще: за двести лет — это первая женщина в моей постели, которая ушла оттуда нетронутой. Причем вообще.

— А я собираюсь сделать тебе подарки, — игнорирую выпад моей Овечки. — И, знаешь, проявлю широту души и даже дам тебе право выбора.

«Да-да, Александра, ты очень не зря смотришь на меня с таким мышиным подозрением...»

— Ты можешь либо носить то, что выберу я, либо, — веду пальцем над полотенцем на груди, минуя узел, в который Овечка отчаянно вцепилась двумя руками, — ходить вот так. А чтобы тебе легче было выбрать, — наклоняюсь к ее уху и успеваю положить ладонь на талию, надежно фиксируя около себя, — предлагаю посчитать количество пуговиц, крючков, шнурков и кнопок. Чем их меньше, тем больше вероятность спровоцировать меня на сексуальные подвиги.

Александра задирает нос и с честью, хоть красная до самых ушей, выдерживает мое издевательство. На самом деле, все эти кнопки, пуговицы и застежки только нагоняют зверский аппетит, и чем их больше — тем сильнее желание вытащить подарок из мудреной упаковки. Но моя Овечка слишком невинна, чтобы знать мужские охотничьи заморочки.

Мы входим в магазин — и сразу пара девушек устремляется навстречу, сверкая острозубыми улыбками. Суккубы, близняшки. Горячие и дьявольски ненасытные. Знаю это не потому, что у меня с ними было — с ними-то как раз и не было — а потому что эта парочка ходит в статусе «постоянной официальной любовницы» Фера, и они так же официально единственные, кто в состоянии вымотать этого неугомонного трахаря.

— Локи, — улыбается темненькая, — у тебя новая девочка?

Ее рыжая сестра оценивает Александру долгим похотливым взглядом, и девушки в унисон издают характерный долгий шипящий звук. Овечка пугается мне за спину. Такой неосознанный охуенный жест доверия, от которого мне хочется затолкать ее в ближайшую кабинку и сотворить что-то... достаточно сочное, чтобы ее щеки остались румяными еще минимум на сутки.

— Моя жена, Александра, — представляю я, и суккубы в унисон синхронно вскидывают брови. — Влюбился, потерял голову, женился...

Мы смотрим друг на друга, и девочки даже не скрывают, что не верят ни единому моему слову, но очень мастерски рассыпаются в поздравлениях, как пара гончих затравливая Александру-лису еще дальше мне за спину.

— Сделайте, как я люблю, — вручаю ее девушкам на поруки — и только гордость не позволяет Александре в голос вопить о помощи. Но глаза за стеклышками очков смотрят с осязаемым негодованием.

Да ладно, Овечка, я же слышал твои мысли, когда ты тарасилась на мою задницу.

— Какие пожелания, Локи? — спрашивает рыженькая, постукивая указательным пальцем по губам.

— Одежда, белье, обувь. — Прищуриваюсь, когда она начинает посасывать кончик ногтя. — И всякие женские штуки.

От последних слов она воодушевляется и устремляется за сестрой.

— Эй, Лори, — окрикнуваю ее, и рыжая зыркает на меня через плечо, — она — моя. Очень не рекомендую лезть к ней со своими суккубскими замашками.

— Вот ты обломщик, — хохочет она, прежде чем затеряться за стойками с одеждой.

Примерно через полчаса, когда мое терпение уже трещит по швам, близняшки выводят сопротивляющуюся Александру на середину зала, всем видом давая понять, что ждут не просто мое одобрение, а одобрение и щедрые чаевые за работу.

Если честно, я готов их озолотить.

Потому что если вот это — просто аперитив, то во избежание порчи ширинки лучше даже не фантазировать, что у моей Овечки под одеждой.

На ней простая наглухо закрытая белая блузка с длинными рукавами и короткая, как у черлидерши, плиссированная черная юбка с тонкой белой полосой по нижнему краю. Белые гольфы выше колен с кокетливыми бантиками сзади и простые черные башмаки на устойчивой платформе.

Вы же помните, что она носит очки?

В общем, вместе с распущенными черными волосами до самого копчика и ошейником она похожа на развратную старшеклассницу.

Нет, я не фанатею от девочек «помладше». Да, я прусь от того, что моя Овечка выглядит, как школьница, и мне почти стыдно.

Хотя нет, ни хера мне не стыдно!

— Я не стану это носить! — издает боевой клич Александра и начинает уверенно пятиться к двери. — Скажи им, пусть вернут полотенце.

— Александра... — пытаюсь задержать ее, потому что дверь в магазин с грохотом открывается и внутрь врывается толпа отмороженных, озверевших от крови упырей из "Красных братьев".

А моя Овечка, как чертово яблоко, валится в руки прямо их главарю.

Хотите, расскажу вам, как выглядят среднестатистические упыри?

Давайте договоримся сразу, что вы прямо сейчас, до того, как я начну, выбросите из головы всех сладких парней из фильмов для подростков, а так же пафосных кровососов из фильмов для после тридцати. Возможно — допускаю и такую мысль — где-то существует реальность, в которой твари, зависимые от человеческой крови, щебечут, сверкают, соблазнительно прикусывают губы и хранят девственность тысячу лет для Той самое женщины. Но за двести лет своей жизни мне ничего подобного не попадалось, так что на вашем месте я бы тоже не обольщался.

А теперь вернемся к типовым упырям, которые, как по учебнику: сторбленные, серокожие, лысые, желтозубые и тощие. Очень тощие, примерно как оголодалые собаки. Мерзкие нервные твари, но в принципе почти безвредные. Обычно либо рыщут в поисках жертвы, либо валяются в подворотне в полной отключке, потому что получили свое и ловят кайф. Как и собаки, могут укусить только если совсем уж откровенно нарываться. А от демонов вообще предпочитают держаться подальше.

Большинство бомжей, которые попадают к вам на улицах вашей реальности — это замаскированные под смертных упыри. В следующий раз держитесь от них подальше.

А теперь кое-что о Красных братьях.

Они тоже упыри. Но они упыри-переростки, которые, если верить легендам, лет сто назад провели кровавый ритуал, от которого вся Тень ходила ходуном, и стали этакими плохишами среди себе подобных. Они все такие же серые и клыкастые, жадные до крови твари, но только двухметровые бугаи с ручищами толще моей шеи и совершенно оторванные от элементарных законов существования. То есть, им вот вообще срать на то, что здесь — территория демонов, и всяким ублюдочным торчкам сюда вход заказан, потому что есть правила, есть запреты и ограничения, и им нужно следовать. Да, конечно, иногда мы их немного нарушаем, но мне бы и в голову не пришло вваливаться на земли упырей без предварительной договоренности.

Так вот — Красные братья ввалились. Запросто. И беглый пересчет по головам подсказывает, что их только здесь, внутри магазина, десять особей, а на улице еще наверняка столько же. Весь район они что ли взяли в оцепление?

Их главарь выделяется здоровенным шрамом на лысом черепе. Между прочим, моя работа, даже сейчас любо дорого смотреть. Как там у поэта? «Дела давно минувших дней...»

Знаете, что обычно делают все трезвомыслящие твари, которым попрек дороги становится эта братва? Лезут в драку, подумали вы. Хрен бы там. Валят, и чем быстрее — тем лучше. И я бы свалил, потому что, хоть я и ребенок Создателя, но против двадцати этих бугаев беспомощен, как Щелкунчик с деревянной шпагой. И если вы думаете, что отец за младшенького обязательно заступится, то вот вам еще одна неприятная правда — нет, не заступится, и парочку молний на головы моим врагам не сбросит. Я даже предвижу, что скорее уж попросит одну из моих мам приготовить ведерко соленого попкорна, чтобы наблюдать за избиением младенца, пока две другие будут разминать ему ноги и плечи. Отец искренне считает, что он и

так дал достаточно каждому из нас, и ходули в виде его карающего перста мне и братьям ни к чему.

И я бы просто свалил. Заболтал упырю зубы, прихватил цыпочек и смылся бы в реальность — благо, этот фокус всегда работает безупречно.

Но тварь держит в клешнях мою Овечку, и я честно в шоке от того, почему Александра до сих пор не кричит, не плачет, не скулит и не падает в обморок. Просто очень часто дышит и смотрит на меня из-за стекол очков такими глазами... Вот что она хочет мне сказать?

Я чувствую ее страх: он такой сильный, что мои яйца непроизвольно сжимаются, и в копчике зудит, словно вишу над горящей свечкой.

— Локи, блядь, — рычит главарь, и своей поганой лапицей затыкает рот моей Овечке. — Вижу, ждал меня, пиздюк? Десерт я оценил.

Он нарочито громко втягивает воздух около ее шеи: плоские ноздри приплюснутого носа расходятся, забирая аромат невинности, и поганые глаза наливаются кровью.

Если я что-то срочно не придумаю, через секунду он разорвет ее на куски.

Глава девятнадцатая: Александра

Никогда в жизни мне не было так страшно. То есть, когда меня чуть было не сбила машина и когда я чуть не умерла под деревом, это был настоящий ад, но тогда все было как-то быстро, и я почти не успела испугаться сразу, только постфактум потряслась пару часов подряд.

Но происходящее сейчас очень сильно меня пугает. Прямо так сильно, что хочется закрыть глаза и начать голосить во все горло, как я делала в детстве, когда хотела распугать дурные сны и рассказанные в лагере ночные страшилки.

— Хогг, слушай, ну к чему эти нездоровые понты? — с насмешкой спрашивает Локи, засовывая обе руки в карманы брюк.

Похоже, он совсем не настроен вмешиваться и спасать меня из лап этого чудовища. Или я совсем ничего не смыслю в невербальных жестах.

— Лично ко мне у тебя такие счеты?

Локи вопросительно вскидывает бровь, и я чувствую, как ладонь чудовища сильнее сжимается у меня на лице. Еще немного — и он просто вдавит губы и нос внутрь моего черепа.

— Хочешь, чтобы я перечислил все? — хрипит тот, что у меня за спиной.

— Уважь старика, — предлагает Локи, покачиваясь с пятки на носок.

Пытаюсь поймать его мысли, но Локи каким-то образом удается ускользнуть от меня.

Единственное, на что наталкиваюсь — его насмешливая небрежность, как будто он заранее отдал меня. Может, правда отдал? Вдруг тут так заведено?

— Ты испортил мой чудесный череп, — хрипит и брызжет слюной урод. — Ты не извинился, а когда мои люди зажали тебя в углу, просто сбежал, как трус. Твой брат тронул девочек моего клана и тоже смылся. А ты был там, все видел и ничего не сделал, чтобы его остановить. Помог бы мне — и все счеты между нами в плевков под ноги.

— Он мой брат, Хогг, ну, в самом деле. — Локи сокрушенно мотает головой — и тварь, у которой я в плену, проводит языком по моей шее.

Чувствую мерзкую скользкую слюну, от которой кожа немеет, словно после лидокаина. Почти уверена, если сейчас туда всадить иглу, я почувствую только легкий дискомфорт, если вообще хоть что-то почувствую.

— Что за...

Чувствую вторую лапищу, которая резко дергает за ошейник, и я все-таки негромко охаю, но не от боли, а скорее от унижения.

— Локи, ты серьезно с ней связался? — Монстр хрипло хохочет у меня над ухом, хватая за кольцо в центре ошейника и вдевает в него палец. — Со смертной?

Разве Локи не должен сейчас разозлиться после всех его заявлений, что я должна держаться рядом, и что я ему нужна, и так далее и тому подобное?

— Старее, — разводит руками Локи. — Потянуло на всякие извращения и экзотику.
«Надеюсь, лжемуж, если ты и правда копаешься в моей голове, то чувствуешь, как меня от тебя тошнит».

Монстр сжимает мое лицо, и я чувствую, как он скребет ногтем по щеке, вспарывая кожу. Слезы градом льются из глаз, но я все равно не кричу, даже если б мой рот был открыт и свободен. Просто трансформирую всю боль в злость и ненависть, и если выживу в этом всем и останусь свободна, то устрою этому демону такую ментальную экзекуцию, что он сам с радостью снимет с меня ошейник, вернет домой и больше никогда не сунется в мой мир за новой жертвой.

— Так я и думал, — продолжает гаденько посмеиваться чудовище, и когда слезы немного высыхают, я вижу, что он имел в виду.

На щеке Локи такой же порез, как, наверное, и у меня. Словно зеркальное отражение.

Словно я — его личная кукла Вуду.

— У тебя тут целая эмпатка, Локи, — журит мерзкая тварь.

— Просто немного увлеклась — не больше, — отмахивается демон.

Но даже я чувствую, что в этот раз он лжет. И что там, где-то в его голове, натянута такая сильная злость, что если ее отпустить, всем будет несдобровать. Потому что все происходящее и для него тоже открытие.

— Хм, Локи, а если я ей глотку перегрызу — ты тоже окочуришься?

— Я же бессмертный, Хогг. Но вообще не советую это делать. Все расчеты между нами, девочка причем? Я твоих не трогал.

— Люцифер...

— Ой, да в жопу Фера! Вали к нему со своими разборками. Хочешь мои извинения? Ок. Мне, блядь, жаль!

Не успеваю проследить за его движением. Он словно исчезает. Просто за время меньшее, чем нужно, чтобы моргнуть, растворяется на пустом месте. Но я даже в панику впасть не успеваю, потому что рядом мелькает смазанная тень — и я вдруг оказываюсь свободна.

Поворачиваюсь, потому что сзади раздается вопль злости пополам с громкими ругательствами. Локи держит Хогга за голову двумя руками — и нужна всего секунда, чтобы все приспешники монстра кинулись на выручку своему господину.

— Беги, Овечка, — ухмыляется Локи.

Но я не бегу, а смотрю.

Только на миг вздрагиваю, когда Локи резким движением сворачивает ему шею.

Хогг валится на пол, но я почему-то уверена, что было бы слишком просто, если бы было так легко.

Вся толпа накидывается на него, погребая под собой. Локи раскидывает их, встряхивается, как мокрый пес, и первого, кто снова идет в атаку, просто перехватывает за руку и броском отправляет через весь зал.

А я запрыгиваю на спину следующему и скручиваю руки в замок вокруг его горла. Кажется, ору, потому что сжимаю из последних сил.

Еще одного Локи впечатывает в пол так, что проламывает напольную плитку, а затем топчет его рожу ногой, но против трех следующих это уже не работает, и...

Слышу звук открывшейся двери и выразительный тяжелый шелест цепей. Монстр стряхивает меня со своей спины, но я успеваю сгруппироваться и упасть на бок, в этот раз практически не чувствуя боли.

— Что-то шавки совсем распоясались, — спокойный холодный голос.

И парочка тех, что кулем висят на Локи, вдруг взлетают почти к потолку в крепких руках, которые отрывают их за загривки, словно беспомощных котят. А остальные жмутся к стенам, как тени на свету.

Локи сплевывает алую слюну и широко улыбается окровавленным ртом.

— Каин, ты, блядь, просто сраный любитель фейерверков!

Каин? Кажется, так он называл своего брата.

Если Фер мне показался огромным, то этот просто как будто заполнил собой все пространство. Точно больше двух метров тяжелых литых мышц, закованных в рваные кожаные штаны, тяжеленные ботинки и обрывки футболки, которую он просто сгребает на груди и срыгает,

комкая до состояния тряпки, которой с расстановкой протирает лезвие... большого топора. Правда большого, с него ростом, а лезвие как будто вообще метр на метр.

У него длинные, почти до копчика темные жесткие волосы, и на руках от запястий до самых локтей накручены толстые стальные цепи. Когда Каин поворачивается, чтобы схватить за горло рискнувшее напасть чудище, я замечаю два длинных старых шрама у него на спине: от лопаток и почти до поясницы. Как если бы у него были такие же крылья, как у Локи, и ему их... оторвали.

Монстр сучит ногами в воздухе, но Каин сжимает пальцы сильнее, пока просто не раздавливает горло — и тварь падает безжизненным кулем.

— Во что ты опять влип? — спрашивает он Локи, прислоняя свое оружие к стойке администратора, из-за которой высовываются работницы-близняшки.

Локи помогает мне встать, а я так оторопела, что решила отложить «разговор по душам до следующего раза».

— Я-то никуда не влип, на этот раз отличился Фер.

— А она кто? — Каин кивает в мою сторону, и в его глазах такой же туман, как и у Локи, только обсидианово-черный.

И у него на груди тоже странный цветок, темно-фиолетовый и более жгучий. И совсем не похож на тот, что у Локи, но как будто они делали его в одном месте.

— Моя жена, — представляет Локи. — Александра.

— Сочувствую, — бросает Каин.

— У нас совет да...

— Не тебе. Ей.

Кажется, я готова в него влюбиться.

Локи, вопреки моему предположению, не ежится. Наоборот — искренне смеется шутке брата, хоть Каин и сказал ее с таким лицом, как будто выносил мне расстрельный приговор.

Братья обнимаются — и мне на миг кажется, что Каин просто раздавит Локи, как до этого раздавил шею монстра. Они, кстати, совсем и не мертвые, потому что изредка шевелятся и даже вращают глазами, и это зрелище не для слабонервных, поэтому стараюсь не смотреть под ноги. Само собой, мысли о побеге теперь долгое время не будут посещать мою голову. По крайней мере, до тех пор, пока он не вернет меня в мой мир. Локи же говорил, что мы здесь до тех пор, пока Фер не уладит конфликт. А раз эти вот... В общем, непохоже, что рыжий брат моего мужа позаботился, чтобы из-за него у Локи не было проблем. Интересно, а что бы с нами сделали чудовища, если бы Каин задержался на пару минут? Локи сказал, что бессмертен, а вот я... Теперь понятно, почему он был так спокоен. Может быть, я для него и кукла Вуду, но вот только моя смерть вряд ли сильно скажется на его самочувствии, и он это прекрасно знает. А ведь я ему еще и помогала.

— Я оплачу все неприятности! — громко говорит Локи, и девушки перестают шипеть, как мокрые кошки.

Близняшки щелкают пальцами — и из подсобки выбирается целая куча безмолвных рабов, которые в считанные минуты наводят порядки: возвращают на место упавшие стойки, несут тряпки, чтобы вытереть грязь. Локи и Каин тем временем выволакивают чудовищ за порог и о чем-то негромко переговариваются. Когда в магазине не остается ни единого нападавшего, Локи возвращается, манит меня пальцем, но я упрямо стою на месте и нарочно скрещиваю руки на груди, всем видом давая знать, что со мной у него никакие хозяйские замашки не пройдут. И вообще, его старший брат намного симпатичнее, хоть и гремит цепями, как кладбищенское привидение.

— Александра, подойди, — с натянутой улыбкой требует Локи.

— Я тебе не собачонка. Тебе нужно — ты и иди.

— Кажется, я просил слушаться меня и не выводить, раз уж по твоей милости я не выпался. — Он перестает улыбаться даже для вида и все-таки идет на меня. Чтобы не отодвинуться, приходится призвать на помощь все свое мужество, но все равно пячусь, и Локи с плотоядным блеском в глазах хватается за талию. Тянет на себя, вынуждая встать на носочки, и буквально разъедает терпение серым туманом в глазах. — Я просил тебя не отходить от меня ни на шаг?

Молчу и упрямо поджимаю губы.

— Ответ, Александра. Я жду.

— Ты мной не командуешь, ясно? И вот это, — дергаю себя за ошейник, — не дает тебе власти надо мной. Зато, — вкладываю в собственный взгляд всю злость и каплю заслуженного триумфа, — дает мне некоторую власть над тобой.

— Овечка отрастила зубы, — лениво растягивает слова Локи. — Эволюционируешь в дикую кошку.

— Снимаю овечью шкуру, — скалюсь я.

И когда демон прищуривается с ехидной улыбкой, до меня вдруг доходит.

Это же не я. Не мои эмоции. Точнее, это все еще мое тело, моя голова и мое упрямое желание противостоять ему во что бы то ни стало. Но все это — как пирожное, которое Локи щедро поливает собственными мыслями и потребностями. И этот игривый тон — это тоже его рук дело.

— Неа, Овечка. — Он легко угадывает ход моих мыслей. — Не ищи idiotские оправдания своему желанию флиртовать со мной. Ты впитываешь мои эмоции, как губка, Овечка, и они тебе нравятся. Ну, себя-то не обманывай, ты же врач — что врачи говорят о самообмане?

— А что врачи говорят о самообмане? — переспрашиваю я.

Локи в раздумьях морщит лоб, потом небрежно изгибает губы и говорит:

— А разве ничего не говорят? Странно. У тебя есть хороший шанс придумать умную фразу и остаться в истории.

У меня даже ладонь чешется, так зудит съездить по его ухмылке, но это будет слишком уж сильно похоже на семейную сцену. И как будто мне не все равно до его вранья, которым он мастерски пытается меня запутать.

— Мне понравился наряд, — бросает Локи девушкам из магазина. — Все в таком же духе и дальше. И пару платьев с разрезами, от которых у меня сердце остановится.

Близняшки пошло хихикают, я краснею и рычу.

— И... для провинившейся Александры... — Локи сверкает взглядом и прежде, чем я успеваю заорать от досады, озвучивает угрозы: — Никаких трусиков под эту чудо-юбку. Дома плохую девочку ждет наказание, и я хочу, чтобы у меня был полный доступ к ее нетронутой заднице. Он настойчиво, хоть я и сопротивляюсь, проталкивает мне в голову образ меня, лежащей животом на столе, его ладони, которая поднимается над моими ягодицами, и...

Я его ненавижу.

Глава двадцатая: Локи

Несмотря на стычку с Красными братьями и тот факт, что я теперь, как беспомощный младенец, зависю от моей Александры, день не кажется таким уж плохим. Я бы даже сказал — чертовски хороший день! Каин появился вовремя, и мы, как в молодости, вместе стаскиваем упырей в одну кучу. Те, что были на улице — их было минимум в два раза больше, чем я думал — в виде горы ошметков лежат то тут, то там. Нам тут мусор ни к чему, потому, по возможности, стараемся убрать все фрагменты тел, а потом все это поджигаем. Ради такого дела брат жертвует свою любимую зажигалку: он уже давно не курит, но старая привычка вертеть в руках хорошую бензиновую «Зиппо» осталась до сих пор.

Упыри горят за милую душу — не нужно никакого бензина. И обычно сгорают за пару минут до горсти пепла, так что, чтобы Хогг не пропустил все зрелище, очень «ласково» пинками привожу его в чувство. Главарь Красных братьев шипит и бесится, и что-то бубнит забитым грязными тряпками ртом.

Мы намеренно оставили урода живым. Как бы там ни было, он далеко не самый отмороженный среди своих, и еще не факт, что его преемник будет лучше. Это меньшее зло. А чтобы в следующий раз упырям было неповадно соваться на чужую территорию, он должен увидеть все последствия. Это ни разу не панацея, но на какое-то время кровососы успокоятся.

Когда от костра остается только небольшое пепелище, мы с Каином щедро измазываем в пепле Хогга — и брат берется сам отвезти его к границе.

— Утром буду у тебя, — говорит через плечо, pinkами подталкивая упыря шевелить ногами. — Поговорим обо всей этой херне.

Честно говоря, я очень рад, что сегодняшний вечер и ночь Каин проведет подальше от моего логова в «Палаццо», потому что, хоть он и любимый старший брат, но его и близко не должно быть рядом, когда я займусь воспитанием моего своенравного Бермудского треугольника. Нужно сделать так, чтобы она даже думать не хотела, как бы от меня улизнуть, потому что теперь от нее не просто зависит мое бессмертие, но и жизнь в целом.

Отец присылает сообщение как раз в тот момент, когда я думаю, что давно он не отпускал своих едких комментариев по поводу моих безуспешных успехов.

«Потому что нечего пытаться мухлевать, любитель!» — пишет он и следом присылает аудиофайл со своим злорадным смехом. От таких звуков, между прочим, неподготовленные уши смертных просто сворачиваются в трубочку.

Домой мы возвращаемся только через пару часов, прихватив лишь небольшую часть всех покупок. В машине Александра снова прилипает к двери, и когда я протягиваю руку, чтобы приподнять край юбки и проверить, выполнено ли мое указание, она триумфально скидывает бровь.

Там черное кружево трусиков. Много она все равно не дает увидеть, просто дает понять, что чихать хотела на мои пожелания — настоящие и будущие.

Тем хуже для нее.

Я и так вел себя как ангел, а если демон говорит, что ведет себя как белокрылый кисель, поверьте — этот демон доведен до болтика на ручке.

Пока мы едем в лифте, я расстегиваю пару верхних пуговиц. К счастью, упыри не успели натворить дел, и наша с Александрой одежда в порядке. Я бы не выдержал скучных переодеваний.

Александра забивает в угол и всем видом дает понять, что готова пустить на защиту невинности и ноги, и руки, и даже зубы. Черт, все же просто охуенно классно, что она не сдается и так очаровательно и, главное, искренне сопротивляется. Я не хочу ее сломить, но хочу ее согнуть. В данный момент — над столом.

Мы заходим в квартиру, и Александра резвой козой устремляется в мою спальню. Очень зря. Это же не просто моя берлога, это моя квартира, где все сделано с учетом моих потребностей. И если я хочу, чтобы все двери, кроме одной, были заперты, так и будет. Овечка пару раз дергает ручку и, наконец, поворачивается.

— Я вдруг понял, что девушки в очках меня просто жуть, как заводят, — скалюсь, расстегивая пиджак, и медленно, чтобы она точно увидела, поглаживаю стояк через штаны. — Ты не будешь их снимать, кроме тех поз, в которых они могут... потеряться.

Александра густо краснеет — разве что пар из ноздрей не валит. Чувствую ее злость и досаду, но на этот раз пропускаю эти эмоции, потому что охочусь за той, которую мой Бермудский треугольник прячет в Мариинскую впадину своих мыслей.

— Я буду кричать, — предупреждает Овечка, из последних сил защищаясь от моего вторжения в ее голову.

— Совсем не против твоих криков, даже «за», — иду к ней ровно на три шага. — Еще можешь стонать, царапаться, кусаться, выкрикивать мое имя и использовать грязные словечки.

Особенно меня заводят фразы в духе «трахни меня, Локи», «глубже, Локи» и... мое любимое: «Хочу тебе отсосать».

Я же просто издеваюсь, а какой эффект: Овечка просто оторопела. Но оно и понятно: ее недоносок вряд ли хоть что-то знал женских потребностях, в особенности о том, что каждой женщине время от времени хочется быть плохой развратной девочкой. Говорить грязные словечки и провоцировать любовника на грубые игры в ответ. Конечно, все это работает только с человеком, в чей адекватности женщина уверена на двести процентов, и которого она хочет до отвала башки, а если моя Александра до сих пор осталась невинной, то о каком желании к шнурку вообще может идти речь? Недоразумение, и когда-нибудь она скажет мне спасибо за то, что я вовремя появился в ее жизни и сдвину с рельсов унылый паровоз.

Вам хочется быть плохой девочкой? Отвечать не нужно, просто будьте честны сами с собой.

— Я совсем не то собиралась кричать, — храбрится Овечка, пока я подбираюсь к ней вкрадчивым шагом. Между прочим, ходить со стоящим членом — это просто мука, поверьте. — И я лучше язык себе откушу, чем скажу одну их тех... мерзостей.

«Ты скажешь, Александра, обязательно скажешь, сделаешь и попросишь добавки. Или я ничего не смыслю в женщинах».

— Видишь стол у меня за спиной? — Она нехотя косит взглядом мне через плечо и из чистого упрямства отрицательно машет головой. Смеюсь. — Отец, и это меня ты называешь лгуном?

— Я хочу в душ, переодеться и ужин, — как девушка в исповедальне заявляет Овечка. Такая наивная попытка меня отвлечь. Зайка машет хвостом перед волком.

— Лично вымою тебя, Александра, и сам прослежу, чтобы ты не осталась голодной. Но после первого урока послушания. Ты пойдешь к столу, ляжешь на него животом и оттопыришь задницу.

— Что?! — Она давится нервным смехом.

— Или это с тобой сделаю я, и тогда ты получишь вдвое больше шлепков. Сделай милость — посопротивляйся, — почти умоляю.

— Ты больной извращенец-доминант, — заявляет она голосом малышки, рассказывающей зазубренный стих под елкой. Старается, надеется получить самый лучший подарок из мешка.

— Я не из любителей порки, Александра, и, насколько понимаю, ты тоже не любишь такие игрища. Поэтому у нас с тобой просто урок послушания, чтобы в следующий раз, когда я скажу тебе не отходить от меня ни на шаг, ты вспомнила все, что сегодня случилось, и была благоразумной.

— Сегодня ничего не случится, демон.

Вздыхаю. Я бы еще с ней поиграл, но она как раз созрела для «десерта».

Протягиваю руки, делая вид, что собираюсь схватить ее за талию. Овечка пробует сбежать слева, но на то и расчет. Обхватываю ее за бедра, закидываю себе на плечо и несу к «месту казни». Она вертится как уж, но ничего не может сделать, потому что меньше и слабее меня, и потому что далеко не первая строптивница в моей жизни. Хоть и самая «вкусная».

Укладываю ее животом на стол, зажимаю ноги под коленями своей ногой, и рукой надавливаю на поясницу. Только гордость не дает Александре посыпать мою голову ругательствами.

Гордость... и мой мужской голод, которым я вторгаюсь прямо в ее мозг.

Не надо думать, что я совершаю акт насилия. Поверьте, только конченный долбоеб и моральный урод получает удовольствие от чужой боли и унижения. Если бы я хоть на минуту усомнился, что Овечка меня не хочет, то и пальцем ее не тронул.

К счастью, в глубине моего Бермудского треугольника настоящее поле для разных пошлостей, и — тсссс — она уже жалеет, что надела трусики.

— Три шлепка, Александра, — говорю жестко, отбросив мягкий тон. — Либо ты их принимаешь, либо еще три сверху даже за намек на непослушание. Это понятно?

— Я никогда!..

— Шесть, — монотонно отсчитываю я. Хотите правду? Я рассчитываю, что моя Овечка кончит между четвертым и пятым.

Она прикусывает губы, минуту колеблется — и берется руками за столешницу.

Глава двадцать первая: Локи

Мне нравится вид сзади. Настолько, что я хочу насладиться им сполна, и на всякий случай предупреждаю Овечку:

— Лучше не шевелись, Александра, будь послушной.

«И тебе будет очень даже хорошо», — добавляю про себя, делая всего шаг назад.

В коротких клетчатых юбках есть своя соблазнительная прелесть: даже если девочка в юбке, она все равно выглядит почти голой, особенно, когда наклонилась над столом и похожа на букву

«Г», в которой ее задница — острый угол между двумя почти идеальными прямыми. Александра предпринимает попытку сжать ноги, но я быстро вставляю между ними колено. — Договор, помнишь? На этот раз прощаю, но еще одно непослушание, Овечка... Выдерживаю паузу на особенно острой ноте, чтобы она в полной мере осознала, что только что хороший балбес Локи вышел покурить, а остался я — развратная похотлива сущность, которая знает, как довести женщину до оргазма сотней разных способов, даже теми, от которых она приходит в священный трепет истинной девственницы.

На самом деле я бы хотел, чтобы она сама задрала юбку и сняла трусики, дала полюбоваться на свои упругие ягодички до того, как на них останется пара отметин от моих шлепков. Но для одного раза Александра и так ведет себя на удивление спокойно, потому что — это я тоже чувствую — держу ее как раз на грани и если хоть немного пережму — девочка просто сбежит от меня и, не приведя демоны, останется фригидной до конца жизни. С невинными всегда так много мороки и лишних телодвижений, что не такое уж это удовольствие — быть первым. Александра не зря пыталась напугать меня свое девственностью: если бы речь не шла о моем бессмертии, я бы просто подвез ее до дома и нашел менее проблемный вариант.

Но с Бермудским треугольником просто беда. Во-первых, потому, что ее невинность меня заводит, а во-вторых — наши пикировки просто вышибают мне мозг. И даже сейчас, когда я все-таки чувствую ее горячее, как присыпанное перцем чили любопытство, Александра продолжает держать оборону. Будь мы средневековыми королями, я бы, пожалуй, не рискнул штурмовать ее бастионы.

К счастью, единственный бастион, который мне нужно покорить — ее плиссированная юбка и кружевные трусики. Просто откидываю ткань до самой талии и, вероятно, слишком сильно вздыхаю, потому что в ответ Александра топает ногой, как застоявшаяся в стойле резвая кобыла.

У нее просто идеальная задница, и чем больше я смотрю на две крепких ягодички, тем сильнее мне хочется сомкнуть зубы на каждой из них. Можете считать меня грубияном — кем, я, по сути, и являюсь — но меня тошнит, когда хорошую задницу называют «попкой». Попка — это у младенца в пудре, а у молодой горячей цыпочки — задница!

Спасибо, Отец, что выбрал мне такое сокровище. И сделай одолжение — отведи от нас свой пристальный взор, у чад твоих взрослые игры.

Я бы не удивился, если бы даже в эту минуту он прислал мне одну из своих острот, но тогда бы точно к херам собачьи разбил телефон.

Черное кружево трусиков лежит в ложбинке, «как родное». Нигде ничего не пережимает, не сдавливает. Вздыхаю, опускаю взгляд ниже — туда, где ткань льется между расставленными ножками. Могу только догадываться, но без трусиков она наверняка маленькая и очень упругая — не видно даже намека на «фразрез» между лепестками.

Убейте меня.

Думаете, я мучился от стояка эти дни? Ничего подобного. В сравнении с тем, как меня укрывает прямо сейчас, практически постоянную эрекцию последних дней можно списать на «легкий дискомфорт». Но сейчас я просто дурею. Хочется прижаться к ней бедрами, толкнуться так сильно, чтобы Овечка точно до конца осознала, на какие невероятные жертвы я иду, поддаваясь ее желанию повременить с нашими интимными отношениями.

Черт, зачем именно сейчас вспоминаю праведный гнев в ее глазах, когда сказал, что не против услышать ее желание взять меня в рот? Еще бы и про анальный секс брякнул, совсем заклинило.

Но ведь это правда. Это — моя природа. И я, черт все дери, не привык к ванильным отношениям, а обычно называю вещи своими именами и сразу озвучиваю, чего жду от партнерши и что готов дать взамен.

— Перестань на меня пялиться! — рычит мой Бермудский треугольник.

Вот теперь просто из желания хотя бы на время заткнуть ей рот прижимаюсь к ней пахом, совершая пару тех самых движений, которые угадает даже совершенно невинное создание. Александра вздрагивает, пробует распрямиться, но я продавливаю ее в пояснице и снова укладываю на стол. Вообще-то это уже тянет на непослушание и еще плюс три шлепка, но, если план сработает, мне хватит даже пяти. Я же не собираюсь лупить мою малышку, даже если сейчас она допускает мысль о боли.

— Я хочу на тебя пялиться, Александра, — озвучиваю свою потребность.

Большими пальцами поддеваю на боках ее трусики и медленно, присаживаясь на колени, стаскиваю кружево по ее ножкам в высоких гольфах с бантиками. Если честно, уже сейчас, в такой позе, я бы с удовольствием еще шире развел ее ножки и попробовал Александру языком, и она бы получила такой фейерверк, что вопрос лишения невинности перестал бы стоять так остро. Но прежде, чем получить от меня что-то, овечке придется что-то давать взамен, иначе я обречен спать в пустой постели все десять следующих дней. А это очень негативно скажется на моем моральном самочувствии, как вы уже поняли.

— Ты... у тебя... — заикается чистым возмущением Овечка.

— Научись называть вещи своими именами, Александра. Хочешь сказать, что тебя смущает мое возбуждение, так и скажи: Локи, убери от меня свой член. Может быть, я даже послушать. Хрен бы там, а не послушаюсь, но на то и расчет: она в жизни ничего подобного не скажет. По крайней мере, не сейчас и не в такой интимной обстановке.

У моей овечки гладкая промежность, как будто в ее организме произошел сбой, и характерного островка волос у нее там не то, что нет, а просто и не было. Хочу погладить пальцами, хочу раскрыть ее плотно и стыдливо закрытые створки. Но сейчас это будет слишком. И надо хотя бы ради разнообразия иногда держать свое слово.

Поэтому, закрыв глаза, прикусывая кулак от того, какой шанс добровольно выпускаю из рук, поднимаюсь.

Александра вздыхает с облегчением, и костяшки ее пальцев, которыми она вцепилась в стол, словно в земную ось, снова становятся розовыми. Хороший знак: Овечка уже не хочет сбежать. По крайней мере там, глубоко в ее мыслях, я не нахожу ни единого подтверждения, что не прав. Будем считать это маленькой паузой. Ей нужно привыкнуть к мысли, что она стоит с выпяченной голгой задницей перед мужчиной, которого знает всего несколько дней.

— Не хочу продолжать, — упрямо заявляет она как раз в тот момент, когда я готов «скостить» наказание до четырех шлепков.

Вот так и теряют голову, скажу вам. Даже демоны искушения.

Встряхиваюсь и укладываю ладонь ей на задницу, намеренно проводя мизинцем по впадине между ягодницами.

— В следующий раз, когда захочет что-то мне сказать, Овечка, скажи какую-нибудь непристойность, иначе это просто трата работы роскошного рта.

Ее смущение такое восхитительное и густое, что на вкус почти как клубничное пюре со сливками. А для меня, известного сладкоежки, это лучше, чем всякие суккубские феромоны.

— Держись крепче, Александра, — предупреждаю на всякий случай.

Стребаю ее волосы в кулак, немного тяну на себя, с наслаждением впиваясь взглядом в прогиб спины.

Блин, я точно рехнусь.

Просто окаменею. Сдурею.

Сорвусь к хуям собачьим.

Большой замах не нужен, достаточно просто отвести ладонь в сторону — и шлепнуть ею по голым ягодницам. Один точный рассчитанный до мелочей шлепок. Достаточно сильный, чтобы ягодницы спружинили — и Александра «поплыла» по столу. Вот поэтому я держу ее за волосы и надежно фиксирую в нужном положении. Но и достаточно аккуратный, чтобы не было боли. Так, вероятно, любящая мать наказывает провинившегося школьника. Ну на хрен эту метафору!

— Локи! — возмущается Александра.

Но мы оба знаем, что сейчас, когда первые секунды ее придуманного унижения позади, она чувствует именно то, чего я добивался: тепло на коже, как раз над тем местом, где станет влажной после следующего шлепка.

— Повторяй за мной, Александра: я не буду пытаться сбежать, Локи, — командую я.

— Чтoб ты провалился! — ругается она и так восхитительно вертит задницей, что, не чувствуя я ее негодование, увидел бы в этом намеренную провокацию.

Заново руку для счета «два». Овечка чувствует и подбирается, поэтому напрягает ягодницы и пытается вырваться из моей хватки, но я только чуть-чуть сильнее подтягиваю ее к себе.

Моя ладонь второй раз шлепает ее по заднице. Александра выдыхает открытым ртом, и мне нужно все свое мужество, чтобы не послать терпение к такой-то матери и не склонить ее к минуте. Так хочу в этот тугий рот, что в голове темнеет — и на миг собственные мысли превращаются в путанный лабиринт.

— Хочу трахнуть тебя... так сильно, — шепчу где-то между попытками найти выход из лабиринтов разума.
Первый раз за двести лет со мной такое. А ведь это просто два удара по заднице.
— Ты обещал только шесть... раз, — хнычет она.
Не плачет, а хнычет как капризная малышка, которая получила черную тачку вместо розовой.
— Обещал, — вынужден согласиться я. Наука на всю жизнь — больше точно никаких обещаний. — Я жду, Александра. Иначе ты узнаешь, что в Тени между цифрами пять и шесть может быть пройти целая вечность.
— Обманщик! — рычит Овечка.
— Хочу быть уверен, что в следующий раз ты не угодишь в лапы к какому-нибудь уроду. Поверь, тебе же от этого лучше. Шесть слов, Александра. Я жду.
Она снова сжимает ягодицы и... блядь... я опускаю ладонь, массируя копчик расслабляющими движениями.
— Локи, ты...
Она вздыхает и делает то, что вызывает у меня дьявольскую улыбку: когда я только на миг отрываю ладонь от зарумянившихся ягодиц, приподнимается на цыпочки вслед за моими пальцами.
Хорошая девочка.

Глава двадцать вторая: Александра

Легко объяснить себе, почему меня не испугала новость о существовании мира Тени — просто я всегда была фантазеркой и любила часами играть в выдуманных мирах, придумывая приключения, в которых была отважной принцессой. Не той, которая спит в гробу или ждет, когда ее коса подцепит какого-то влюбленного болвана, а той, которая сама могла перехитрить Кощея и сразиться с драконом. Хоть обычно в моих фантазиях мы с драконом становились друзьями и летали выше облаков.

Легко объяснить, почему я не вижу в Локи врага — он трижды спас мою жизнь. И он, если оценить все «за» и «против», ни разу не причинил мне вред.

Но совершенно невозможно объяснить, почему вместо того, чтобы испытывать унижение, страх или отвращение от его «науки», я просто... горю. То самое предающее тело? Только не со мной, потому что я взрослая двадцатилетняя девушка, и прекрасно знаю, что обычно происходит в постели между мужчиной и женщиной, пусть и не из собственного опыта.

Виталик никогда не делал со мной ничего настолько пошлого, но он ласкал меня пальцами, пусть и безуспешно. И тогда я не испытала ничего, кроме неприятной сухости, как будто я — сковородка, на которую разбили яйцо.

С Локи все иначе.

Я не могу угадать третий шлепок, потому что в отличие от первых двух он делает его резким и чуть более ощутимым. Подбираюсь, прикусываю губы, чувствуя, как соски напряглись и болезненно трутся об ткань лифчика.

Я должна бы чувствовать боль, но это совсем не так.

Мне... Господи... Это так, будто я заслужила немного наказания — и Локи просто играет со мной. Играет во взрослые игры, прекрасно зная, куда и как нажать, чтобы моя голова пошла кругом, а между ногами стало так горячо, что от потребности получить толику приятного давления до боли в сухожилиях хотелось сжать ноги.

— Нет, Александра, не своди ноги, — его короткий властный приказ. И тон, против которого я беспомощна, и который вибрирует в моих собственных мыслях, подбрасывая в топку безумия все новые и новые образы.

Я совершенно точно знаю, что все эти мысли — мои. А вот те, жаркие, пошлые, откровенные — его. И на этот раз, когда пытаюсь нырнуть в них, он милостиво позволяет мне это.

Там, в глубине мыслей демона, он «показывает», как гладит меня пальцами там, где сейчас ноет и болит.

— Нужно только попросить, Александра, — похотливый шепот где-то у меня над головой. Лучше провалиться!

Четвертый удар — и мои ягодицы подпрыгивают, и на этот раз я не могу сдержать стон, потому что внизу живота словно шипит бомба для ванной: расползается по всему телу пузырьками волн. Этот шлепок достаточно сильный, но меня это распаляет, будто на последнем вздохе лечу вверх, глотая разреженный кислород.

У него тяжелая ладонь, хоть на вид не больше руки обычного парня его лет.

Кожа вспыхивает огнем, но Локи тут же поглаживает ягодицы расслабляющим движением, и я снова — черт! — поднимаюсь к нему на цыпочки, чтобы выпросить еще немного ласки.

Я так хочу его пальцы между ног. Хочу то, что видела в его грязных мыслишках, но не стану умолять даже ради, возможно, единственного шанса попробовать удовольствие, о котором пишут в книгах.

— Осталось всего два, Александра. — Его голос неожиданно хриплый, пальцы у меня в волосах расслабляются и ласкают кожу приятными поглаживаниями. — Хочешь, я скажу тебе, как мы будем спать сегодня?

— Нет! — протестую я, но все мои мысли хотят его грязных словечек.

И мы оба знаем, что пока на мне дурацкий ошейник, Локи читает меня, будто раскрытую книгу.

— Ты будешь в моей кровати совершенно голая, Овечка, чтобы, если мне захочется, я мог прикоснуться к каждому кусочку твоего тела. Никаких пижам, трусиков, лифчиков и даже ленточек в косичках.

— Нет! — повторяюсь я, и он хрипло усмехается.

— А я буду спать рядом, и смотреть сны о том, где ты стоишь передо мной на коленях и умоляешь трахнуть твой рот. Уверена, что не хочешь попробовать... сейчас?

Пятый шлепок.

Я просто раскалываюсь на куски, как перемороженный шоколад: разлетаюсь крошечными метеоритами и астероидами вокруг демона, который больше не лезет в мою голову, но охотно пускает в свою, «показывая», что с ним сделают мои губы и пальцы.

Запрокидываю голову — теперь сама, от жгучей потребности... поцелуя? Локи уже давно меня не держит, только быстро, ребром, просовывает ладонь мне между ног и делает всего одно длинное плавное движение, от которого в моем теле просто не остается ни мышц, ни костей. Только огонь под кожей, от которого с губ срываются рваные крики и бессвязные мольбы.

Меня еще трясет, словно в лихорадке, когда он резко разворачивает меня на спину и помогает сесть, забрасывая одну руку себе на плечо. Волосы в беспорядке, как будто он растрепал их пятерней, язык жадно скользит по нижней губе. И туман в глазах потемнел почти до графитовой черноты.

Второй рукой подтягивает меня к краю стола, распахивает мои колени, пахом таранит меня между ног. Откидывает голову назад и вены на его шее натягиваются пульсирующими канатами.

«Слышу», что он почти рядом — ловлю в его мыслях отголоски собственного удовольствия, и это словно еще один прицельный удар в зону наслаждения. Будь я крысой из эксперимента, точно умерла бы с голоду просто потому, что целыми днями нажимала бы на заветную педаль в голове моего демона.

Моего?

Иногда нужно просто делать, а не анализировать.

Именно поэтому дрожащей рукой тянусь к ремню на его брюках.

Локи перестает витать в хмельном тумане попыток сдерживать себя, распрямляется и напряженно смотрит на меня дымным взглядом. Руки на моих бедрах сжимаются сильнее и сильнее, большие пальцы растирают чувствительную кожу на сгибах. Он как будто знает, что я не готова продолжать... но и остановиться сейчас не хочу, поэтому продолжает то, что легко сойдет за смелую ласку, и в чем нет ни капли попыток склонить меня изменить решение.

Хотя, о чем это я? Он ведь копается в моей голове и точно знает, о чем я думаю.

— Ты слишком много думаешь, Овечка, — бормочет Локи, пока я неумело и неуклюже вытаскиваю из петли ремень и только с третьей попытки справляюсь с защелкой.

Мысль о том, что нужно развернуться и бежать от него очертя голову, продолжает расхаживать перед мысленным взором, сотрясая транспарантами, но я все равно тянусь к пуговице — и та предательски быстро выскальзывает из петли.

Локи сглатывает, подается вперед и в тот момент, когда я почти готова позволить ему поцелуй — просто смешно после только что случившегося! — он просто прижимается лбом к моему лбу.

— Я бы хотел быть хорошим парнем, Александра, и сказать, что спешить не нужно, — чувствую его немного натянутую улыбку, — и что могу подождать, и еще с три короба всякой пафосной хуйни наговорить, но все это будет ложь

— А ты и есть лгун, — отвечаю я и медленно тяну вниз «собачку» ширинки. Это не так-то просто, потому что прямо под пальцами он — такой твердый, что кажется не настоящим. Интересно, а демоны устроены так же, как люди? Он голым спал со мной в одной постели, а я даже не посмотрела. Медик называется! Могла бы хоть из профессионального любопытства и... Локи так резко сжимает мои скулы в тисках между большим и указательным пальцами, что я полностью бессильна против его повелительного движения моей головой вверх. Мы смотрим друг другу в глаза, и я снова очень сильно хочу сжать ноги, но не могу, потому что между ними Локи, и он медленно отрицательно качает головой, продолжая держать меня взглядом, в котором мне страшно потеряться.

— Если ты что-то начинаешь, Александра, то доводи это до конца, — говорит он, улавливая все оттенки моих потребностей. — Если ты собираешься снять штаны с демона искушения, то, блядь, прекрати думать обо всякой ерунде. Ты здесь, со мной. — Он выдыхает эти слова прямо мне в губы, словно произносит заклинание, потому что мир вокруг вдруг становится таким размазанным, что я чувствую себя пленницей мыльного пузыря. — Ничего из того, что ты сделаешь, не повергнет меня в шок, и тебе совершенно нечего стесняться. Стыд — это для ханжей, Овечка. А ханжей я не люблю немного меньше, чем упырей.

Я все-таки справляюсь с его брюками и кое-как вместе с резинками боксеров, не глядя, тяну вниз. Локи продолжает держать мой подбородок в железной хватке.

— Мне будет приятно, если ты возьмешь мой член в ладонь, — подсказывает он, когда я нервно сглатываю, потому что его твердая плоть вырывается из одежды и ударяет меня по пальцам. Думала, будет противно, но нет — наоборот. Пальцы сами тянутся, чтобы сжать его крепче, и тихий рык из плотно сжатых губ демона подбадривает действовать смелее. Никогда ничего подобного не делала, потому что просто не хотела. Виталик пару раз недвусмысленно намекал, подталкиваю мою ладонь, но мне казалось, что если я что-то и сделаю, то потом слишком быстро побегу в ванну и обижу его мужскую гордость.

— Мне в глаза, Овечка, — еще один безапелляционный приказ. — Сейчас мне нужен твой взгляд, а рассмотреть член демона искушения ты сможешь и потом, — плотоядная улыбка, — потому что я весь к твоим услугам.

Вот сейчас самое время от него сбежать, прикрыться страхом его замашек и самоуверенности в собственной победе. Но бежать не хочется. Хочется с головой нырнуть в шторм его грязных мыслей и чувствовать восторг от того, что их единственная причина — я.

Он жесткий и в то же время гладкий, большой, потому пальцы никак не сжать, получается только неплотно свести в ладони. Пробую сильнее, и Локи подбадривает горячим вздохом по моим губам.

— А теперь повторяй за мной, — направляет он, толкаясь прямо в мою ладонь.

Плавное движение, уверенный, но не агрессивный удар бедрами.

Его член скользит в моих пальцах, упирается в бедро. Мы с Локи одновременно вздыхаем, и я тут же прикусываю губу, хотя он уже видел мою реакцию и выглядит полностью довольным произведенным эффектом.

Пробую повторить, но сбиваюсь — и Локи направляет еще раз.

Краснею и разве что не горю, но внутри все кипит, поднимается к грудной клетке направленными жгучими искрами.

— Быстрее, — подсказывает Локи.

Его плавный толчок — и мое движение навстречу. Слаженный ритм, от которого комната наполняется рваными вздохами, громким шипением, потому что мой демон безуспешно пытается сдерживаться. Его разум открыт для меня точно так же, как несколько минут назад был гостеприимно открыт мой. И там — огонь, яркие вспышки, красные всполохи, бездна развратных мыслей и потребностей.

Локи задвигает бедра особенно сильно, на миг все-таки изменяет своему же приказу и прикрывает глаза. И мой собственный приказной тон:

— Смотри на меня, демон!

В распаханном графитовом тумане мелькает такая похоть и вожделение, что я разве что не схожу с ума. Очень ли плохо хотеть попробовать и дальше? Очень ли плохо, что влажные следы на моей коже не вызывают потребности прямо сейчас, в эту секунду, бежать в душ? Очень ли плохо, что мне хочется облизать собственные пальцы?

Глава двадцать третья: Локи

Официально заявляю — я кончил, как в первый раз.

Просто потому, что моя Овечка дронила мне своими неумелыми пальцами и потому, что я так насосался ее какого-то карамельно-попкорнового оргазма, что просто не смог бы жить без хоть какой-то разрядки.

Я ни на что такое и не рассчитывал даже, но, когда Александра сама ко мне потянулась, пришлось быть предельно честным хотя бы с собой: обману, соблазну, переверну все ее мировоззрение, но она доведет начатое до конца. Потому что прямо сейчас я просто не хотел ни другую женщину, ни, блин, собственный кулак — вообще позорище для такого, как я. Мне была нужна моя Овечка.

И просто удивительно, что она не зажималась, а в конце осмелела настолько, что даже посмела мне приказывать.

В моем щуплом очкарике тот еще характер. И страсть. Целый Клондайк, который я с огромным удовольствием перекопаю вдоль и поперек.

— Я... мне... все... хорошо? — бормочет она, цепляясь ногтями мне в плечо.

— Мужской оргазм, Александра, в отличие от женского, не так легко подделать. Свидетельство прямо у тебя в ладони.

Блин, вот нравится видеть, как она смущается, но при этом ни капли не сожалеет о случившемся.

— Тогда ты не против, если я поду в душ? — начинает хмуриться она, как будто готовится держать оборону.

Ну, вот что ей сказать? Что я против, потому что вся моя демоническая натура требует продолжение? Что одного раза после трех дней воздержания мне, мягко говоря, мало. Что я кончил слишком ярко, чтобы не хотеть удержаться ее силой?

Нет, дружище, Локи, ты ничего этого не скажешь, потому что тебе нужна ее любовь, и потому что первый шаг на пути к этому уже сделан — она чуть не двинулась, когда я позволил ей чувствовать свои эмоции.

Вместо ответа просто беру Овечку на руки и отношу в душ. Будь моя воля — и помыл бы, и попросил мне спину потереть, и вообще теплый душ расслабляет и способствует интимной обстановке, но я хорошо чувствую границу ее предела допустимого. И сейчас попытка сделать шаг вперед будет провалом и тремя шагами назад.

Пока Александра плещется в душе, я быстро привожу себя в порядок и переодеваюсь в любимые домашние джинсы. Босяцкие, с дырками на коленях. Костюмы, рубашки, дорогие часы и зажимы для галстуков — мое все, но иногда, когда я в своей берлоге, хочется простого и смертного.

В дверь стучат. Три ровных четких удара, и все мои планы провести тихий спокойный вечер в компании моей малышки катятся псу под хвост. Потому что есть только один человек, кому разрешено подниматься на лифте на самый верхний этаж.

Точнее, совсем не человек, а богиня.

Богиня удачи — моя, можно сказать, почти официальная любовница.

Ну, все, вот теперь мне точно хана.

Не могу ей не открыть, потом что она знает — я дома. Просто знает и все. Да и в принципе может просто так зайти, даже без стука, потому что — чертова богиня и законы физики не для нее. Она и стучится только из личного желания. Выражаясь слэнгом — будь он неладен — ей это просто по приколу.

Интересно, сколько еще Александра будет плескаться в ванной? И какие у меня шансы развести эти два ледокола так, чтобы они не стукнулись лоб в лоб?

Просто чтобы вы понимали всю глубину задницы, в которой я вдруг оказался. Обман и хитрость, наеб всех и вся — это моя стихия, мой хлеб, соль, масло на булке и красная икра каждый день. А хорошая ложь — это только на пятьдесят процентов расчет и удачный план. Остальные пятьдесят — чистая удача и везение. И пока я трахал Удачу, а она думала, что это она меня имеет, все было отлично. Что будет, когда я разорву наши отношения — угадать нетрудно. Удача — капризная баба, но вы, я уверен, и так об этом слышали.

Цепляю на лицо вежливую и официальную улыбку, открываю дверь и наваливаюсь локтем на косяк на тот случай, если вдруг ей хочется не трахаться, а перекинуться в карты или попытать счастья в игре в кости. Смешно, да?

— Ты же знаешь, я не люблю ждать, — говорит У и без приглашения заходит внутрь.

Первая попытка от нее избавиться провалилась, если не сказать грубее.

У нее есть другое имя, полученное от моего отца, но, честно, я понятия не имею, в каком он был ударе — или угаре? — когда его придумал. Лучше даже не пытаться повторить ни языком, ни мозгом, потому что чревато тяжелыми, не совместимыми с жизнью травмами.

Поэтому, она просто У, и даже носит на шее медальон с первой буквой своего имени.

Как выглядит удача? Ну, а вот вы что представили? Красивая баба лет тридцати пяти, холеная, в длинном платье, увешанная бриллиантами и так далее? Если так и подумали, поздравляю — вы дальше от истины, чем один полюс от другого.

Она выглядит лет на двадцать — самый потолок. Носит короткие шортики поверх драных колгот, чумовые хвостики, короткие топы без лифчика и обязательно тяжелые гранжевые ботинки. В общем, классическая «плохая ванильная девочка». Пару раз я видел, как такими ботинками она, забавы ради, просто отпинала пару демонов: те скулили, как котята. Но лучше уж вот такими кирпичами по почкам, чем каблуками по яйцам.

У проходит в мою гостиную, осматривает комнату в поисках места, куда бы пристроить задницу. На диваны и кресла не садится из принципа, а за карточным столом всегда требует высокий барный стул. Кстати, она коротышка — мне ниже плеч, даже меньше Александры. В итоге выбирает комод: подтягивается, чтобы устроится на нем, нарочно ерзает задницей и смешно морщит нос, когда валит на пол мою трофейную статуэтку за выигрыш в Чемпионате по снукеру[1]. Не говорил, что люблю погонять шары? На самом деле — обожаю. И специально для участия ношу «маску» одного из чемпионов. Кого именно? Вы же не рассчитываете, что я признаюсь!

— У меня был очень, — растягивая слова вместе со жвачкой, говорит У, — очень, очень плохой день.

«Вот сейчас и мой стал таким же», — мысленно отвечаю я, стараясь не терять звук льющейся воды.

— И я вспомнила про своего любимого Локи. — Она выразительно жует жвачку, надувает большой малиновый пузырь и дает ему лопнуть с громким щелчком. — И подумала: «А почему бы нам не потусить вместе?»

Обычно я позитивно реагирую на такие предложения. Это значит, что будет несколько дней драйва, отвязного секса, взрослых ролевых игр и всего того, что обычно безмерно радует холостого сексуально озабоченного демона — меня.

В этот раз мне кажется, что я слушаю смертельный приговор, и когда У заканчивает, мою участь решает иллюзорный удар судейского молоточка.

— Прости, У, ты знаешь, что если бы... — начинаю я, но она прикладывает палец к губам и напрягает слух.

— У тебя гости? — У щурится и спрыгивает с комода, уверенным кукольным шагом топая в сторону моей комнаты.

Сам не понимаю, как успеваю встать у нее на пути.

У вскидывает брови и взглядом приказывает подвинуться, но я буду стоять на смерть. Если реакцию У на мою скоропалительную женитьбу еще можно предугадать, то я вообще теряюсь, что устроит Александра, когда увидит в моей квартире малолетку а-ля Харли Квин в старшей школе.

— Локи, в чем проблема? — хмурится У.

Конечно, она знает, что у меня есть женщины — я же демон искушения, я не моногамен в принципе. Конечно, я — не единственный мужик, которого она трахет ради вкуса и интереса. И, само собой, мы не устраиваем друг другу сцен ревности, поэтому обычно, если У натывается на моих гостей, я не дергаюсь и просто меняю простыни.

Но «обычно» в моем душе не бывает молоденьких невинных смертных, по совместительству — моих жен.

— У меня особенная гостья, У, — стараюсь выдержать немного извиняющийся тон. Эту заразу точно лучше не злить.

— Особенная? — не понимает она и пробует проскользнуть внутрь.

Ловлю ее буквально на ходу и ставлю обратно.

— Локи, да что за?..

Она проглатывает конец фразы, потому что я спиной чувствую, как дверь открывается с обратной стороны.

Прислушиваться уже поздно, но все-таки — шум воды прекратился.

[1] Снукер — разновидность бильярдной лузной игры

Глава двадцать четвертая: Александра

На меня смотрят два едких глаза.

Или правильнее сказать: едкий взгляд в еще более едком макияже?

Я только что вышла из душа, провела долгую борьбу с собой по поводу того, стоит ли мне одевать что-то из подарков Локи или снова завернуться в полотенце. В итоге решила, что надо пользоваться шансом и вообще — не вести же себя, как капризный ребенок.

Правда, пижамой то, что на мне, назвать трудно даже с натяжкой. Это какие-то короткие штанишки чуть ниже колена с разрезами по бокам и кружевная майка. К счастью, комплект из трех вещей и последняя — длинный пеньюар — скрывает все безобразие. Жаль, нет на нем ни единой пуговицы. И даже ремешка, так что приходится держать полы двумя руками.

— Привет, — только и могу сказать я, оторопело глядя на пигалицу в рваных колготках путаны и ботинках, без которых она была бы просто микроскопической.

— Александра, может быть ты...

— Привет, я — У, — не очень ласково говорит мелкое размалеванное существо и вдруг с наскока прыгает на Локки, изображая мартышку-капуцина. — Его любимая любовница. А ты кто? Домашний зверек?

Даже не знаю, что меня шокирует больше: ее имя или вот этот всплеск любви и обожания.

Что это за имя вообще — У?

— А я жена, — оторопело улыбаюсь я. — Просто жена.

Девушка какое-то время просто хлопает глазами, но только еще сильнее цепляется в демона, и я замечаю, как пару раз отнюдь не ласково тычет его пятками в поясницу. Вряд ли мученическое выражение у него на лице — от большой радости видеть любимую любовницу.

— Локи, ты женился? Правда? — Мелкая, как дятел, долбит его кулаком по лбу.

— Эммм... — мычит он, и тут уже я скреживаю руки и с любопытством жду ответ в первом ряду.

— Локи, хороший мой, — ележно мурлычет мелкая и вдруг корчит такую страшную рожу, что у меня сердце ухает в самые пятки и рука тянется закрыть дверь, пока тут будет штормить. — Ты, сукин сын, женился?! Без моего разрешения?!

— Я не твоя собственность, У, — держит спокойный тон демон, но она превращается в настоящую змеиную королеву и разве что не шипит. — И у нас была очень быстрая свадьба, прости, что не пригласил и не успел предупредить.

Девушка спрыгивает на пол и буквально на глазах преображается в атомную бомбу: темнеет, чернеет, покрывается облаком мелких жужжащих мошек, которые просто сводят с ума постоянным стрекотом тысячи крылышек. Зрачки в ее глазах вытягиваются в тонкие нитки, и вся она — словно меха: шипит, раздувается, пытается стать больше, чем есть на самом деле. Это должно быть страшно.

Но я же медик. Я люблю феномены.

И когда мелкая брызжет молниями из глаз, я потихоньку говорю Локи:

— В моем мире рыбы-фугу безногие и не носят такой ужасный макияж.

Честно говоря, почти жду, что сейчас вот это мелкое существо обрушит на меня гром и молнии, и руки как-то сами тянутся прикрыть хотя бы голову, но У вдруг перестает увеличиваться и быстро возвращается в свои «исходные параметры». Смотрит на меня с таким видом, вроде только сейчас увидела и начинает нарезать круги, словно я — земная осень. И все это в полной тишине, без каких-либо комментариев, так что остается только надеяться — это хороший знак. Локи, судя по его удивленно ползущим вверх бровям, тоже заинтересован происходящим и делает едва заметное движение головой, когда я пытаюсь заговорить. Жест, который я расцениваю как призыв к молчанию.

— Ты кто такая? — наконец, спрашивает мелкая. Насмотревшись, отходит на расстояние и как гимнастка подтягивается на руках, чтобы усесться на комод. — Расскажи о себе, смертная, пока твой гостеприимный муж будет готовить нам вкусняшки.

Вряд ли слово «муж» когда-нибудь произносили с таким невысказанным крепким словом в связке, поэтому мне непроизвольно хочется улыбнуться. Но приходится кашлять в кулак, а то мало ли что: вдруг у рыбы-фугу такая тактика усыпления бдительности противника.

Демон нехотя скребет затылок и всем видом дает понять, что он не в восторге от идеи оставить нас наедине, но У делает магический жест бровью — и моего упрямого демона как ветром уносит.

Блин, вот я снова это сделала — назвала Локи «моим».

Плохая привычка, одна из тех, которые я безжалостно выпиливаю еще в зародыше. Так в свое время избавилась от привычки трижды возвращаться, чтобы проверить, закрыла ли воду и не оставила ли включенным утюг.

— Я вся внимаю, — пафосно заявляет мелкая, и мне снова хочется засмеяться. Нарочно она, что ли, делает такое возвышенное лицо?

Судя по чертикам во взгляде в ответ на мой проглоченный смех — нарочно.

Слава богу, у меня не такая богатая на события жизнь и нет ничего такого, что стоило бы прятать в чулан под пудовый замок. Родилась, выучилась, пошла в институт, стала женой демона, думая, что он просто красавчик-миллионер. Когда я увлекаюсь и в цветах и красках рассказываю, как волокна оторопелого Локи в ЗАГС, У заливается громким смехом и входит в такой раж, что выбивает пятками оперу «Кармен» по деревянной поверхности комода.

К тому времени, как Локи возвращается с полным подносом угощений, У перебирается поближе ко мне — на кресло. Правда и тут сидит странно: на спинке, переложив ногу на ногу, словно позирует для несуществующей камеры.

Мне кажется немного странным, что Локи не зовет слуг, а ухаживает за нами сам, и что в этом должен быть какой-то более глубокий смысл, чем попытка угодить «любимой любовнице», но, увы, мои мысли теряются примерно в районе его пупка, когда демон наклоняется, чтобы поставить поднос на кофейный столик.

Нужно бы отвернуться, но я не могу, потому что в голову без предупреждения стреляют всякие пошлые мыслишки, в особенности на тему того, что у него нет волос на теле, только совсем-совсем немного, очень ниже пояса, и если бы расстегнуть пуговицу на джинсах и припустить их вниз...

Локи поднимает голову — этакое мимолетное движение, как будто он просто хочет откинуть челку с глаз. И все бы ничего, если бы только под этой челкой не было взгляда, в котором ясно читается: я конкретно прокололась. Прямо как «зеленый» сапер на детской мине, и мои мысли о пуговице породили в голове демона целую орду пошлости.

— Мы идем в казино, Локи! — неожиданно заявляет У, которая уже раздумала угощаться и явно настроена на подвиги.

— В мое казино? — уточняет он. — Хочешь меня разорить, У?

— Хочу научить твою молодую жену парочке трюков. — Она накручивает на палец кончик хвостика и продолжает: — Надо же уравнивать ваши шансы. Пойдем, — берет меня за руку и, как будто она здесь хозяйка всему, тащит в спальню, — нужно тебя нарядить. Ты же в курсе, Локи, что девочки любят наряжаться? И хватит так на нас смотреть — иди в казино, пусть все сделают, как я люблю, а то и правда ведь оставлю в одних трусах. Или без трусов? Мне кажется, я слышу его разочарованный стон в спину. Фугу или нет, но она мне нравится.

Глава двадцать пятая: Локи

Я люблю «Палаццо», потому что здесь я — рыба в своей стихии, ледокол в замерзших водах, непотопляемый галеон и вообще просто охуенный умница. Нет, не спешите называть меня нарциссом. Давайте сначала расскажу вам о моем казино? О чем вы думаете, когда слышите словосочетание «первый класс»? Бархат, дорогое дерево, красивые официантки, дорогие вина? А теперь пофантазируем на тему «Только для ВИП»? Казалось бы, ну, какая там разница? То же самое, но другими буквами. Так вот, «Палаццо» — это только для ВИП. Просто потому, что если уж в моем заведении сама Удача спускает свои деньги, то рядом не должно быть ни бедных, ни средних, ни богатых. В мое казино ходят только те, кто богат настолько, что давно не получает кайфа от толщины пачки с купюрами, и кто может себе позволить выкупить на аукционе бессюжетную мазню молодого рехнувшегося инкуба в период первой течки. Им все равно, что это не стоит ровным счетом ничего и не будет стоит даже через тысячу лет. Они ловят кайф от того, что могут спустить сумасшедшие деньги на ничто и повесить это «ничто» вместо доски для дартса. Пока мои девочки — звучит как-то стремно, да? — наряжаются, я не без удовольствия влезаю в темно-серый костюм, выбираю рубашку в тон, модный галстук, запонки с обсидиановыми «рогами» и минут десять перебираю свою коллекцию часов, пока не нахожу идеальные для сегодняшнего вечера: черный керамический корпус и ремешок, платина, пара лаконичных рубинов. И иду в зал, потому что к появлению У все должно быть на высшем уровне. Даже если мой бизнес давно налажен и тикает так же четко и без сбоев, как часы у меня на руке. «Палаццо» — это ода роскоши. Мрамор, золото, хрусталь, самые лучшие вина и самые вышколенные сотрудники. Одно сукно на карточных столах стоит больше, чем две-три невинные чистые души. Улыбка старому инкубу с толпой девочек, кивок демонесе с ее «песиком» — парнем лет двадцати, которого она водит на поводке в одних кожаных трусах. Я по природе не брезглив, но от такого зрелища меня всегда подворачивает. Видимо, бедолага крепко ей задолжал, раз позволил так собой помыкать. Отсюда мораль: никогда не садитесь за карточный стол, если не уверены, что играете хорошо. И если у вас нет стальных яиц, потому что моя личная статистика такова: большая часть проигравших просто не выдерживают блефа, даже если держат в руках уверенные «стрит» или «каре»[1]. Пока для У готовят стол и охлаждают ее любимое шампанское, я подзываю начальника охраны. Тот отчитывается, как солдат: в зале все тихо, игра идет своим чередом. — Только за тринадцатым столом... — Он ведет взглядом в сторону того самого проклятого столика. Ох, только этого мне не хватало. Видите вон того типа, седого, в серой хламиде в пол, подпоясанного веревкой? Нет, это не блаженный, это самопровозглашенный создатель в смертном мире. Смешно, да? Когда-то был простым электриком, чинил проводку и что-то там у мужика не срослось. В общем, очнулся в больнице в здравом теле и не очень здравом рассудке, решив, что ожоги на ладонях — это стигматы, и он теперь помазан говорить от Его имени. Само собой, ничем таким отец его не мазал, но зато произошел какой-то сбой, и теперь этот парень может время от времени произвольно вваливаться в Тень, особенно когда впадает в

транс от множественного повторения им же придуманных молитв. И каждый раз, как выпадет — начинает бухтеть о том, что мы, демоны и прочие недостойные твари, сосем жизнь из смертных и потому жируем.

Обычно таких называют блаженными, но, увы, этот слишком агрессивен и в реальном мире армия его фанатом множится в геометрической прогрессии.

А теперь главный вопрос: что он делает в «Палаццо»?

Ответ: выводит меня из себя. Почему его не могут выставить? Потому что эта зараза знает: я не могу его тронуть. Ни я, ни любой другой демон или черт, или упырь. Он словно в коконе, и, поверьте, без вмешательства моего отца не обошлось. Знаете, Создатель тоже человек, и ему иногда интересно подпустить жабу к комарам, напоминая, что и мы не всемогущи. Ну а так как в Тени бурную деятельность развел именно я, то и огребаю, соответственно, тоже больше всех. Но где-то на половине пути к Лжетворцу я останавливаюсь, потому что слишком выразительно слышу знакомое волнение и смущение. Похоже, моя птичка почистила перышки?

Они с У спускаются по широкой мраморной лестнице под бархатной пурпурной дорожкой с золотыми вензелями в виде буквы «П». И если с удачей все понятно, то одного взгляда на Александру достаточно, чтобы я вот так, как зеленый, как сопливый, как окончательно свихнувшийся просто взял — да и сел на край игорного стола, сдвинув гору фишек около выигрывающего партию инкуба.

Честно — я и не знал, что близняшки выбрали ей такое платье. Клянусь, не видел его среди тех пакетов, которые взяли в первую очередь. Был уверен, что там только белье, развратные пижамы и все в таком духе. А не вот этот серебристый водопад на тонких бретелях с разрезом, за один взгляд на который я готов прямо сейчас закрыть «Палаццо», лишь бы никто не пялился на мою Александру.

У нее такие ноги, блядь!

Ноги, которые кричат: «Ползи сюда, демон, и знай, где твое место!»

Но если на минуту оставить в покое ее ножки — хоть это почти «миссия невыполнима» — и позволить взгляду прогуляться вверх, то там, под плотной серебристой тканью, видны два симпатичных «яблочка» маленькой груди и, блин...

Да ну что за на хер?

Вижу, как ткань натянулась на горошинках сосков и чувствую, как мой Бермудский треугольник неловко терзается от мысли, что у нее нет даже накидки, потому что в таком виде она выставлена всем напоказ, как египетская древность. Умница моя! Как хорошо, что наши мысли сходятся хотя бы в том, что никто кроме меня не должен смотреть ни на эти ноги, ни на эти сиськи. Поэтому, забив на время на Лжетворца, широким шагом практически несусь через весь зал, на ходу снимая пиджак. Александра не успевает поставить ногу на пол, а я уже тут как тут и укутываю ее плечи, заботливо, до самого носа.

У издает ехидный смешок. Вот даже не сомневаюсь, что это она выбрала платье, потому что... ну, потому что Овечка не из тех девушек, которым уютно в таких лоскутках на лапше вместо бретелей. Вот ботинки и всякие там необъятные свитера — это ее. Решено, завтра везу ее в какой-то готский магазин набрать всяких штук, в которых даже мне на нее будет страшно смотреть.

— Это уже лишнее, — говорит Александра, возвращая меня в реальность из фантазий, где я превращаю чудесное — будь оно тысячу раз проклято — серебристое платье в лоскутки, наслаждаясь тем, что под ним на ней одни только трусики. Хоть бы стринги, хоть бы стринги, чтобы одна ниточка и та «скушана» ягодичами.

С удивлением смотрю на результаты своих трудов: пока моя голова была занята образом Овечки в ленточках трусиков, мои руки наглухо застегнули на ней пиджак. Кстати, будь моя воля, так бы и оставил — любо дорого смотреть.

— Хватит все портить, — насмехается У и делает то, за что мне порой хочется ее разорвать на тысячу мелких букв «у» — щелчком пальцев «выпутывает» мою Александру из плена пиджака.

Александра все-таки придерживает его на плечах и не дает упасть, но, увы, ее декольте все равно слишком глубокое, и теперь его видно, словно маяк в ночи.

— Хватит... все время об этом думать! — громким шепотом мне на ухо злится Овечка.

— Так ты поэтому такая румяная? — Подмигиваю ей и кое-как, с большим трудом, беру себя в руки. Влезаю в шкуру гостеприимного хозяина и веду их к столу, за которым обычно играет Удача.

Моей Александре все настолько в диковинку, что она только вертит головой по сторонам и дважды чуть не сшибает официанта, который носит по залу шаманское. Просто так, за счет заведения, для моих любимых гостей. На всякий случай слежу взглядом за Лжетворцом и даю знак охранникам, что если они упустят его из виду или не помешают сделать какой-то фортель — я их лично за яйца подвешу над Геенной Огненной. Сейчас усажу своих девочек, дам им цацки — и пойду разбираться с мудаком. Кажется, когда он приходил в прошлый раз, угрожал устроить мне расправу, если не спишу все его долги по игре. А долги там немалые. Я не списал, и каким-то образом Лжетворец отыгрался через пару дней. А потом снова проигрался и снова пришел с угрозами. В общем, он как преступник — всегда возвращается на место преступления. За столом уже все готово, и когда я помогаю девушкам сесть, заодно пытаюсь в двух словах объяснить Овечке хотя бы азы игры в Покер, У стреляет в меня предупреждающим взглядом. — Локи, у тебя дел нет, бездельник? — Богиня крутит между пальцами свой медальон — и кошачий взгляд заставляет меня вспомнить, что в прошлый раз, когда она говорила что-то подобное, у меня чуть не сгорело казино. — Я присмотрю за Александрой и научу ее игре. Должен сказать, звучит как-то подозрительно, но кто я такой, чтобы спорить с богиней?

[1] Термины из покера: каре (комбинация из 4-х карт одного достоинства), стрит (комбинация из 5 карт, соседствующих по рангу)

Глава двадцать шестая: Локи

Стол, за которым сидит Лжетворец, находится в другой части зала, и оттуда совершенно не видно стол, за которым играют Александра и У, так что приходится верить, что пока я буду выдворять вон назойливого смертного, ничего страшного не случится. Например, не случится проигрыш моей Овечки, в уплату которого У может потребовать танец голышом на столе. Думаете, преувеличиваю? Ну, со мной же она такой номер провернула, и тот случай я до сих вспоминаю как самые длинные сто восемьдесят секунд позора в моей жизни.

Без лишних прелюдий и разговоров — я тут хозяин, в конце концов — усаживаюсь напротив Лжетворца, забрасываю ногу на ногу и выразительно смотрю на его пустой стакан. Он всегда пьет только водку, причем без закуски, чистую. Вот ухнет полстакана, крикнет, занюхает огрызком веревки — и идет играть. Судя по характерному запаху, он сделал уже минимум три круга и спустил либо все, либо почти все. Набирается смелости перед финальным заходом? Думает отыграться? Смешной.

Если хотите быть успешны в любой игре, запомните три простых правила, и они уберегут вас от многих печалей. Правило первое: никогда не заходи в казино, обходи этот рассадник порока, быстрых денег и молниеносного банкротства, и на всякий случай окропи его святой водой.

Правило второе: если мимо пройти не удалось, и даже святая вода не помогла, никогда не играй больше двух партий. Неважно, даже если игра идет и карта прет, а кости ложатся как надо, и шарик не пакостит — две ставки и финал. Правило третье, самое главное: если после двух ставок не притормозил — вспомни, что и на улице живут люди. Даже в коробках из-под бытовой техники. Оптимизм согреет тебя даже в февральский мороз. Правда, не накормит.

— Я привлек внимание самого Локи. — Лжетворец салютует мне пустым стаканом.

— Ты же снова у меня трешь, как кот у валерьянки. Валил бы, а?

Мне незачем перед ним расшаркиваться. Здесь он никто, просто наглый смертный, которого, как кучу на пути, лучше обойти и не трогать, чтоб не воняла. И здесь он не представляет для меня никакой опасности. Я его не трону, но и он меня не достанет. А вот в сером мире эта хитрая тварь собрала вокруг себя воинственных фанатиков и пару раз они уже устраивали

неприятности мне и Феру. Поэтому предпочитаю просто держать долбоеба на расстоянии и делать все, чтобы наши пути не пересекались и даже не сходились.

— Я слышал, ты женился, — заявляет Лжетворец и теперь уже совсем недвусмысленно ударяет дном о стол.

Продолжаю игнорировать этот жест, молча жду продолжения фразы. Даже не удивлен, что он в курсе моей скоропалительной женитьбы, но вообще надеялся, что к тому времени, как он узнает, мы с Александрой уже разбежимся каждый по своим углам. У Лжетворца целая сеть шпионов, и часть из них целыми днями только то и делает, что целенаправленно следит за нашей троицей, разыскивая проколы, которыми нас можно подцепить, как молодых. Зачем? Ну, потому что думает, что мы трое — яйца со смертью Кощеевой. В том смысле, что Создатель разделил свою жизнь между нами тремя поровну, и если, предположим, убить меня и выпить мою кровь, то можно стать немножко ближе к тому, за кого этот гад себя выдает. Само собой, своей пастве он промыл мозги, мол, надо искоренить бесовское отродье, всадников апокалипсиса и все такое. Люди, фанатично готовые во что-то верить, поверят в любую чушь. Увы, но факт.

— Прости, я решил в этот раз обойтись без кровавых ритуалов и девственниц, — откровенно глумливо развожу руками, — так что не беспокоил тебя понапрасну. Все было, как у вас, смертных, и даже без черного петуха и жертвенного козла.

— Тебе бы все потешаться, — кое-как проглатывает мою насмешку Лжетворец. Вот забыл, как его звать-то? Дионисий? Диоген? Имя такое, что вообще не представляю, чем думали его родители, когда называли младенца. Может, под кайфом были.

Я вот, к примеру, дам своим пацанам красивые имена: пафосные, но чтоб все цыпочки сразу в лужу. Магию имени, между прочим, никто не отменял.

Интересно, почему мысль о детях повернула мою голову в противоположную от смертного сторону? Как раз по направлению к столику, где играет моя Овечка?

— У меня для тебя хорошая сделка, Локи.

Нехотя снова перевожу взгляд на Лжетворца. Чтоб не усохнуть со скуки, мысленно перебираю самые дурацкие имена на букву «Д». Даурен? Декабрин? Дормидонт?

— Ты мне деньги, а я не объявляю охоту на твою курицу.

Обычно, я не обижаюсь на идиотов, потому что над больными даже смеяться не интересно. Но он назвал мой Бермудский треугольник «курицей».

И он посмел шантажировать меня угрозами ее жизни.

Если бы я мог раздавить клопа, то бы, поверьте, с превеликой радостью просто вырвал ему сердце. Но я, мать его, не могу!

Придется выкуривать гада старым проверенным способом.

— Давай так, Дормидонт, — делая знак — и вышколенный персонал уже несет карты и фишки. — Я ставлю, что ты валишь отсюда, а ты ставь... что угодно.

— Твою жену? — не сдается расчетливая тварь.

— Ты можешь поставить ее душу? — Конечно, он не может, он же, блядь, просто смертный-выскачка. Но не могу отказать себе в удовольствии посмотреть, как неспособность корчит его рожу до состояния сгнившей сливы. — Не можешь, да? Тогда любая другая ставка меня устроит.

В Тени нельзя играть на абстрактные вещи — такой закон. Нельзя сказать: «Я ставлю на то, что буду мучить твою жену» и при этом быть неготовым выполнить сделку. Здесь Александра под моей защитой, и точно так же, как я не могу тронуть его, он не сможет тронуть ее.

Поэтому... я с усмешкой смотрю, как он тычет локтем в маленькую горсть собственных фишек и скупно отсчитывает несколько в качестве начальной ставки.

Он знает, кто я, но все равно думает, что может меня обыграть.

Смеетесь? А мне вот скучно.

Спросите меня, что самое интересное в игре? И я, не моргнув глазом, скажу: азарт и хождение по грани. Меня заводит хождение по грани, напряжение, попытка разгадать в глазах противника блеф или страх. Это вкуснее выигрыша. Деньги — просто деньги, когда уже есть все, что хочется, и есть все, что не нужно, то большой куш — совсем не то, что тянет меня за игорный стол.

Поэтому я люблю играть с Удачей — с ней не работает ни один мой фокус. Потому что стоит нам взять карты — и от моих способностей остается шиш с маслом. То есть, одним взглядом

пики на трефы не заменить, а даму не сделать королем. Кроме Удачи, единственный «человек, с кем я просто не рискую блефовать, а играю по-честному — мой старший брат Каин. Однажды я попробовал всунуть ему не ту масть, за что получил забористых оплеух, после которых неделю жил с осиным ульем вместо головы.

Кстати, только эти двое у меня и выигрывали.

Играть с Лжетворцом — скучно до оскомины. Что мне с его фишек, когда я себе щелчком пальцев таких кучу до потолка нарисую? Поэтому мы просто делаем пару ставок, и он сразу же продувает вдрызг, потому что решил, что своими двумя «парами» перебьет мои карты. Самое смешное, что в этот раз карта мне, в самом деле, идет, даже ничего подделывать не нужно: сижу с хорошей комбинацией, как дракон на золоте, и от скуки давлюсь зевками.

— Ты мухлевал! — Лжетворец срывается с места, когда мы «вскрываемся».

Я побил его ставку вдвое только чтобы посмотреть на триумф, с которым он выложит свое добро на стол, думая, как круто меня поимел. Даю ему каплю радости жизни, а потом лениво выкладываю на стол свой стрит — и смотрю, как победитель превращается в грязь. Он с минуту вообще не мог понять, что происходит, и скреб карты ногтем и даже откусил кончик картонки, на что я не без издевки предложил ему в качестве утешительного приза нераспечатанную колоду «на заесть проигрыш».

Вот тут-то Лжетворец и вспылел.

— Ты подделал карты! — Он разоблачительно тычет в меня пальцем, но всем моим гостям глубоко насрать на вопли одного блаженного. Они приходят сюда спустить деньги, а не смотреть дешевый комедийный сериал под названием «истерика проигравшего».

— Я никогда не мухлеваю, — отвечаю я. И нарочно делаю все, чтобы эта возмнившая себя богем мелюзга испытывала жуткую жопоболь. — На аркане за стол тебя не тянул, ставку ты сам сделал, я просто... — обвожу взглядом стол, — играл.

Лжетворец смахивает карты и фишки со стола. Приходится дать знак охране, чтобы не трогали его, потому что это может плохо кончиться. Да и незачем марать руки, в особенности, когда убогий сам вложил оружие мне в руки.

Помните, я говорил про то, что в Тени нужно ставить только на то, что сможешь выполнить? Так вот — это правило над всеми правилами. Не спрашивайте, что было в голове моего отца, когда он завел такой порядок, но, грубо говоря, это та истина, которая расхерачит рулоном туалетной бумаги стальной борт самолета вопреки законам физики.

Да, в обычное время я не могу тронуть Лжетворца или причинить ему вред, но теперь, раз он сам дал мне это право...

Лениво поднимаюсь на ноги, наклоняюсь вперед — Лжетворец так зол, что забыл о главном правиле этого мира и даже не пытается сбежать. Схватить его за грудки вообще не составляет труда.

Секунду жду удивленный выкат его глаз — и рывком поднимаю на вытянутой руке, словно соломенную куклу. Встряхиваю, так что бедняга немощно трясет руками, — и что есть силы впечатываю в стол. Жаль портить мебель, но лопнувшая надвое столешница и щепки, щедро засыпающие голову незваного гостя, с лихвой покроют мои убытки. А уж стоимость удовольствия от созерцания поганой рожи и не передать. Лжетворец пытается что-то сказать, но я, присвистывая на ходу, волоку его к двери, перебрасываю через порог — и, напевая на ходу только что выдуманный победный марш, не без удовольствия протаскиваю спиной по всей длинной лестнице вниз. Уверен, он долго будет помнить каждую из семидесяти семи ступеней.

— Ну и как, Дормидонт? — издеваюсь я в конце нашего пути? — Приятно чувствовать себя половой тряпкой на стиральной доске?

Он даже не мычит, только ошалело водит глазами.

Ну вот и славно.

Делаю разрыв и, пожелав удачного пути, зашвыриваю туда Лжетворца. Надеюсь, что прицелился верно, а то когда делал это в спешке в прошлый раз, «счастливчика» унесло в австралийские джунгли.

Ну вот, теперь, когда все готово, можно вернуться в зал и прилипнуть к моей Александре и ее бесконечным ногам.

Одна проблема: ее там нет.

И У, кстати, тоже.

Глава двадцать седьмая: Александра

Я даже не успеваю понять, что происходит, когда У вдруг хватает меня за руку и тащит куда-то вглубь зала. Причем делает это так ловко, что когда мы проносимся мимо охранников, которые в казино на каждом шагу, они нас будто не замечают. И пожилая дама, разодетая в меха, тоже на замечает, хоть я случайно задеваю ее плечом, и она роняет все фишки на пол, словно дорогое конфетти.

— Локи... — пытаюсь сказать я, но мелкая несется вперед, словно взявшая след гончая. Кажется, ее не остановит не то что каменная стена, а даже смертельное заклятие, помноженное на вечное «остолбеней!»

Каким-то образом мы оказываемся на улице.

Каким-то образом, меньше, чем через минуту — в салоне дорого авто, и У приказывает водителю ехать. Даже в машине она не сидит по-человечески: упирается ногами в заднее сиденье, локтями наваливаясь на спинку переднего.

— Локи будет очень недоволен, — говорю я, и когда машину встряхивает на каком-то ухабе, несильная боль в ягодицах напоминает, как именно я расплачусь за эту выходку.

Интересно, а эту мелкую он тоже по заднице обхаживал? Что-то подсказывает, что нет, и меня заедает злость: ну вот почему, а? Потому что я простая смертная?

— Локи может засунуть свои нервы в задницу, — отмахивается У. Снова теребит медальон, а потом, вдруг спохватившись, снимает его и протягивает мне. — Вот, подарок. Одень немедленно.

Я оторопело смотрю на медальон в форме большой буквы «У».

— И что будет? — не спешу выполнять ее приказ. — Мне одного украшения выше крыши.

Оттягиваю в сторону плотную лаковую кожу ошейника.

— Это просто подарок, — и не думает обижаться на мою осторожность девчонка. — Ты мне нравишься. И, говорят, этот медальон приносит удачу. Она тебе понадобится.

Да уж, капелька удачи мне бы не помешала, в особенности после падающих посреди бела дня деревьев и люстр.

Надеваю медальон, сжимаю его в кулаке и бормочу:

— Может быть, он подарит мне удачу избавиться от одного приставучего демона.

— Тебе бы этого хотелось? — У вытаскивает край жвачки, растягивает на всю длину руки и заталкивает обратно.

Открываю рот, чтобы сказать уверенное «да».

И закрываю, не проронив ни звука.

Как говорила Скарлетт: «Я подумаю об этом завтра»[1].

— Значит, — хлопает в ладоши Фугу, — мы будем просто отрываться. Покажу тебе пару мест: там такие горячие демоны, что если к концу ночи ты еще захочешь быть рабыней Локи, я буду очень разочарована.

Меня царапают две вещи. Первая — У назвала меня рабыней. И вторая — она сама заинтересована в Локи и, наверное, не просто так старается спихнуть меня с пути?

И именно эти мысли не дают мне покоя весь вечер, хоть, если честно, я уже не понимаю, где мы и что делаем. Танцем, пьем, играем на автоматах, снова пьем, несемся куда-то, выставив ноги в окно, снова танцуем и снова пьем, едим прожаренные до хруста жгучие кусочки мяса, танцуем, пьем. Снова куда-то едем, и черный город плавится перед моим затуманенным взглядом, превращаясь в россыпь драгоценностей на темном бархате.

И опять вокруг энергичная тяжелая музыка, от которой закладывает уши. У мелькает в толпе танцующих, а у меня уже подкашиваются ноги, и все мысли только о том, как бы избавиться от туфель. Кажется, я немного «перебрала», потому что только с третьей попытки могу сфокусировать внимание на парне, который нахально укладывает ладони мне на бедра и подтягивает к себе. Говорит, что я красивая и сладкая, как леденец, и тянется к моей шее.

— Это у тебя что, детка? — спрашивает немного оторопело, но еще крепче прижимает к себе.

Блин, вот это твердое, что упирается мне в живот — это то, о чем я думаю?

— Да, блядь! — слышу грохот мне в ухо. — Это именно то, о чем ты думаешь!

И дальше — кавардак. Мой незадачливый поклонник вдруг исчезает в толпе, откинутый на спину одним точным ударом кулака. Пьяная толпа верещит в предвкушении хорошей драки, и когда обиженный встает, Локи — откуда он тут взялся?! — наносит ему еще пару ударов. Парень их блокирует и даже пытается дать сдачи, но его кулак лишь испарывает воздух, не причинив Локи вреда.

— Мой демон слишком быстрый для тебя, улитка! — сложив ладони «рупором», кричу я.

И толпа тут же придумывает дурацкую кричалку почти без рифмы.

Локи бьет еще раз, на этот раз в живот. Парня скручивает, но он до сих пор твердо стоит на ногах и даже порядочно таранит моего демона в челюсть. Судя по разрезу глаз — он тоже демон, и не самый слабый. Во всяком случае, на голову выше Локи и конкретно шире в плечах. Мой демон только со смешком смазывает кулаком кровь — и снова идет в наступление, на этот раз подпрыгивая в воздухе, обрушивая на голову противнику целую серию точных методичных ударов. Когда приземляется на ноги, нарочно красуясь, одним легким толчком опрокидывает парня на спину и срывает бурные овации.

Пока собираюсь с силами, чтобы прокричать виват его победе, из толпы вылетают какие-то нахальные девицы и вешаются на него, словно клещи: две, три, четыре... Господи, с таким количеством мне точно не справиться.

Мне, наверное, должно быть все равно, что к Локи так липнут девушки, но я просто зверею. Это чувство так сильно меня разъедает, что единственная трезвая эмоция в голове: злость и потребность оторвать каждую девицу и сделать с ней примерно то же, что Локи сделал с моим несчастливым поклонником.

К счастью, он и сам прекрасно от них избавляется, стряхивая так небрежно, словно кошачью шерсть.

— Я предупреждал, Александра, — говорит тихо, но у меня мурашки по коже размером со спичечную головку.

Когда идет ко мне, не могу не любоваться на его тело, выставленное напоказ в разорванной рубашке. И не думать о том, что все-таки мне достался, наверное, самый красивый демон из всех.

Я точно перебрала. И куда делась У?

Локи хватается меня за руку и очень грубо волочит вон из зала. Просто не понимаю, как до сих пор не падаю: я и трезвая на шпильках точно бы уже перерыла носом весь асфальт, а уж с таким бардаком в голове и когда колени выписывают восьмерки — и подавно.

На улице, где нет грохочущей музыки, потных тел и убийственных запахов, Локи тянет меня за локоть, прижимая к себе.

— Кто-то очень злой демоняшка, — не очень твердым голосом говорю я, улавливая все острые, как бритва, грани его бешенства.

— Кто-то будет затрахан до смерти, — обещает он. — До состояния «хрен встану, чтобы сбежать из постели»! Это достаточно понятное объяснение моих намерений на эту ночь?

Прости, любимая, что я без цветов: подустал немного, разыскивая тебя по всей Тени!

Обаятельный он просто космос, но злой — это...

Не успеваю продолжить мысль, потому что в голове щелкает невидимый рубильник, и свет медленно гаснет под мелодию из «Спокойной ночи, малыши».

Когда открываю глаза, то первое, что приходит в голову: я нахожусь в горизонтальном положении. И лежу на чем-то мягком, уютном, теплом. И чувствую это не просто руками и ногами, но и спиной и тем, что пониже спины.

Вторая мысль врзается в голову одновременно с тем, как рука сама укладывается на живот.

Так и есть: я лежу на кровати в одном белье. То есть, в одних трусиках, потому что декольте в платье было слишком глубоким и открытым, чтобы простить даже намек на бюстгальтер.

Мотаю головой по сторонам и с облегчением перевожу дух, потому что все-таки эта постель и эта комната мне знакомы. Пробую сесть, но голова тяжелее, чем земной шар, и поднять ее одними усилиями мышц шеи я не смогу.

Ладно, если сбежать не получится, то хотя бы прикроюсь.

Следующие десять минут моей жизни можно смело назвать театральной постановкой «Муха в меду». Акт первый и второй я барахтаюсь без намеков на пользу этих движений — и только после третьей попытки все-таки вытаскиваю из-под себя край покрывала. Подтягиваю колени к

грудь, еще немного стаскиваю покрывало и в конце концов со счастливым стоном ныряю под него. Да я когда экзамен сдавала так не радовалась успеху!

Сонно нащупываю болтающийся на груди медальон. Хорошая вещица, когда мелкая рыба-фугу появится и потребует его обратно, пожалуй, скручу ей фигу.

И прежде, чем уснуть, думаю, что все-таки Локи неплохой парень: спас меня от демона, привез домой и даже почти не ругался за побег, а ведь я мысленно смирилась с мыслью о новой порке. Ведь она могла закончиться тем же, чем и прошлая. А я бы хотела еще разок полетать вместе с ним.

Решено: утром попрошу у него прощения за то, что ослушалась. Он ведь такой... милый.

[1] Цитата из книги «Унесенные ветром»

Глава двадцать восьмая: Локи

Спокойно, Локи, просто спокойно дыши через нос и не пытайся понять женскую логику.

Например, ту ее часть, по которой девчонка, явно ощущая опасность своей жизни, да еще и в незнакомом месте, все равно бежит из уютной безопасной опеки своего мужа навстречу долбаным приключениям.

Рывком вынимаю голову из-под лупящей из-под крана воды и смотрю на себя сквозь потеки на зеркале, оставленные моими мокрыми волосами.

Это все проделки У.

И то, что на шее моей Александры медальон самой богини Удачи — единственное разумное объяснение, почему я нашел Овечку так вовремя, хоть Тень огромная и злых мест в ней больше, чем сот в пчелином улье. Не было ни единого шанса, что я смогу отыскать Александру в ближайшие сутки, и что, когда я сделаю это, она вообще будет жива!

Никогда в жизни я не был так близок к тому, чтобы униженно просить отцовской помощи. А между прочим, ни разу за двести лет не делал этого и не собирался изменять правилу даже когда монахи похоронили меня в святой земле в каменном гробу. А ведь, между прочим, пролежал там целых семь месяцев, пока поблизости не поселилось одно пуританское семейство. Сорванная девственность младшей дочки вернула мне силы, а ее старшей сестрой и матерью я просто закусил, чтобы сбить аппетит.

Когда возвращаюсь в комнату, надеюсь увидеть Александру голой и устроить ей сладкое пробуждение в моих объятиях.

Хотя, к черту! После ее выходки она у меня сладкое еще долго не увидит.

Но, увы, Александра, свернувшись клубком, спит без задних ног под одеялом. И самозабвенно посапывает, изредка смешно ворочая носом, почему-то похожая на отъевшегося ежа.

Нет, я буду сильным и верным слову. Обещал устроить ей траходром — устрою, и спать она будет потом, под утро, обессиленная и готовая убаживать все мои демонические пристрастия. В особенности те, в которых ее голова оказывается в области моего живота.

Выбираюсь из штанов и голым залезаю под одеяло. Тяну Овечку к себе, разворачивая так, чтобы она уткнулась грудью в мою грудь, и недрогнувшей рукой собираюсь вытряхнуть из нее весь сон. Но совершаю непростительную ошибку: даю себе минуту, чтобы рассмотреть умиротворенное спящее лицо. И Александра, словно чувствуя мои намерения, забрасывает ногу мне на бедро, одновременно настойчиво обнимая обеими руками.

Она теплая, упругая и мягкая одновременно. Сам не замечаю, как уже глажу ее колено, веду ладонью по бедру и обхватываю ягодицу. На ней в самом деле стринги — и нужно всего одно усилие пальцев, чтобы тонкая полоска кружев лопнула, разваливаясь на бесполезный теперь лоскуток. Овечка вздыхает, немного откидывает голову. В полумраке комнаты контур ее подбородка кажется тонким, а кожа — почти прозрачной.

Отшвыриваю план устроить ей еще одну порку и феерическое лишение невинности, потому что куда интереснее будет скользнуть в ее чувственный сладкий сон. Первый же образ, на который наталкиваюсь, заставляет член стать твердым до болезненной тяжести.

— Ты плохая девчонка, — ухмыляюсь в ее полураскрытые губы, потому что сейчас, в уютной безопасности своего сна, Александра сама мечтает опуститься на колени.

Она облизывает во сне губы и я, проглатывая стон, вталкиваю между ними большой палец.

— Соси его, — чуть тверже, чтобы она и не думала отказать.

Губы смыкаются на мне так плотно и горячо, что я грубо подтягиваю ее к себе, устраивая член на гладком девичьем животе. Овечка втягивает мой палец в глубину горячего рта — и я толкаюсь бедрами, увеличивая трение.

Это просто полная херня, потому что кончать я согласен только либо в нее, либо в ее классный рот, тем более после того, как она так сочно сжимает губами мой палец. В своем сне Александра еще колеблется, но я подталкиваю ее мысли в нужную сторону.

— Мне будет классно, если ты откроет рот шире, — подсказываю ее несмелым губам, пока она совершает поступательные движения, словно пробует на вкус совсем не мой палец.

Черт! Черт!

— Глубже, Овечка. — Проталкиваю палец до самого основания, поглаживая нёбо кончиком ногтя.

Александра стонет, подмахивает бедрами, уже выдавая себя влагой, которую оставляет на моей коже. Проталкиваю ладонь между нами, нахожу ее лобковую кость и провожу пальцами по горячей гладкой коже. Александра замирает, стоит мне раскрыть ее и погладить клитор одним случайным касанием.

— Не отвлекайся, работай ртом, — напоминаю я и грязно матерюсь, потому что она сильно, до крови, прикусывает фалангу острыми зубами.

Перевернуть бы ее сейчас на спину, забросить обе охеренных ноги на плечи и вставить так, чтобы в голове зазвенело!

Но Александра как будто чувствует, быстро меняет тактику — и теперь ее язык порхает над местом укуса, слизывая пару капель крови. И там, в ее сне, она глотает все, что я ей дал, жадно и голодно, словно была создана именно для этого. Если бы я только мог, я бы похоронил себя в ее мыслях на всю ночь и наслаждался если не реальным поревом, то хотя бы тем, как сладко она выпрашивает еще немного меня.

Овечка недвусмысленно потирается напухшими складками о мою руку, и я чувствую, каким тугим под моими пальцами стал ее клитор, как она шумно втягивает воздух каждый раз, когда я чуть сильнее на него надавливаю. Иду дальше: сжимаю узелок двумя пальцами и чуть оттягиваю вверх. Александра вонзает ногти мне в затылок, ее пятка таранит копчик и притягивает еще сильнее, чтобы между нами совсем не осталось свободного пространства.

— Хочешь кончить? — Жаль, что она не может ответить. — Понравилось сладкое, да, малышка?

Ее губы шумом выдыхают короткое и такое зовущее «да!»

— Тогда твое наказание будет для меня особенно приятным, — ухмыляюсь и в ответ одновременно убираю оба пальца: и тот, что у нее между ног, и тот, который она продолжает самозабвенно посасывать.

Отодвинуться тяжело, но это единственный способ удержаться и не взять ее, особенно когда она практически просит об этом, пусть лишь в своих развратных фантазиях.

Поворачиваюсь к ней спиной и триумфально скалюсь, когда Овечка прижимается к моей спине, устраивая нос между лопатками. Сама заводит ладони мне на грудь и все-таки хищно царапает прямо по соскам. Между прочим, это тоже мои эрогенные зоны, и сейчас это... ну все равно, что жать мошонку с членом во рту.

Что ж, по крайней мере этой ночью она точно никуда от меня не сбежит, а утром... О, мою Овечку ждет самое херовое в мире утро, которое называется просто и без изысков: «Недотрах». Как проходит моя ночь?

Я бы сказал, что она — лучшая в моей жизни, если бы все-таки произошло чудо — и у нас с Овечкой случился секс. Но моя женушка спала без задних ног, и ее мозг был так непредусмотрительно распахнут для моих мыслей, что я не мог этим не воспользоваться. В общем, пока Александра тискала меня во сне, словно плюшевого медведя, я драл ее всю ночь, во всех позах и всеми доступными способами. Ну а что? И не нужно меня осуждать, просто

поставьте себя на мое место: у меня острая нехватка женщины, а в кровати лежит самое что ни на есть невинное сокровище. Тот факт, что я не обрушиваю на нее весь потенциал своих демонических штучек, даю время к себе привыкнуть и даже кое-как ухаживаю, уже говорит в пользу необходимости возвести мне памятник за терпение.

Поэтому утром я просыпаюсь довольный если не физической близостью, то хотя бы тем, что Александра сидит в кровати совершенно голая и совершенно красная. Еще бы. Я лишил ее невинности трижды, и — о, да — если вы покопаетесь в своих развратных фантазиях, вы без труда поймете, что я имею в виду.

Язык чешется спросить, был ли я хорош, и не хочет ли она повторить что-то особенно... приятное, но теперь самое время сменить тактику и оставить мой Бермудский треугольник на голодном пайке. Правда, пока не знаю, на сколько меня хватит.

Пока я от души потягиваюсь и ничуть не комплекую по поводу того, что одеяло сползло ниже пупка, а утром у меня, как положено, нормальный мужской стояк, Александра потихоньку отодвигается на другой край кровати. Если бы не необходимость делить со мной одно на двоих одеяло, уже бы вылетела прочь, как пробка из бутылки. Но вынуждена терпеть. И чем больше терпит, тем напряженнее думает и сопит, бросая на меня то злые, то испуганные взгляды.

— Доброе утро, Овечка, — растекаюсь в улыбке. — Как спалось, малышка?

Волшебные слова. С одной стороны, не значат абсолютно ничего, с другой — абсолютно все. Я могу просто интересоваться, по душе ли ей упругость моего матраса, или, скажем, как она себя чувствует, лишившись невинности.

— Доброе, — немного заикаясь, бормочет Александра.

Я перекачиваюсь набок, подпираю голову кулаком и продолжаю ломать комедию:

— Обычно, Овечка, я не говорю это смертным, потому что ни одна из них не делала для меня того, что сделала ты прошлой ночью, поэтому в качестве исключения: ты была просто восхитительна. Особенно меня впечатлили твои... губы.

Кстати, правда впечатлили: никто и никогда не спал в моей постели, пуская слюни мне на спину. Пару раз я был готов оставить ее сексуальную фантазию и проснуться, чтобы перевернуть Александру на другой бок, но потом оказалось, что, в общем, мне и со слюнями нормально. Ну точно не настолько странно, чтобы ради этого вытащить два пальца из ее восхитительной задницы. И за терпение мне воздалось.

Александра, почуяв неладное, со странным писком выскакивает из постели, рывком заматываясь в одеяло. Отбегает на середину комнаты и жжет меня гневным взглядом.

— Только не говори, что ты... Господи, Локи! Ты не мог бы...

Она закрывает ладонью глаза.

— Не мог бы, потому что ты забрала одеяло.

— Тогда оденься.

— Хватит мне приказывать, Овечка. — Зеваю и из чистого сострадания переворачиваюсь на живот. — Ну, считай, можно открыть глаза.

Судя по вздоху, вид моей голой задницы все так же производит на нее неизгладимое впечатление.

— Локи, ради бога, скажи, что мы... что я...

— Сказать, что ты была просто — арррр! — как хороша? — Хорошо, что лежу мордой в подушку, а то бы точно ржал в голосину. Ее мысли скачут, как сумасшедшие аборигены вокруг костра, но еще забавное ее бесконечное смущение. — Так я вроде сказал.

Александра издает судорожный вздох и прячется в душе.

Эх, трусиха. Ну кто же так быстро капитулирует?

Глава двадцать девятая: Александра

О таком я читала только в книжках для взрослых и еще видела в парочке бестолковых американских комедий. Имею в виду, когда героиня утром просыпается в постели с

посторонним мужчиной и последнее, что она помнит: выпитая одна на двоих бутылка шампанского, а то и не одна, или двадцатый шот[1] текилы.

Только с Локи я точно не пила и точно помню, что засыпала одна в постели.

Почему тогда волнуюсь?

Потому что у меня стойкое ощущение, что всю ночь напролет мы с ним... То есть он со мной...

И иногда я с ним...

Господи...

Открываю вентиль горячей воды и скукоживаюсь на дне просторной душевой кабинки, пока упругие струи воды бьют меня по плечам и спине. На всякий случай заглядываю себе между ног, чувствуя себя форменной извращенкой. Крови нет. Смешно даже допускать мысль, что я могла потерять девственность в настолько бессознательном состоянии, что даже не почувствовала этого, но нужно быть объективной. Медик во мне занудным тоном напомнил, что болезненная и излишне «кровавая» потеря невинности — это скорее исключение, чем правило, а тем более в двадцатилетнем возрасте.

Но разве я могла потерять невинность вот так, чтобы совсем ничего не помнить?

Хотя, конечно, я не «не помнила совсем ничего». Я помнила даже слишком много, и большая часть моих воспоминаний были с огромной красной пометкой «18+».

Я вымыла голову, выскребла себя мочалкой до красноты, почистила зубы, снова вымыла голову и снова вымылась. В общем, даже Локи понял, что я просто боюсь выходить из ванной, потому что начал выразительно покашливать за дверью, намекая, что ему тоже нужно на «водные процедуры».

Вышла я хмурая и злая, как грозовая туча. Жаль, что мы с ним в разных весовых категориях, а то бы сшибла, как кеглю. Ладно я! Мало ли что я по незнанию пила вчера, и какой эффект местный алкоголь имеет на неподготовленные умы и тела смертных, но Локи ведь был трезв, как стекло!

Пока он громко плещется и поет — скорее, орет — в душе, я еще раз скептически осматриваю гардероб и снова понимаю, что вчерашнее платье было еще приличным, даром, что декольте растянулось почти до пупка. Придется выбрать меньшее зло, то есть — единственные шорты во всем арсенале. Брюк нет вообще. И в пару к ним — обтягивающий пушистых свитер канареечного цвета. Шорты, кстати, вот прямо «как я люблю» — задница разве что не вываливается из двух джинсовых огрызков. И попытки одернуть их хоть немного не дают результата, потому что одергивать нечего.

Локи выходит из душа ожидаемо совершенно голый, энергично вытирая волосы полотенцем. Я отворачиваюсь, жду, пока он натянет хотя бы трусы, и строго спрашиваю:

— Что произошло ночью?

Он выглядывает из-за дверцы шкафа, удивленно вздергивает бровь:

— А ты не помнишь? Правда? Чееееерт.

Почему у меня чувство, что он издевается? Наверное, потому, что он проклятый похотливый демон!

— Александра, я тут подумал... — не дает подготовить новый вопрос. — Хочешь погулять?

— Погулять?

— Я могу показать тебе Тень. Понимаю, что вы с У прошлись по значным местам, но мы могли бы сходить в ресторан, или в парк аттракционов, или на выставку домашних любимцев. Если будешь хорошей девочкой, — подмигивает и снова прячется за дверцей, — подарю тебе породистого щенка цербера.

— Ты ведь шутишь? — Нервный смех скоро станет моей единственной адекватной реакцией на любую его реплику.

— Совсем не шучу. Не все могут позволить себе породистых церберов, Овечка. Я бы на твоём месте срочно переставал быть скучной занудой и вспоминал, что порядочная жена должна начинать утро мужа поцелуем... ниже пояса.

— Ты думаешь о чем-нибудь, кроме секса?

— Я демон искушения, Овечка, я и есть секс.

Пока он возится с одеждой, потихоньку забираюсь на кровать и внимательно изучаю простынь. Никаких намеков на следы, но искать их на темно-синей ткани почти бессмысленная трата времени.

Выразительный свист застает меня врасплох.

— Дьявол, Александра! Вид сзади просто вышибает мне мозг. Могу я забрать свои слова назад и перенести прогулку на завтра? Прости, малышка, но сейчас точно могу думать только о том, как бы...

Я как сумасшедший кузнечик выпрыгиваю из кровати и выношусь за пределы спальни под громкий аккомпанемент демонического хохота.

Завтрак уже накрыт, так что, не дожидаясь, пока Локи натешится своим хорошим утром, поддвигаю тарелку и остервенело вгрызаюсь в омлет. Внутренний голос настойчиво шепчет, что этот зверский голод — естественная реакция на большую потерю энергии. Если хотя бы часть воспоминаний — правда, а не сон, то мне до конца своих дней можно больше не ограничивать себя в еде.

Локи присоединяется ко мне через пару минут: в шегольской голубой рубашке, темных брюках и модных туфлях. Хмыкает, оценив мой аппетит, и не притрагивается к своей тарелке. Вместо этого лениво потягивает кофе и что-то ищет в телефоне.

— Симпатичные шортики, — говорит, когда я протягиваю вилку за черт знает каким по счету куском бекона. — Тебе в них... комфортно?

Я подозревала, что Локи не просто так сказал про шорты.

Его интересует состояние моей... задницы?

Если бы люди могли гореть от стыда, я бы уже минимум трижды воспламенилась.

Надо ли говорить, что после такого вопроса от моего зверского аппетита не остается и следа?

Откладываю вилку и на всякий случай ерзаю на стуле, как будто вдруг «вспомню», было у нас что-то, в конце концов, или нет.

Локи внимательно следит за моими движениями и даже не пытается скрыть ухмылку.

— Так что с шортиками, Овечка?

— Не твое дело. — Задираю нос и резко встаю из-за стола. — Я готова идти на прогулку.

На самом деле я вообще не готова и единственное, чего хочу — зарыться под одеяло с головой, закрыть глаза и, открыв их спустя, узнать, что все это время просто спала и видела дурные сны. Ну... ладно... не всегда дурные, а иногда даже немножко приятные.

— Уверена, что тебе не нужно полежать?

— Я знаю, что ничего не было, — выразительно и стараясь, чтобы голос звучал уверенно, говорю я. — Поэтому можешь и дальше ломать комедию, а меня этими утками из младшей школы не провести.

Локи на минуту задумывается, а потом одним махом допивает кофе и аккуратно опускает чашку на блюдце без единого звука. Поднимается, сует руки в карманы и, чуть подавшись вперед, говорит громким шепотом:

— Самообман, Александра, мой любимый грех.

— Это не грех, — пячусь я.

— Ну мне-то не рассказывай.

Не успеваю ничего сделать, потому что он снова делает тот самый трюк, который уже проделывал пару раз, и который я до сих пор так и не смогла разгадать: исчезает прямо у меня перед носом, чтобы через мгновение оказаться за спиной. Обнимает за талию так крепко, как будто мой живот создан, чтобы греться под его ладонями. Подбородком упирается в ключицу, посылая за ухо струйку теплого дыхания, от которого и щекотно, и странно приятно.

Приходится вспомнить, что я циничный медик и меня не взять такими подростковыми нежностями, и только поэтому не поддаюсь искушению отклонить голову набок, чтобы открыть больше доступа к шее.

Это просто демонические штучки.

— Овечка, у меня деловое предложение... — Его губы проходят по чувствительной шее над ошейником. — Давай сегодня не воевать.

Открываю рот, чтобы выдохнуть невыносимо искреннее «да», но снова приходится напомнить себе, с кем имею дело, и что ему ничего не стоит просто усыпить мою бдительность, а потом превратить в одну из тех безликих теней-рабынь, которые выслуживают перед ним старые грехи.

— Допустим, я соглашусь. Твои предложения?

— Мои предложения? — Его ладонь сползает ниже по моему животу, палец нарезает круги на пуговице шорт.

— У делового соглашения должны быть предложения и договоренности. Я не юрист, но это ведь элементарщина.

Локи издает разочарованный стон, но вместо того, чтобы отлипнуть от меня, крепче подтягивает к себе. Еще немного — и я просто не смогу дышать.

— Мое предложение: хороший день вдвоем. Ты не шарахаешься от меня, как от чумы, а я держу руки при себе. Но оставляю за собой право брать тебя... за руку и иногда обнимать. — Фыркаю и отрицательно мотаю головой. — Совершенно невинно, Александра! После вчерашней ночи...

Он осекается, потому что я выворачиваюсь из его хватки, отхожу подальше и на всякий случай ладонью рисую перед собой невидимую стену, чтобы он видел: дальше — закрытая территория.

— Никаких рук, демон. Вообще.

— Эмм. — Он поднимает ладони и медленно сует их обратно в карманы брюк. — Вот так?

— Именно. — Вздергиваю бровь. — Просто проводи мне экскурсию.

— Ладно, Овечка, как скажешь. — Приглашающим жестом указывает в сторону двери. — После тебя.

Я, окрыленная внезапным первым триумфом, гордо вышагиваю к двери и вскоре понимаю, что где-то все-таки прочиталась, потому что задницу жжет огнем. Оглядываюсь — и чуть не захлебываюсь от возмущения, потому что этот демон самым бесстыжим образом пялится мне пониже спины, и его мысли написаны на лбу огромными буквами черным маркером.

— Ты... — начинаю я, но он не дает продолжить, выразительно шевеля пальцами в карманах.

— Овечка, руки до сих пор при мне, а насчет того, что мне нельзя смотреть на твою задницу, уговора не было. Поэтому... Предлагаю начать с прогулки в музей современного искусства. Тебе понравится, я уверен.

Что ж, с его глазами я, пожалуй, как-нибудь справлюсь, а посещение музея — это, кажется, самое не интимное, что только может быть.

[1] Шот — посуда, которая, имеет ёмкость 45 мл, для употребления напитка «залпом», одним глотком

Глава тридцатая: Александра

На будущее: нужно запомнить, а еще лучше — написать на лбу несмываемой краской «Никогда не верить Локи!»

Что вам приходит в голову при словосочетании «музей современного искусства»? Какие-то странные статуи, сюрреалистические картины, сооружения из пустых консервных банок и пакетов, собранных со дна океана. Ничего такого, что могло бы заставить нормального человека краснеть, бледнеть и хотеть сбежать через минуту после знакомства с первым же экспонатом.

Вероятно, где-то в Тени есть именно такой музей, но Локи либо не знает о его существовании, либо — в это я готова поверить — нарочно обошел его вниманием. В итоге мы пришли в музей... секса.

— Не секса, а разнообразия и красоты интима, — мурлычет у меня из-за плеча Локи, когда я на скорости света проношусь мимо статуи, где две девушки склонились над пахом какого-то крылатого рогатого мужика.

— Выметайся из моей головы, — раздраженно шепчу я, стараясь вообще не смотреть по сторонам.

— Не могу, Александра. — Нужно признать, он держит обещание и не протягивает руки. Сделал это единственный раз, когда помогал выйти из машины. И даже сейчас, в музее, предусмотрительно держится на два шага позади. — Ты слишком громко и выразительно

думаешь. Знаешь, если раньше я только чувствовал твои эмоции, то теперь, кажется, слышу каждую мысль.

Я нарочно думаю о том, что если бы он провалился, мой день стал бы лучше.

— Да ну брось, Овечка, ты бы заскучала без меня через пять минут. Потому что, хоть я и треплю тебе нервы, со мной интересно. Уж точно интереснее, чем с твоим малахольным студентом, который думает, что поцелуй — это обмен слюнями, а женский клитор — ручка от геймпада.

Я заливаюсь краской и ускоряю шаги. Только когда он остается в соседнем зале, разрешаю себе передохнуть и подумать, что все-таки демон прав: и насчет слюней, и насчет геймпада. Но по крайней мере у нас были настоящие свидания, прогулки и что-то... человеческое, в отличие от бесконечных попыток Локи просто склонить меня в интиму. Или он уже это сделал? Я сойду с ума в неведении.

В следующем зале царит полумрак и здесь всего одна экспозиция: в центре зала, на покрытом бархатом постаменте, в лучах направленных сверху и снизу прожекторов. Это просто мужчина и женщина, хоть некоторые части их лиц и тел выдают не человеческое происхождение. Они как будто готовы вот-вот поцеловаться и преодолевают силу тяжести, чтобы украсть этот нечаянный поцелуй. Они полностью обнажены, но это единственная скульптура, которая не выглядит пошлой. Скорее — возвышенной. Из-за игры света кажется, что мраморные статуи медленно двигаются, и я непроизвольно обхожу их по кругу, пытаюсь поймать неуловимое касание ее пальцев у него на плече.

Но стоит сделать еще шаг — и взгляд натывается на огромную дыру в его груди, из которой, словно разрыв, торчит острый алый луч прожектора. На лице мужчины сдерживаемое страдание, на лице женщины — призрачные сверкающие слезы. Сначала кажется, что дыра в его груди — какой-то дефект, который владельцы музея решили интересно обыграть светом, но Локи останавливается неподалеку и поясняет:

— Это Нежность и Гнев. Она была смертной, он был полубогом. Ее похитили и убили, а он, чтобы вернуть ей жизнь, пожертвовал своим бессмертием.

Его голос звучит немного глухо, и я почти готова поверить, что демон впервые сбрасывает маску шутовства, показывая, что и ему не чужды простые человеческие эмоции. Локи смотрит в мою сторону и через секунду мне хочется врезать себе за излишнюю доверчивость. На холеном лице ни капли сострадания, только брезгливость и недоумение.

— По-моему, этот поступок достоин Премии Дарвина[1], а не статуи в полный рост.

— Что плохого в том, чтобы прожить одну жизнь с любимым человеком вместо сотен жизней одному?

— Почему одному? Не обязательно же хранить celibat после каждой неудачной любви.

Он говорит об этом с такой легкостью, что хочется взять что-то потяжелее и предложить перестать быть таким говнюком. Локи фыркает и посылает мне мысли, в которых наша с ним война превращается в сексуальное барахтанье. К счастью, его последняя реплика заморозила все чувства, и выходка меня не трогает.

— Ты уже хоронил тех, кого любил? Сколько раз? Неужели все эти женщины совсем ничего не значили? Ни одна не стоила того, чтобы прожить с ней одну единственную жизнь от начала и до конца?

Локи, ни на секунду не задумываясь, отвечает:

— Овечка, запомни уже, наконец, я — демон искушения. Я люблю женщин несколько... иначе, чем ты себе представляешь.

— Почему я не удивлена?

Хочу пройти мимо, но Локи перехватывает мой локоть и рывком впечатывает мою спину себе в грудь. Его рук становится слишком много: он как будто обнимает меня всю, разжигает простым перебором пальцев по голому бедру, словно я — виолончель, на которой демон собирается сыграть очередную одноразовую мелодию.

— Злишься, Александра? — Локи жарко шепчет мне в шею. — Хочешь стать моим краугольным камнем?

— Ты обещал не трогать меня, — напоминаю о нашем уговоре, но почему-то его слова больно ранят и пробивают брешь в защите.

Почему мне не все равно, что этому бессердечному демону нет дела до чужих чувств и разбитых сердец?

Ответ лежит на поверхности, но я успеваю мысленно ударить ладонью по воде, превращая яркий образ в бессмысленную рябь. Это просто глупая сентиментальность. И немного симпатии, хоть Локи этого и не заслуживает.

— Руки убери, — говорю еще раз, и теперь меня не выдает ни голос, ни дрожь в кончиках пальцев. — Или отвези меня домой, если собираешься и дальше нарушать свое слово.

Он разжимает пальцы и быстрее, чем успеваю с облегчением выдохнуть, направляется к выходу. Напряженная спина и сжатые в карманах кулаки выдают его злость.

Я все-таки прохожу по всему музею, правда на этот раз Локи держится на расстоянии. Он рядом, но уже не щупает взглядом мою задницу и не пытается протянуть руки. Это приятно радует, потому что сегодня у меня первая, пусть и не очень значительная победа. Во всяком случае теперь демон точно в курсе, что не любую женщину можно взять, постоянно лапая по поводу и без. Хоть в нашем случае это все время было «без повода». Кроме тех случаев, когда он спас мою жизнь.

Воспоминания о его помощи напоминают о том, что, в общем, он не такая уж корыстная зараза.

Я знаю не так много людей, которые бы вот так, не задумываясь, сунулись за кем-то в неприятности, очертя голову. А Локи, хоть и не человек, но сделал это, не моргнув глазом.

В общем, когда мы выходим из музея, и он продолжается держаться на расстоянии метра, я вдруг говорю:

— Совсем не обязательно быть настолько далеко от меня. Люди подумают, что у меня вши.

Честно — я пытаюсь заставить его улыбнуться, потому что чем больше он строит из себя буку, тем сильнее мне не по себе. Как будто... Ну, в общем, как будто мне нужно было почувствовать, что значит «Локи на расстоянии», чтобы понять — мне все-таки приятнее, когда он чуточку ближе.

Локи молча кивает и приближается ровно на полшага. Степенно помогает мне забраться на заднее сиденье автомобиля, а сам, внезапно, садится рядом с водителем.

— Не против сходить на выставку домашних животных? — спрашивает, опуская взгляд в телефон. Не трудится посмотреть на меня даже в зеркало заднего вида.

— Если ты пообещаешь не покупать мне ручных церберов и всяких прочих хищников.

Вместо ответа он вскидывает руку со скрещенными пальцами.

Вот же блин. Похоже, мне не так уж, чтобы не нравилось внимание этого... демонюки.

[1] Премия Дарвина — виртуальная премия, ежегодно присуждаемая лицам, которые умерли наиболее глупым способом

Глава тридцать первая: Локи

Кто совершает эпикфэйл за эпикфэйлом — тот я.

Готов подписаться под этим собственной кровью.

Потому что вместо того, чтобы влюбить ее в себя, я делаю все с точностью до наоборот. Нужно показывать, какой я терпеливый принц? Отлично, вместо этого лапаю ее за зад и трижды пытаюсь залезть в трусики. Нужно показать, что я одиночка, мечтающий о любви до гроба?

Отлично, вместо этого Александра ходит по клубам с моей официальной любовницей, и я сам признаюсь, что ставил и буду ставить знак равенства между любовью и трахом.

А все почему? Потому что, как я уже говорил, меня никто никогда не любил, и я никогда ни с кем не был на постоянной основе. Ну серьезно, где я — а где моногамия. Я рожден соблазнять всех встречных женщин и дарить им воспоминания о самом фантастическом любовнике, который у них был.

Охо-хо. Может, не такой уж я не-лох?

Вообще следующим по списку был поход на фильм для взрослых — да, в Тени такое показывают с большого экрана и даже не просят предъявить паспорт — но я вычеркнул этот пункт из списка нашего сегодняшнего свидания. Александра хочет, чтобы я держал руки при себе, а просмотр фильма, большая часть которого будет сосредоточена вокруг секса, этому явно не поспособствует.

Поэтому мы приезжаем к огромному крытому павильону, в котором уже полным-полно народа. Вздыхаю с облегчением, потому что здесь мы точно не будем «в ореоле интимной близости», и Александра, наконец, перестанет ворчать. Но этот план проваливается с треском, как только мы вливаемся в длинную очередь к турнику. Слева и справа нас прижимают друг к другу, и я с шумом выдыхаю сквозь зубы, когда Александра в панике сперва хватается меня за рукав пиджака, а потом быстро отпускает.

Вопрос на повестке дня: как я докатился до такой жизни? Имею в виду, почему вместо того, чтобы сделать ее зависимой от себя, я вдруг становлюсь зависимым от нее? До момента, пока она не устроила мне выволочку в музее, даже не задумываясь над этим, пока вдруг не понял, что мне просто нравится ее трогать. Дважды за день я просто хотел ее обнять почти без всяких пошлых мыслей, и нагоняй Александры стал ведром льда на голову. Что не так с моими гребаными руками, что приходится совать их в карманы, лишь бы сдержать обещание? С горем пополам выходим в главный зал. Здесь тоже шумно илюдно, но теперь мы не прижаты друг к другу, как горох в стручке.

Честно говоря, идея с выставкой пришла мне в тот момент, когда я вспомнил одну из своих бывших, которая однажды увидела виверну и от страха повисла на мне, словно клещ. Отцепить ее получилось, только приложив физические усилия. А церберы... гмм... в общем, страшнее виверн. Мой коварный план включал визжащую перепуганную Александру, добровольно вручившую себя в мои крепкие безопасные объятия.

Надо ли говорить, что теперь эта идея больше не кажется такой привлекательной?

Но, к счастью — никогда не думал, что скажу это — Овечке снова удастся меня удивить, потому что церберы приводят ее в дикий восторг. Что щенки, что взрослые особи в холке до двух метров в высоту. А этих зверюг даже я предпочитаю не злить и тем более не лезть их тискать, словно плюшевые игрушки. Александра носится от одного вольера к другому и с горящими глазами чуть не капает слюной на каждую псину. Уверен, они не пытаются ее сожрать только потому, что находятся почти в такой же офигении, как и я.

Апофеозом становится предпоследний вольер, в котором нет взрослого самца, зато сидит один-единственный обсидианово-черный одноголовый щенок. Кстати, забыл предупредить: вопреки расхожему мнению, именно одноголовые церберы считаются «правильными», а двух и трехголовые — мутанты, которые долго не живут. Мутантов, понятное дело, никто за деньги не продает, зато их выставляют на всякие собачьи бои и в пару к бойцам на Арену, но туда я Овечку поведу разве что под страхом смертной казни. Я же не Каин.

В общем, пока владелица щенка, рослая сияющая демонесса, выпучив глаза и широко раздувая ноздри, разглядывает мою Александру, Овечка уже лезет в вольер к щенку. У этой женщины не работает инстинкт самосохранения.

— Смертная? — шепотом интересуется демонесса. — Сладко пахнет. Поменяемся?

Строго говоря, она будет в убытке, если я приму предложение, потому что на здоровенной клыкастой роже цербера написано, что он чистокровка, прямой потомок того самого Цербера. И я понимаю, откуда растут ноги у ее предложения: моя Александра, как и ее щенок, тоже носит ошейник.

Блинский фиг.

Вот только угрызений внезапно проснувшейся совести мне не хватало.

— Локи? — Овечка выпрямляется и ничуть не морщится, когда цербер становится на задние лапы и лезет облизывать ей нос. — Можно я поменяю свое решение?

Я, конечно, понимаю, что она собирается попросить. Все-таки девочки — такие девочки.

Только моя женщина захотела не котенка или енота, а домашнюю огнедышащую тварь. Что?

Думаете, зачем я предлагал? Потому что, черт его все дерь, был уверен, что не позже, чем через пять минут, вынесу Александру на руках прямоком в постель.

— Нет, — строго и довольно резко отказываю я.

Она недоуменно хлопает глазами, и — блииин — у меня снова стояк, потому что ее удивленно-огорченные глазки за стеклышками очков — это чистый афродизиак для меня. Хотел бы я преувеличивать, но где там.

— Ты же сам говорил... — лепечет она.

— Это была шутка, Александра. Если ты все посмотрела, нам лучше вернуться домой. У меня появились дела.

Нет у меня никаких дел, просто мне вдруг стало очень неудобно рядом с ней. И да, если думаете, что я трусливо поджимаю хвост, то вы очень близки к истине.

Она гладит щенка за ухом, перешагивает заграждение вольера и, не издав ни звука, подстраивается под мой шаг. Что за упрямая женщина?! Чего уж проще: построй мне глазки, поной, скажи, что будешь очень мне благодарна, и что я сделаю тебя счастливой — и щенок твой! Нет же, вместо этого молча идет рядом и пытается надуть Великого обманщика своей насквозь фальшивой улыбкой.

Хорошо, что мне нельзя ее трогать — и мои ладони, кажется, вот-вот вrastут в карманы, а то бы я снова отходил ее по заднице.

Дома Александра первым делом бежит в душ и закрывается на защелку.

Погоуляли, блин. Сегодняшний день стоит пометить в календаре, как день, когда начался отсчет моих последних бессмертных деньков.

Ну что, сыграем в угадайку еще раз?

Что я, по-вашему, делаю? Бегу к отцу и падаю ему в колени, умоляя передумать? Топая в магазин безотказных возбудителей, накачиваю ими Овечку и затрахиваю ее до состояния «люблю-не могу»?

Нет, блядь. Я еду на чертову выставку и надеюсь, что треклятого щенка еще не забрали. А потом битый час уговариваю демонессу продать его, а не обменять на моего «питомца». Ну и на закуску эта тварюшка — я о щенке, хоть его хозяйке это прозвище бы тоже подошло — сжирает мой туфель прямо с ноги, а потом чихает огнем на рубашку. Хорошо, что от этого я точно не сгорю. Плохо, что далеко не вся мебель в моем доме огнеупорная.

В общем, когда я впускаю щенка в свою берлогу, а сам топчусь на пороге, раздумывая, куда бы податься, чтоб только подальше от Александры, меня глушит ее счастливый визг. Борюсь с искушением войти и собственными глазами увидеть затопливающий меня фонтан счастливых эмоций, но это лишнее — Александра выбегает к двери, мгновение смотрит на меня и...

Цербер все-таки сделал свое грязное дело, и Овечка запрыгивает мне на шею, но не с криками о помощи, а со сбитым взволнованным, нараспев:

— Ятебялюблюлоки...

Мне кажется, что ослышался, но прежде чем сцапать Овечку в охапку, она успевает упорхнуть и снова уносится в гостиную. А я стою в коридоре, разглядываю обрывки шнура и драный носок и думаю о том, что домашний цербер, в сущности, не такая уж плохая идея. А с огнеупорностью можно справиться, только надо прямо с утра выписать пару жриц из храма и надеяться, что к тому времени моя квартира не сгорит.

Она сказала: «Я люблю тебя, Локи»?

Блин, что за несносная женщина. Почему нельзя было произнести это как все нормальные люди: с придыханием, влажными глазами и так, чтобы я сразу понял — к признанию прилагается феерическая ночь?

Кстати, когда первое замешательство проходит, я слышу странный запах. Нет, я не о том, что огнедышащая тварюшка уже успела пометить территорию, а о том, что в моей берлоге пахнет домашней стряпней. Знаю это, потому что одно время, после не самого приятного периода в моей жизни, я какое-то время жил с молоденькой вдовушкой — большой любительницей постоянно что-то варить, печь и жарить. Я тоже любил жарить... ее. Но не суть. В общем, сейчас в моем холостяцком углу такой же запах, даже еще лучше. Иду на него, как тот мужик из мифа за путеводной нитью Ариадны, и оказываюсь на собственной кухне, где я настолько редкий гость, что с трудом могу сказать, была ли месяц назад та же мебель или я что-то успел поменять в пьяном угаре?

Но к черту мебель.

На столе накрыт королевский ужин: мясо, какие-то салаты, грибная запеканка.

И все это ясно не могло приготовиться за те пару минут, пока Александра с упоением тискает щенка. То есть, пока я злой и мрачный выпрашивал для нее цербера, она не устраивала потоп в моей ванной, а решила сделать мне... приятно.

Не успеваю понять, что бы это значило, потому что сзади слышны шлепки босых ног и цокот когтистых лап по полу. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов.

Александра прижимается плечом к дверному косяку и смотрит на меня с капелькой настороженности. Ждет, что я сниму ремень и выпорю ее за то, что посрамила своими прикосновениями мои непорочные чашки и невинный кухонный комбайн?

— Я подумала, ты вернешься поздно и...

Она запинается и медленно, нарочно обходя меня по широкой дуге через стол, занимает место около рабочей поверхности, где как раз лежит наполовину нарезанный корень сельдерея.

Между прочим, очень даже люблю сельдерей, и вообще ЗОЖник[1]. И не говорите, что думали, будто демон обязан пить слезы невинных младенцев, а питаться новорожденными ягнятами.

— ... и ты меня ждала? — подсказываю продолжение ее фразы, очень старательно пряча довольные нотки.

— Ну... — Она берет нож и неуверенно срезает пару пластин с душистого круглого корня.

Блин, это чертовски сексуально выглядит, особенно когда она берет кусочек и кладет его в рот, сосредоточенно похрустывая им, как кролик. — Я же твоя жена.

Отец, ты слышал, что она сейчас сказала? Нет, блин, не шли мне свои стебные СМСки!

Просто... ну... типа... спасибо за нее, чего уж.

[1] ЗОЖник (от Здоровый Образ Жизни) — человек, который придерживается правил правильного питания и ведет здоровый образ жизни

Глава тридцать вторая: Локи

Я в какой-то странной и непонятной эйфории. То есть меня просто укрывает, и даже по фигу, что тварюшка притащил из прихожей мой туфель и разлегся посреди кухни, демонстративно поглощая его вместе с подошвой.

У меня сейчас только одна потребность: усесться как можно ближе к Овечке и просто смотреть, что она делает своими руками. Но у Александры на меня другие планы, потому что она торжественно вручает мне еще один нож, подталкивает доску с парой фруктов и командует:

— Их нужно нарезать для легкого салат. Я не успела сделать десерт.

«Я бы тебя съел на «сладкое», — мысленно мурчу я и чудом не отхватываю себе ножом кусок пальца. Я уже говорил, что на всяком колющем и режущем у нас специализируется Каин? А я даже с кухонным ножом на «вы». Но раз уж у нас с Александрой перемирие, то нужно хотя бы попытаться сделать вид, что я полезнее кухонного комбайна.

— Локи... — Александра привлекает мое внимание как раз, когда пытаюсь пыхтеть и раздуться от количества прилагаемых усилий. — Прости, что сказала про руки. Ты столько раз меня спасал, а я веду себя, как черная неблагодарность.

Называется: начали за здоровье, кончили за упокой.

Я-то раскатал губу минимум на «осознала — бери меня, я вся твоя». На худой конец на «готова выполнить супружеский долг». Черт, надеюсь, мою рожу не сильно перекосило, но на всякий случай вернусь-ка лучше к банану.

— Локи? — Овечке явно мало простого молчания.

— Не нужно было напрягаться из-за ерунды, — отвечаю спокойно и сдержанно, но все-таки замечаю ее попытку притронуться к моему локтю.

И — оп! — увожу руку до того, как пальцы вцепятся мне в рукав.

Александра сосредоточенно смотрит на поймавший пустоту кулак и тут же воровато прячет его за спину. Краснеет до кончиков ушей, пару раз открывает и закрывает рот, явно перебирая

варианты адекватных ответов. К такому повороту точно не готовилась, а то бы за словом в карман не полезла.

Прежде чем сесть за стол, Александра находит самую большую тарелку и водружает туда кусок мяса, который цербер старательно поджаривает огнем из пасти практически до полу обугленного состояния. Нужно купить ему посуду и все собачьи вещи, и...

Бля, а что я буду с ним делать, когда мы с Александрой разбежимся?

Нарочно стараюсь не думать о том, что мое «потом» и ее «потом» — это как расстояние длинной в вечность и отрезок на двадцатисантиметровой линейке. У меня точно нет желания соваться в дела отца и переиначивать его замыслы.

Но, блин, это просто как-то неправильно что ли.

К счастью, я слишком голоден, а моя Овечка очень хороша в готовке. И если тем о выяснении отношений я нарочно избегаю, что нахваливать другие ее таланты — запросто. И моя пустая тарелка — лучшее тому подтверждение. Мы говорим обо всякой ерунде, но в основном обсуждаем особенности содержания церберов в домашних условиях. И чем больше ужасов узнает Александра, тем ярче сверкают ее глаза. Точно бракованная малышка: тормозов у нее нет.

— Я назову его Рамштайн, — выдает она с таким видом, словно открыла еще одну планету.

— Мне нравится, — соглашаюсь я, мысленно утешаясь тем, что для меня он так и останется тварюшкой.

После ужина собираю посуду и степенно закладываю ее в посудомойку, пока Александра крутится рядом. Чувствую, что у нее уже закрались подозрения о моем нежелании получать даже ее случайные прикосновения: неуверенность носится в ее мыслях, словно разбуженная летучая мышь. Но Овечке нужны опровержения, поэтому она снова и снова пытается случайно задеть меня локтем или даже наступить на ногу. Но я всегда на шаг впереди и оставляю мой Бермудский треугольник ни с чем. Под конец, когда она тянется, чтобы поблагодарить меня за помощь чмоком в щеку, совсем уж откровенно ухожу в сторону и говорю:

— Считаю, это был мой вклад в общее дело.

Пафос и идеализм этой фразы заслуживают революционного слогана!

Ну и чтобы добить ее окончательно — и себя заодно — демонстративно забираю подушку и верхнее покрывало с кровати.

— Буду спать на первом этаже, — говорю с самым безразличным видом, на который способен, а это, поверьте, не просто, потому что я прекрасно знаю, как утром меня будет ломать и выкручивать.

— Локи! — злится она и даже топает ногой.

— Никаких рук — ты же сама хотела. Завтра верну тебя домой целой и невредимой.

До ее вдоха облегчения я был уверен, что нащупал брешь в идеальной защите, но теперь, спускаясь по лестнице, чувствую, как за мной тянется поганый шлейф упущенных возможностей. Старею, разучился манипулировать женщинами.

Каким-то образом даже начинаю дремать, хоть на диване жестко и скучно, и я не привык спать так, чтобы ноги свисали на пол, как лапша.

Закрываю глаза.

А открываю, когда чувствую возню рядом.

— Блин, псина! — Слепо луплю ладонью по воздуху и слышу короткий судорожный вздох.

— Между прочим, это ты на меня ошейник одел, — ворчит Александра и быстро, пока я продираю глаза ото сна, ныряет ко мне под покрывало.

Совершенно... голая.

В одних только испуганных мурашках по всему телу.

— Раз у нас уже все равно все было... — Она стыдливо подтягивает покрывало до самого носа и набирается смелости, чтобы продолжить. — То я хочу хотя бы знать, как это.

Ну ни ёб твою мать, а?

Наверное, надо мной уже громко ржет вся Тень, потому что, если бы в моей голове было чуть меньше пошлых мыслишек, там бы осталось место для искреннего и заслуженного хохота над самим собой. Я раздевал ее глазами, я устроил ей феерический оргазм, я буквально трахал ее сны всю ночь напролет, соблазнял своей классной задницей и даже, блин, купил долбаного щенка! И ничего из этого не подействовало. Зато стоило свалить из постели — и вот,

пожалуйста, мой Бермудский треугольник решил сменить координаты, не придумав ничего лучше, чем разместиться на моем неудобном и узком диване.

Никогда не думал, что скажу это, но... Бля! Мне нужно подумать!

Вот только понятия не имею, как думать, если рука Александры запросто, как будто так и надо, ныряет под одеяло и недвусмысленно спускается вниз по моему животу.

— Полегче, детка!

Стоп.

Это я сейчас сказал?

Овечка смотрит на меня огромными перепуганными глазищами, одергивает руку, словно мой член вдруг превратился в ядовитую змею, которую она только чудом не успела схватить за голову.

— Пппп... пппп... — Овечку трясет на все десять баллов по шкале Рихтера. Еще немного — и ее офигенная задница встретится с полом. — Ппп... прости! — с облегчением почти выкрикивает Александра.

Барахтается в покрывале в поисках пути к отступлению, но чем больше пытается, тем сильнее запутывается. А я даже вроде как пытаюсь ей помочь и понятия не имею, зачем.

— Ссс... Ссс... — Овечка закатывает глаза. — Сссспасибо!

Высовывает наружу сперва ноги, потом руки, а потом откидывает покрывало, совершенно забыв, что пришла ко мне абсолютно голая. Встает, всхлипывает, но пытается показать, что ее случившееся совсем не задевает. Ну и вот куда я, по-вашему, смотрю, когда передо мной сто шестьдесят сантиметров классного упругого тела с аккуратной грудью, дерзкой задницей и красивыми ножками? Исключительно в ее глаза, и даже для меня это что-то новенькое. Двести лет живу, а такого за собой раньше не замечал. Если бы у меня уже не стоял, как каменный, я бы побился об заклад, что и у демонов искушения бывают те самые досадные промашки, о которых мужики не рассказывают даже лучшим друзьям.

— Извини, что я тебя не возбуждаю! — орет эта фурия на весь дом. — И прихожу к тебе со всякими... поползновениями!

Что за на хрень она несет?

Откидываю покрывало — и Бермудский треугольник цепко хватает мой стояк взглядом, так сильно краснея, что румяные щеки хорошо видны даже в темноте комнаты.

— Похоже, что ты меня не возбуждаешь? Ну, Овечка? Ты же медик! Это все-таки эрекция или что-то с членом? Может, у меня аллергия на бананы, и я принципиально пухну в стратегически важных местах? — Отлично, зашибись. Вот теперь уже и я ору, а когда я ору, в квартире дребезжат стекла, и, поверьте, я не преувеличиваю.

Но Александру такая мелочь, как свирепый демон, совершенно не смущает и не успокаивает.

— Прикройся! — приказывает она.

— Я сплю голый, детка! И прекрати делать вид, что тебе не нравится вид.

— Тоже мне, видали и лучше!

А вот сейчас очень важный момент, и меня на нем «клинит». С одной стороны, я знаю, что ничего, кроме вялого недоразумения своего бывшего она точно не видела, иначе бы не смотрела на меня, как школьница, отрывшая под родительской кроватью свежий номер «Плейбоя». С другой стороны, это ее «видали и лучше» выкорчевывает к хренам собачьим все терпение. Я знаю, что Александра врет и говорит это для красного словца, но я уже сорвался с катушек.

Как бы там ни было, что бы ни случилось с нами через час, завтра или в следующем столетии, мой член — последний, какой она увидит в своей жизни! И никаких «лучше» у нее не будет, потому что я заглядывал в ее мысли — и там были не только отражения моих фантазий, но и ее пошлые мыслишки. И, кстати, в своей голове она ничего не прятала за стыдливими квадратиками цензуры.

— Ты же хочешь меня трахнуть, — говорю я, опуская ладонь ниже пояса, стараясь по памяти воспроизвести маршрут моей Овечки. — У тебя это на лбу написано, женушка.

Она жадно следит моими пальцами, а я нарочно не опускаю руку ниже пупка, хоть, честно, если Александра снова меня продинамит, уже морально смирился с тем, что буду драть, пока руку не сведет судорогой. Иначе мне сорвет крышу от воздержания, а другую женщину сейчас принципиально не хочу.

— Я... — Овечка сглатывает, перехватывает себя руками за плечи, чтобы прикрыть грудь. — Раз уж мы все равно это делали...

— Что «это», детка? — Опускаю руку еще ниже, беру себя в кулак, и Александра издает громкий, удивляющий даже ее саму, стон. — Называй вещи своими именами.

— У нас был... секс.

Вот же херня. Не было у нас никакого секса. И она пришла ко мне не потому что я корчил из себя недотрогу, увы. Необходимо это признать. Она пришла получить реальные воспоминания, и только поэтому такая смелая. Как только я скажу, что бессовестно ее надул, Александра больше не пойдет в мою постель, даже если я ей дорожку выложу ошметками своего расквашенного сердца. А если и дальше буду вешать лапшу на уши, она узнает правду через секунду после того, как я ей вставлю.

Отлично, Локи, даже у ужа на сковородке жопа горит меньше, чем у тебя сейчас.

Глава тридцать третья: Локи

— У нас ничего не было, — говорю, прикрывая глаза. — Никакого секса, Александра.

Ну вот, я это сказал. Ниже падать просто некуда. Еще немного, и уверю в то, что отец меня жестко наебал, и я стал смертным еще пару дней назад, потому что замашки у меня точно, как у простого смертного мужика. Даже совесть отросла, чтоб ее.

Поворачиваю голову — и офигеваю.

Александра вряд ли слышала мое судьбоносное для нашей интимной жизни признание, потому что буквально сжирает глазами каждое мое движение кулаком вверх и вниз.

Кстати, б

о

ольшая половина моих женщин любили смотреть, как я дрожу. При этом так заводились, что обычно заканчивали дело сами, да так горячо, что это точно того стоило. Вот такая статистика.

И моему Бермудскому треугольнику, кажется, очень нравится мое маленькое шоу. До такой степени, что она произвольно делает шаг вперед.

Хмм...

Медленно провожу вниз, до самого основания — Александра глухо выстывает какую-то белиберду, но слово «еще» я слышу хорошо и четко.

Приподнимаю зад, двумя энергичными толчками «трахая» свой кулак — Александра вздрагивает и жестко втягивает губы в рот.

А вот теперь мне ни фига не смешно. Потому что, блин, я не хочу быть телом, куском сочного мяса, на которое моя вегетарианка пускает слюни. Не хочу лежать тут, прикидываясь отбивной, которую она, конечно же, съест.

Следующие поступки прошу считать официальным свидетельством моего помешательства.

Встаю.

Сдергиваю покрывало.

Заворачиваюсь в него до самого пупка.

Тычу пальцем в сторону двери и очень, ОЧЕНЬ громко ору:

— Пошла на хер отсюда, блаженная!

Александра моргает и смотрит на меня так, словно я превратился в говорящую морковь.

— Я тебе не член без мозгов! — Блин, обидно, кстати, когда в тебе видят только хорошую биуху и жопу «орехом». — Решай свои маленькие проблемы сама.

— Что? — не понимает она.

— Порнуху посмотри, успокойся и нечего меня глазами облизывать.

После такого посыла любая среднестатистическая женщина сваливает указанным маршрутом. Но это же моя Александра, и когда она медленно идет в противоположную от посыла сторону, я нервно сглатываю.

— Что ты разорался? — спрашивает совершенно спокойно и без кокетства.

— Ты мне мозги вынесла, — пытаюсь хранить грозный вид, но все без толку, потому что Александра поднимается на носочки, обнимает меня за шею, и я на одних рефлексх подхватываю ее под бедра. — Ты вообще слышала, что я сказал?

— Ага, — загадочно улыбается она, ни на секунду не отпуская мой взгляд. — Утром устрою тебе скандал, возможно даже с битьем посуды, возможно даже об твою голову.

— На здоровье, — «оттаиваю» я.

— А теперь насчет «моей маленькой проблемы»... — Осторожно целует меня в щеку, а когда наши взгляды снова скрещиваются, она опять вся розовая от смущения. — Пошли в спальню, демон, я тебя любить буду.

— Вообще-то это была моя реплика, Овечка. — Не верю, что это делаю, но в точности повторяю ее жест: просто очень аккуратно чмокаю свой Бермудский треугольник в горячую щеку.

— Разрешаю сказать ее завтра. — Александра ерзает по моему животу, пока я иду в спальню и опрокидываю ее на спину.

Почему у меня такое чувство, что это я буду лишаться невинности?

— Локи? — Александра снова пытается прикрыться, хоть я уже и так все видел. — Я... что-то для тебя значу?

Вопрос, который вколачивает меня в ступор, словно сваю в рыхлую землю.

Что она для меня значит? Умру ли я, если завтра она уйдет? Вряд ли. Мой мозг перестанет работать? Тоже нет. Моя кровь станет синей, как у той бабы из фильма о людях с крутыми хромосомами? Вот уж точно нет.

Но если на мгновение представить, что это все-таки случилось — и Александра просто исчезла из моей постели и моей жизни, то у меня начинают чесаться запястья. Понятия не имею, почему, но такое чувство, будто мне вскрыли вены, и я до тошноты медленно истекаю кровью вместо того, чтобы сразу отрубиться. Но, что еще хуже, я не могу вот так взять и сделать вид, что она просто еще одна остановка на моем бессмертном пути. Даже если в глубине души мне бы очень этого хотелось. Тогда бы все было намного проще: просто секс, просто еще одно разбитое сердце, наполненное фальшивой любовью. И никаких шальных мыслей о том, что я могу попытаться отобрать у отца ее душу после того, как получу свое лекарство от смертной жизни. Не думал бы о том, что спасти Александру для мужчины, который полюбит ее по-настоящему, с которым она заведет детей и поселится в доме с чертовыми милыми занавесками — справедливая цена за то, что один непутевый демон воспользовался ею в исключительно корыстных целях.

И, наконец, самое фиговое.

Я не могу ей врать. Не потому, что она оказалась эмпаткой, способной распознать мое вранье. Как раз сейчас я слишком громко слышу хаос в ее хорошенькой голове, водоворот самых разных и далеко неумных мыслей. Не хочу врать ей, потому что это будет неправильно. Какое-то насквозь сентиментальное дерьмо, скажу я вам. Но вместо того, чтобы заткнуть ей рот поцелуем и приступить к делу, смотрю в глаза своему навязанному счастью и говорю, ни капли не кривя душой:

— Я не знаю, что ты для меня значишь, Александра.

Она поджимает губы, вздыхает, глубоко и ровно, и так же медленно выдыхает. Не устраивает истерику, не говорит, что я бездушная скотина. Наоборот, как будто только что услышала что-то важное, что-то такое, что хотела услышать. Потому что заводит руки за голову, больше не стесняясь лежать на моей кровати абсолютно голая.

— Я знаю, что мне нравится вкус твоего имени, — вдруг продолжаю я. — И еще вид тебя в очках. И то, как работает твой рациональный ум, и даже сбои в нем мне тоже нравятся. И нравится, что у меня жуткий стояк просто от твоего запаха.

Последняя фраза все же была лишней, потому что Александра издает милый писк и начинает лежа пятиться к спинке кровати с непрозрачной целью зарыться под одеяло и устроить мне всюнощную осаду. К счастью, успеваю разгадать ее план и хватаю за лодыжку, чтобы в один рывок вернуть обратно к краю постели.

— Поднимешь руки, чтобы прикрыться, и я их привяжу, — предупреждаю я, а сам буквально киплю от одного лишь образа распятой и беспомощной малышки. Может, не стоило предупреждать?

Вместо того, чтобы прятать свою охеренную грудь, Александра закрывает лицо ладонями и мотает головой. Даже думать не хочу, что это значит, потому что возбуждение уже растеклось по венам самым невыносимо жгучим коктейлем из всех, что я пробовал за свою не такую уж и короткую жизнь.

Опускаюсь на колени между ее ног и закидываю лодыжки поверх своих бедер. Она пытается сжать колени, но стоит лишь немного надавить — и снова распускается передо мной, словно цветок. Боги, ее запах будоражит самые распутные из моих фантазий. Именно с ней, совершенно невинной, я хочу делать самые разнузданные вещи, полный порно-комплект всего, что только придет в мою больную голову. Видеть, как она каждый раз вспыхивает от стыда, а потом наслаждается и просит еще. Ни на секунду не сомневаюсь, что так и будет.

Она неожиданно протягивает руки, хватаясь за мои плечи, как за опору, и резко распрямляется, чтобы через секунду зарыться носом в мою ключицу, нежно и настороженно куснуть кожу, украдкой поднимая затуманенный взгляд. А я жадно, полным ртом глотаю ее запах и пьянею, как от крепкой затяжной оргии. Словно у нас уже случилось все то, что я пока допускаю лишь в своих извращенных фантазиях.

— Ты вкусный, — бесхитростно признается Александра, покрывая поцелуями только оставленные ею же царапины от ногтей на моих плечах.

— Это ты меня еще не всего распробовала. — Поверьте, я хочу сказать куда более пошлую вещь, но каким-то чудом сдерживаюсь.

В ответ на мои слова она нервно сглатывает, отрывает взгляд от моей груди и задирает голову, на хрен убивая мое терпение своими огромными жадными глазищами. От такого взгляда мурашки по позвоночнику, и хочется взять ее покрепче, чтобы протолкнуть хоть кусочек себе под кожу. Сделать себе дозу противоядия. Прививку Александрой от нее самой.

О чем я только думаю и зачем?

Подцепляю пальцем кольцо в центре ее ошейника и заставляю Овечку прижаться ко мне еще сильнее. Она дрожит, потому что мой возбужденный член прижимается к ее животу, и потому что вторая моя рука крепко держит ее затылок. Она полностью зафиксирована мной и, если попытается вырваться — я вгрызусь в нее зубами и вцеплюсь когтями.

— Лооокиииии... — растягивает мое имя, словно жвачку.

Я слишком громко, до скрипа, стискиваю зубы и делаю несколько поступательных движений бедрами, наслаждаясь гладкостью ее кожи и тем, как дрожащая внизу бархатного живот артерия ритмично колотит по моему члену. Александра сбивчиво стонет каждый раз, как я задвигаю крепче и сильнее, и вряд ли понимает, что уже сама подается навстречу, пытается поймать ритм. Я чуть сильнее сжимаю ее голову, вынуждая распахнуть глаза, и как только она это делает — прижимаюсь лбом к ее лбу.

Нужно выдохнуть. Найти опору, пит-стоп, буй в штормящем море, потому что я готов плюнуть на все и просто насадить ее на себя до упора, пока она не захнычет, что больше принять уже не может. Не исключено, что так и будет. Она реально выглядит слишком маленькой и беспомощной.

Александра мотает головой, пытается боднуть меня затылком, пока я, наконец, не понимаю, что ей необходима свобода. Возможно, я пожалею о том, что разрешаю ей немного инициативы, но раз уж ей так хочется поиграть с новой игрушкой — кто я такой, чтобы отказывать?

Она переворачивается и на коленях, попой назад, отползает чуть дальше от края. Сворачивает растрепанные волосы в жгут и отбрасывает их за спину. Кусает губы, разглядывая мою грудь и живот, и всхлипывает, опускаясь взглядом еще ниже. Просто вид ее, стоящей передо мной на коленях, жадно поглощающей взглядом мой стояк, доводит меня до состояния, при котором мужик может запросто кончить без рук.

Слышу громкий ор ее мыслей, вижу ее фантазии, в которых она опускает голову ниже.

Чтоб его все, блядь, кто тут кого трахает?!

— Сделай это, — подталкиваю ее решимость, накручивая на кулак темную гриву и недвусмысленно двигаю бедрами навстречу распахнутому влажному рту.

Глава тридцать четвертая: Локи

Она словно только того и ждет: шире разводит колени, практически усаживаясь на задницу, одной рукой цепляется в мое бедро, подтягивая ближе к своему рту.

Неведомая сила заставляет меня все-таки закрыть глаза и запрокинуть голову. Иначе просто сдурею и кончу от одной мысли об этих невинных губах.

Ее вторая рука у меня на животе, ногти жестко скребут часто сокращающиеся под кожей мышцы пресса. В мою голову стреляет поток ее слишком очевидной потребности попробовать меня языком, погладить каждую выступающую часть, насладиться тем, каким твердым я буду в ее ладонях.

— Овечка, ты слишком много думаешь, — бормочу я, хоть вряд ли мое негодование что-то изменит. — Хочешь что-то попробовать — пробуй.

Я знаю, чего она хочет. Помогите мне все демоны и дьяволы, но если она прямо сейчас не возьмет меня в рот, я сойду с ума. Воздержание и этот сладкий запах не оставили ничего от моего скудного терпения, и теперь я должен взять из невинного тела моей Овечки даже больше, чем она готова дать.

— Я не знаю... как...

Да ну блядь!

Хорошо, что ее волосы у меня в кулаке, и я могу подтянуть ее к самому лицу.

— Мой язык, Александра, — размыкаю пальцами искусанные от волнения губы. — Попробуй.

Она даже не успевает вздохнуть, потому что я накрываю ее губы и выманиваю ее в поцелуй.

Она пытается дышать носом, срывается, но я держу крепко, дразню ее кончиком языка, поглаживая ее губы изнутри и смело очерчивая край острых зубов. Несколько движений внутрь ее рта — и она сама обхватывает губами мой язык. Смыкается на нем плотным кольцом.

Всасывая с такой жадностью, что в рту появляется металлический вкус крови. Если она сделает то же самое с моим членом, я не выдержу и тридцати секунд приличия.

Она так входит во вкус, что приходится с силой отрывать ее от себя. Александра громко глотает воздух, словно вынырнула в шаге от утопления.

— Теперь знаешь как? — спрашиваю, кажется, слишком хрипло.

Вместо ответа она опускает голову ниже, дрожащими пальцами обхватывает меня у основания.

Прикусывает губу. Снова. Блядь, прикусывает свою чертову губу, и я все-таки подталкиваю ее голову вниз. Немного отклоняюсь назад, чтобы видеть, как она прижимается губами к уздечке.

В ушах громко звенит, кровь распирает вены.

Ее губы широко распахнуты для меня.

Еще немного.

Несмелое движение ладонью вверх и вниз.

Я уже практически разучился думать, и мое тело живет лишь на чистых инстинктах.

Под таким углом очень хорошо вижу, как она облизывает меня сверху, как острый язык смахивает пару капель влаги, как будто я долбаная конфета с густой начинкой.

В груди все горит, и я только через секунду понимаю, что просто, мать его, не дышу! Что моему сердцу не хватает глотка воздуха, чтобы продолжать биться дальше.

— Хочу кончить тебе в горло.

Александра выгибает спину от моей грубой откровенности.

Опускает голову, вбирая меня так глубоко, как только может.

Полные губы обхватывают меня, рвут потребность растянуть удовольствие. Не хочу тянуть, хочу глубже в этот невинный рот. Что-то совершенно тупое и первобытное долбит в затылок: «Она твоя, демон! Никто не трахал этот оухенный рот! И никто не трахнет!»

Чувствую, как упираюсь в ее скользкое небо. Увожу бедра, чтобы Александра смогла выдохнуть — и вхожу снова. Быстрее и резче, глубже. Она сглатывает, но берет все, только до адской боли вонзает ногти мне в бедро.

Мой Бермудский треугольник пошло думает о том, что хочет отдать мне ведущую роль.

Я все-таки благословлен, хоть и не знаю, за что.

Приходится опереться на вторую руку, чтобы не упасть, когда начинаю двигать бедрами ей навстречу.

Я матерюсь, как сапожник, ускоряя собственные толчки.

Она не сразу, но ловит ритм, прячет зубы за губами и громко дышит носом. Но в ее маленькой груди урчит похоть, разбуженная ощущением власти надо мной.

Опустить взгляд на нее — плохая идея. Потому что от одного вида скользящего между ее губами на хрен почти лопающегося стояка я окончательно «еду».

Покорная. Послушная. И все же — главная сейчас.

Если откажется продолжить — я буду валяться у нее в ногах, как щенок, и выпрашивать еще порцию в обмен на все звезды того и этого мира.

У меня зудит между позвонками, потому что я все-таки слишком сильно выгибаюсь назад, проталкивая член в ее горло так глубоко, как только возможно. И снова не способен дышать, потому что тяжело кончаю ей в рот. Раз и еще раз, и еще. Как будто делаю это впервые в жизни.

А когда она глотает, я понимаю — ни хрена мне не легче, мне еще хуже, чем было.

Мне мало.

Мне теперь всегда будет мало моего Бермудского треугольника.

Обхватываю Александру двумя руками, увлекаю за собой, потому что заваливаюсь на бок, почти уверенный, что моему бессмертию давно крышка, и через пару секунд сердце просто на хрен лопнет в груди. Тяжелые частые удары лупят по венам, как будто кто-то большой и сильный использует меня вместо музыкального инструмента, только вместо мелодичных звуков я то рычу, то хриплю.

Овечка поджимает ноги, пытается свернуться в комочек, так что приходится почти силой втиснуть колено ей между ног и осторожно переложить на себя.

— Что ты... — пытается отвернуться она, когда завожу волосы ей за спину, но непослушные пряди все-равно валяются с плеч.

— Хочу на тебя смотреть, — плотоядно улыбаюсь я.

Ее мысли настолько очевидны, что приходится уложить обе ладони ей на задницу и выразительно сжать, пока она не начинает пищать от негодования. Вот теперь, когда я привлек внимание своего Бермудского треугольника, самое время сделать внушение. Сейчас, после ее чумового рта, для этого не самое подходящее время, но Овечке нужна передышка. И я убежден, что разговор станет большим шагом к нашей дальнейшей благополучной половой жизни.

— Овечка, то, что ты сделала — это было просто охуенно, — говорю без обиняков и поглаживаю пальцем ее припухшие губы. В башку снова лезет образ ее невинного рта вокруг моего члена, и я с трудом держусь, чтобы не поерзать возбуждением об ее плотно прижатый живот. Одного только минета, даже такого классного, мне точно мало, чтобы утолить «голод».

— Я не очень хороша в этом, — хмурится она, косо поглядывая мне в глаза.

— И поэтому я кончил как пацан, героически продержавшись примерно минуту. — На самом деле для меня это действительно позор, но в тот момент я не хотел издеваться над своим членом, пытаясь сдерживаться и растягивать удовольствие. Вероятно, ни хрена бы не смог все равно. — Когда девушка «не очень хороша», — передразниваю ее угрюмость, — мужчина не хочет трахнуть ее рот так, словно это последний секс в его жизни.

— Ты в курсе, что женщинам не нравятся матерящиеся мужчины? — Вот теперь она смотри глаза в глаза и щурится, явно собираясь наставлять меня на путь истинный.

— Да ладно, правда? — Перекладываю ладонь ей на талию и фиксирую в одном положении, все-таки поддавшись искушению сделать несколько выразительных толчков. — Расскажи-ка мне, маленькая девственница, что там еще не любят женщины.

Она на полном серьезе открывает рот — и я нагло гашу ее попытки движением бедер, посылая член в район ее интимности, но не входя внутрь.

— Ну раз моя малышка сегодня не в голосе. — издеваюсь я, — то придется быть за нее. Так вот, Александра, о том, кому и что нравится.

Она на миг как будто «прозревает». С таким лицом таращится на мои губы, словно вот-вот достанет из-под подушки блокнот, волшебное перо и начнет конспектировать.

— Есть разные степени допустимого, Александра. Кто-то любит молчаливое сопение во время секса, кто-то мычание, кто-то размышляет о цвете потолков и о ремонте. Нельзя знать наверняка, какая у тебя степень допустимого, пока не попробуешь перешагнуть границы, установленные чьими-то предрассудками.

Она так очаровательно хлопает глазами, что хочется свернуть свое нудное философствование и просто насадить ее на себя, чтобы раз и навсегда покончить с девственностью и открыть для Овечки очень приятный мир под названием «секс с демоном искушения». Но, в конце концов, я же должен проникнуть в ее хорошенький мозг и испортить невинность пороком, иначе это будет и в половину не так интересно.

— Тебе не нравится, когда я говорю, что хочу трахнуть тебя? — Отталкиваю ее от себя, вынуждая сесть мне на живот. Александра влажно вздыхает, прикрывает глаза. — Овечка, я жду ответ.

Видно, она бы лучше еще раз вязла меня в рот, чем говорить о неудобных вещах, сидя на мне голом — голой. Но в том и суть искушения. Просто взять тело — это скучно, банально и давно «не вставляет». Поиметь мозг, вселить развратные фантазии, бережно вложить самые разнузданные мечты и потребности — в этом вся соль.

— Кажется... меня не пугают эти слова, — не очень аккуратно уходит от ответа моя женушка.

— Тебе не нравится, что я откровенно говорю о том, что хочу тебя?

Усложняем задачу: запускаю большой палец между ее влажными складками, надавливаю на сердцевину и еще раз, строго и требовательно повторяю вопрос:

— Не ответишь, Овечка — больше ни единого грязного словечка для тебя. Буду, блядь, цитировать сонеты Шекспира и говорить исключительно о твоём лунном лице и прочую высокопарную хероту.

Нажимаю чуть сильнее, чувствуя, как она буквально растекается по моей ладони.

Если вставить ей прямо сейчас, это будет просто идеально.

Но... сперва я изящно подготовлю к вторжению ее трезвый мозг. Будет ей то еще «двойное проникновение».

Глава тридцать пятая: Александра

Я не знаю, как говорить о том, чего хочу.

Как говорить о том, что само вертится в голове и щекочет кончик языка искушением: «Просто скажи — и получишь все...»

Откуда я знаю, что Локи сделает это «все» для меня? Потому что чувствую каждую его потребность, иногда так глубоко ныряя в темноволосую голову, что не хочется выныривать, потому что чужие мысли становятся собственными, а чужие откровенные фантазии становятся своей навязчивой идеей. Все это настолько глубоко внутри меня, что не хочется копаться в метафизике и искать корни «проблем» среди его умелого манипулирования.

Я стала женой демона искушения, и даже если он ведет себя, как свинья, невозможно не признать, что все в нем, от пальцев до макушки — чистый секс. И стоит лишь подумать о том, что его трогали другие женщины точно так же, как и я, гладили твердые мускулы и гладкую кожу — и грудь словно разрывает живущий внутри инопланетный монстр. Глупо ревновать к прошлому. Глупо вообще ревновать демона искушения!

Но... я все-таки ревную. Так сильно, что мне становится страшно.

— Глаза на меня, Александра, — снова командует этот тиран, и я проглатываю слюну, потому что хочу вцепиться в него зубами, чтобы не был таким... засранцем.

— Мне нравится то, что ты говоришь, — признаюсь, как перед судом.

— Тебе нравится, как я это говорю?

Пока я готовлю гневную тираду о том, куда бы ему пойти с идиотскими вопросами, Локи чуть сильнее потирает меня между ног, и от моей решимости не остается и следа. Не быть мне пафосной амазонкой, не рвать в клочья его терпение. Но разве так плохо быть просто маленькой женщиной, оседлавшей самого роскошного мужчину на свете?

— Это риторический вопрос? — ухмыляется демон, соблазнительно прикусывая нижнюю губу.

— Пошел вон из моей головы, — предлагаю еще раз, но сейчас это звучит совершенно безразлично, потому что, кажется, части меня приятно его вторжение.

— И не подумаю, Александра. Так приятно видеть, как ты даже сейчас хочешь облизать губы, чтобы еще раз вспомнить мой вкус. Хочешь, еще раз попробуем? Я бы умер с членом у тебя во рту, если бы у меня был выбор, как закончить свои грешные дни.

Хочу сказать, что он просто похотливый гад, но ловлю себя на том, что действительно облизываю губы и вспоминаю все, что делала с ним, и вкус на языке. Это было так... естественно и правильно, как будто именно так мы и должны были начать наши отношения. И не было никакого морального насилия, потому что я хотела этого — и он дал мне себя.

— Овечка, подумай так еще немного — и я буду готов кончить просто от того, как сладко ты думаешь, чтобы еще раз мне отсосать.

Он запрокидывает голову, немного выгибается в груди, и мои пальцы сами бегут вверх по натянутой шее. Есть что-то невыносимо-сексуальное в том, как этот мужчина смотрится на темно-синих простынях. Как его голова упирается в подушку, а зубы оставляют на губах красные полосы.

— Попроси меня поласкать тебя, Александра, мне нужно... — Звучит, как мольба.

Я перехватываю его руку за запястье, тяну вверх к своим губам. Локи распахивает глаза, и я сама не верю, что буквально раскаляюсь под его взглядом, облизывая большой палец, словно мороженое. Опускаю обратно, подталкиваю прикоснуться ко мне еще раз, сильнее и жестче. Почему-то не хочется ни милого, ни нежного, хоть мы оба точно знаем, что в эту ночь я точно пойду до конца. Страшно ли мне? Нет. Хотела бы я, чтобы это был какой-то другой, обычный мужчина, кто-то вроде Виталика или просто хороший парень? Нет, нет и нет.

На минуту мне кажется, что Локи продолжит и дальше издеваться, требуя озвучивать каждую мысль и желание, но он лишь ухмыляется и скользит влажным пальцем по моему клитору, подталкивая за бедра то к себе, то от себя. Выуживает из меня странный ритм, который мне нравится просто до одури. А как только я расслабляюсь и начинаю ловить остро-сладкую тяжесть внизу живота, вдруг поднимает за талию, опуская ниже так, что теперь я буду тереться об его член.

Жгучий стыд огнем опаляет щеки. Пытаюсь сбежать, но Локи крепко прижимает меня за бедра себе навстречу и обратно.

— Ты так меня хочешь, мой Бермудский треугольник, что я уже на хрен весь мокрый.

Хочет наорать на него, чтобы не смел так меня смущать, что это просто естественная реакция организма на то, что ему приятно, что именно так женское тело...

— Овечка, шли эти мысли подальше из головы! Ты меня хочешь, ты от меня течешь, у тебя голова кругом. На хуй медицину и физиологию. Давай, малышка, поймей меня, как тебе хочется. Вот он я.

Кажется, внутри меня сейчас громко срывается с тормозов газующий до самого предела гоночный болид. И где-то сзади остаются мысли о том, как должно быть правильно, и почему я не должна отдавать свою невинность такому, как Локи.

Есть лишь одна правда — я хочу именно этого демона. Именно сейчас и именно так. Без лепестков роз, без прелюдии длинную в вечность, без всяких признаний. Я хочу, как сейчас, потому что это настоящее — какое-то до безумия правильное и не наигранное.

Когда пытаюсь распрямиться на коленях, Локи больше не держит меня. Только медленно водит пальцами по моим бедрам, из-под прикрытых век наблюдая за моими попытками расположиться над его членом. Не торопит, но стоит мне скользнуть промежностью по влажной головке, вздрагивает, покрываясь мурашками. И это так... сексуально и по-настоящему, что я готова верить во что угодно, даже в ерунду о том, что такому, как он, может нравиться такая, как я.

— Тебе будет больно, Овечка, — вдруг сглатывает он, когда я готовлюсь опуститься. — Я бы хотел сказать, что не хотел быть тем, кто причинит эту боль, но это будет сраное вранье, потому что ты должна была стать моей рано или поздно. И ни с кем другим. Никогда.

И вдруг хмурится, как будто сказал что-то такое, что стало откровением для нас обоих. Я медленно опускаюсь на него. Мне не страшно. Мне вообще плевать, потому что Локи врезается пальцами мне в бедра — и его трясет, словно это и его первый раз тоже. Его артерия на шее вытягивается в струну, грудь часто поднимается и опускается, и я почти слышу грохот сердца, которое вдруг обрывается, когда я, прикусывая губы, резко насаживаюсь на всю глубину.

Это больно. Как будто раскололи надвое, проткнули, сожгли и воскресили.

Сжимаю зубы, отчаянно цепляюсь в каждый непрошенный крик, но Локи тянет меня еще ниже, хоть кажется, что больше принять я просто не смогу. Вбивается одним резким ударом, выколачивая из меня громкий стон и всхлипы. Его ладони держат крепко, не позволяя мне сделать ни единого движения.

— Александра, я, блядь, на хер, сейчас взорвусь!

Он такой злой, что туман растекается за пределы глазниц. Злой, взведенный, обездвиженный мною.

И во всем этом водовороте его мыслей я вдруг напрочь теряю и свою боль, и свой страх.

Мне нужно насладиться им — это единственное, что имеет значение.

— Хочу еще глубже, — мой совершенно развязный шепот.

— Не сдуреешь? — Локи скребет кончиком языка по чуть удлинившимся верхним клыкам.

Но ему не нужен мой ответ, чтобы рвануть меня вверх, словно я просто пушинка, и опять войти до самого конца. Несколько раз, быстро и методично, задерживаясь на секунду, чтобы оттянуть толчок до моего требовательного стога.

— В тебе так охуенно хорошо, Александра, — шепчет Локи, продолжая ударяться в меня все быстрее. — Долбил бы тебя всю ночь, как проклятый.

— Не молчи, пожалуйста.

Я сама тянусь к нему пальцами, как будто могу хватать его пошлости горстями и прятать в личную сокровищницу. Мой предел возможного, так он, кажется, говорил? Не хочу молчащего мужчину, тихого и спокойного, ласкового, как одуванчик. Хочу только этого, который ругается матом, говорит похабщину и не носит со мной, как с марципановой куклой.

— Кто-то распробовал грубости? — Он сгибает ноги в коленях, приподнимается, опираясь на одну руку, и жадно, кажется, до крови, кусает меня за губу. — Маленькая Овечка хочется быть грубо оттраханной? В жопу нежности, Александра?

Я дурею.

Мне нужно все это: целая лавина таких невыносимо порочных мыслей, что в них хочется заблудиться.

— Локи... — Тяну его за волосы, в ответ практически вгрызаясь в его рот. — Хочу с тобой... все.

Хочу вобрать его всего, сама тянусь бедрами навстречу, как будто этот демон — моя единственная ось, и если мы разомкнемся — я потеряю орбиту.

Наши движения теряют остатки плавности. Мы просто безумно рвемся в тела друг друга, словно дорвались до последнего в жизни лакомства. Я жмусь, чтобы спрятать слезы, потому что он убивает и воскрешает одновременно, прокалывает, протыкает, разрезает на части и наполняет до краев.

Локи звереет окончательно: ужесточает ритм, как будто от этого зависит его жизнь. Берет меня, словно свою вещь, владеет, подчиняет. А мне хочется просить еще и еще:

— Пожалуйста, пожалуйста... — Готова умолять. — Еще.

Он с шумом всасывает воздух, прижимаясь так, чтобы с каждым движением жестко надавливать мне между ног. Трение кажется таким невозможно грубым, но я хочу именно так. Клитор пульсирует, наливается кровью. Острое желание поймать заветный кайф заполняет грудную клетку мольбами и криками. Локи почти размыкает нас, я остервенело мотаю головой, до крови царапаю его напряженную крепкую спину, и в ответ он резко входит с грязным мокрым шлепком, вбиваясь в меня, словно берет лучшую в жизни неизведанную высоту. Простыня вспенивается вокруг наших влажных тел.

В пустоте комнаты оживают ритмичные терпкие шлепки, короткие проклятия, мои голодные мольбы и его сдавленное:

— Сожми меня сильнее, малышка... я весь твой буду.

Инстинктивно напрягаю живот и мышцы внутри, практически лопаюсь на кусочки, потому что чувствую каждый сантиметр внутри себя.

Локи вздрагивает, давит мне на плечо, буквально насаживая на себя, словно игрушку.

Мы так тесно друг к другу, что это последнее движение опрокидывает мою выдержку на лопатки.

Хорошо. Оргазм накрывает от смазанного движения пальцем у меня между ног.

Толчок, судорога, касание. Два громких стоны в унисон, звук рвущейся в кулаке Локи простыни. Мы цепляемся губами друг в друга, и под моими ладонями спина моего демона раздается вширь, словно крылья вдруг стали ему малы. В темноте комнаты позвонки горят, будто зажженные изнутри.

Не хочу останавливаться.

Не боюсь боли.

Готова взять еще столько же, лишь бы еще разок увидеть, как мой самый невозможный демон вот так же прикусит губу и спрячет взгляд за длинными ресницами.

Он глубоко дышит, медленно падает на спину, одной рукой ероша прилипшие ко лбу волосы.

Крылья раскинулись на всю кровать, голова расслабленно запрокинута, грудь поднимается так часто, что я чувствую себя щепкой на палубе корабля в штормящем море.

Локи поглаживает меня по спине и не сильно сжимает бедро одной рукой. И хоть я распласталась на нем, как морская звезда — голая и липкая — не хочется ни прикрыться, ни сбежать от стыда. Да я вообще вряд ли в состоянии пошевелить рукой или хотя бы пальцем.

— Александра? — Вторая рука Локи перемещается мне на спину, палец скользит по позвоночнику. — Ты спишь?

Я бы рада сказать, что мне совсем не спится, и что не буду его девочкой для тисканья и хорошего утреннего самочувствия, но мне так хорошо и тепло. И безопасно, хоть его ладонь очень недвусмысленно сжимает мою задницу.

— Не сплю, — сонно ворчу я. — И не усну, если и дальше буду лежать животом на... сучк

е

.

Демон издает ленивый смешок и перекачивается набок, устраивая меня у себя на плече.

Оплетается змеем — и не вырваться. Да и не очень-то хотелось, если быть честной.

— Овечка, я не отвезу тебя завтра домой, — слышу его шепот мне в макушку, и руки сжимаются так сильно, что становится тяжело дышать.

— Так и знала, что ты неисправимый лгун, — зеваю я, ворочаясь, чтобы получить немного свободы. Заодно как бы незначай устраиваюсь поудобнее, забрасываю ногу ему на бедро, и крохотная часть моей женской сущности радуется, что его член снова в боевой готовности и прижимается к моему бедру.

Локи что-то говорит, но я уже не разбираю ни слова. Кажется, это что-то о семье и о его матерях. Странно, что в множественном числе, но я подумаю об этом утром.

Глава тридцать шестая: Локи

Не знаю, что с моей головой, но спать не хочется совсем. Абсолютно, хоть таким довольным от секса я, кажется, давненько не был. И самое время растянуться на кровати и начинать придумывать, какой сорт шампанского выпить за победу, потому что пока моя Александра заходила в сладком оргазме, я на миг заглянул в нее глубже, чем обычно. И если то, что там увидел — не любовь, то я тогда вообще ни черта не смыслю в чувствах. С другой стороны — любви этой, мягко говоря, кот наплакал.

Но вместо того, чтобы придумывать коварный план по разжиганию искры до масштабов адского пламени, я валяюсь в кровати и — угадайте, что? Прячу нос в волосах Овечки,

впитывая ее удивительный запах, словно амброзию. Снова и снова, пока не понимаю, что это превращается в быструю неизлечимую зависимость.

Хорошо, что примерно в этот же момент в комнату ломится тварюшка, и в темноте спальни глаза цербера сверкают ядовито-оранжевым огнем. Наверное, он бы меня сожрал, если бы был немного крупнее, и со временем это точно станет проблемой, если я не покажу, кто из нас главный.

Со временем... когда Александра снова станет частью своего мира, а я останусь в Тени.

Эта мысль выгоняет меня из постели, вынуждает натянуть джинсы и прикрыть Овечку покрывалом. Пси́на тут же занимает мое место рядом с хозяйкой и настороженно топорщит уши, когда я пытаюсь поудобнее устроить голову Александры на подушке. Купил, блин, защитника на свою голову, сделал ей приятно, а себе — геморрой.

Плечусь на кухню, надолго «зависаю» над кофеваркой, пытаюсь найти логику в поступке, который не могу понять. Зачем пригласил Александру на «смотрины» к отцу и мамочкам? В этом нет смысла, потому что Создателью, как вы понимаете, она видна вся как на ладони. Он знает о ней все с первого вздоха и знает, что сегодня невинное создание перестало быть невинным благодаря его сынку-демону. Вряд ли это то, ради чего отец затеял весь этот цирк, и вряд ли он погладит меня по голове за порчу его «собственности».

Жужжащая мысль вьется вокруг меня, пока я готовлю кофе, и пристраивается на соседний стул за кухонной стойкой. И мысль эта о том, что я веду себя как идиот, думая, будто отец раздумает прибирать Александру к рукам, когда узнает, какая она умная, милая, добрая и, черт его дери, просто офигенная. И вообще, я бы не женился на пустышке даже ради спасения собственной жизни.

Глупо, да? Отец никогда не отдает свои игрушки, потому что это — его замысел и высшая воля, и каждая пешка приходит в игру с какой-то целью, даже если эта цель — стать проклятием его непутевого сына.

Понятия не имею, почему меня вдруг так жестко переклинивает, но видимо поэтому не сразу слышу звонок с ресепшена. Администратор из казино говорит, что ко мне пришел брат, и прежде, чем успеваю отдать распоряжения, на заднем фоне слышится короткая возня, звук удара и явный хруст костей. Каин, как я уже говорил, не любитель говорить и упраскивать. Брат выходит из лифта и окидывает брезгливым взглядом мою квартиру. Он успел сбрить бороду, немного подстричь волосы — хоть у него все равно лошадиная грива до самых лопаток — и сменил одежду на его любимые кожаные штаны и косуху. Даже странно, что в быту он не крутой рокер, а обычный трудолюбивый механик по сбору чумовых байков. По крайней мере, так было до того, как он улегся в гроб и уснул, кажется, лет на двадцать?

— Не обязательно избивать мой персонал, — говорю я, пока Каин сует ладонь под струю воды, чтобы смыть кровь с костяшек.

— Твоя охрана решила, что я не похож на старшего брата, и хотела вывести меня для фейс-контроля.

— И все равно это не повод лишать меня сотрудников. Знаешь, как тяжело в наше время найти людей, которые будут довольны зарплатой и не побегут сливать конкурентам все «особенности» работы моего казино?

— Ты меня разжалобить сейчас хочешь? — Каин хозяйничает около кофеварки, и по его виду понятно, что он не собирается гадать на своих двадцатилетних снах. — Что за херня у тебя на груди?

— Та же, что и у тебя.

— Локи, не надо загадками, ты же знаешь, я эту лабуду и недомолвки терпеть не могу.

Знаю и хорошо помню, что Каина практически невозможно вывести из себя, но те редкие разы, когда это случалось, в анналах Тени сохранились как времена больших... разрушений и рек крови. Согласен, что историки — большие любители приврать, но кое-что я видел собственными глазами, и, честное слово, в этот раз они лишь немного приукрасили действительность толикой глянца.

Каин ставит чашку, садится напротив меня и достает сигарету.

— Отец пообещал нам устроить «сладкую жизнь», помнишь?

Брат кивает. Как не помнить, если почти сразу после того разговора его жизнь пошла наперекосяк, и в итоге Каин добровольно опутал себя цепями — не только снаружи, но и

внутри — и отказался от реальности. Мутная история, и не мне ее рассказывать, так что остановимся на том, что мой старший брат не настолько «слеп», чтобы не помнить угрозы отца. — Моя жена и есть его угроза, — признаюсь я. — Она — смертная, и она предназначена нашему отцу, а если я за тринадцать дней не влюблю ее в себя, то распрощаюсь со своим бессмертием. Точнее, — мысленно загибаю пальцы, — теперь у меня осталось только восемь дней.

Каин курит и молча пьет кофе. Переваривает и как бы невзначай скребет ногтями по огненному цветку на своей груди. Кстати, они у нас разные, но похожи тем, что выглядят просто смешно на brutальных демонах.

Ну, ладно, может, я не такой уж brutal, особенно на фоне Каина, но не замечал за собой склонности мазать рожу косметикой и носить стринги.

— То есть ты просто почувствовал свою ... девчонку? — уточняет брат.

— Сначала я ее почувствовал, а потом уже появилась папочкина сверкалка на торсе. А у тебя, как я понимаю, все наоборот. — Знаю, что лучше бы об этом помалкивать, но не могу держать рот на замке. — Слушай, а может у тебя мальчик, а не девочка? В меде, где учится моя Овечка, точно была парочка подходящих.

Ну а что? Я же младший. Мне по праву рождения полагается злить и выстебывать старших.

— Скажи спасибо, что в твоей койке спит смертная, Локи, и вряд ли она поймет, если я поглумлюсь над твоим бездыханным телом. — Каин гасит сигарету прямо об столешницу и снова уводит разговор в старое русло. — То есть, если твоя смертная в тебя не влюбится, ты тоже станешь смертным?

— Так и есть. Суровая отцовская наука. — Вздыхаю, залпом допиваю кофе и добавляю: — Приходится вертеться, чтобы быть Хорошим Локи и даже симулировать любовь до гробовой доски.

Мои слова тонуть в коротком полу вздохе, и я так резко разворачиваюсь, что чуть не падаю со стула.

Это просто пиздец.

Александра стоит между книжным шкафом и торшером в моей рубашке на голое тело и громко стучит зубами, хоть в квартире совсем не холодно.

— Симулировать любовь, да? — повторяет мои слова, нарочно елозя языком по каждому звуку. — Зачем же так стараться? Я и так в тебя втрескалась. С первого взгляда, наверное. Звучит так искренне, что я сглатываю панику и готовлюсь заключить мой Бермудский треугольник в объятия, но...

— Верни меня домой, демон, — с той же бесцветной улыбкой говорит Александра, — раз уж я теперь полностью от тебя исцелилась.

Исцелилась?

— Ага, — читает в моих мыслях Овечка. — Отвращением.

Хотите, покажу вам аттракцион невиданного массового чтения мыслей? Вот прямо так, без подготовки скажу, о чем вы думаете?

Готовы?

«Локи, ты дол-бо-ёб!»

Если я где-то немного ошибся в формулировке, спишите это на статистические погрешности и на расстояние, которое моему ментальному заряду пришлось проделать, чтобы проникнуть в ваш мозг.

Если честно, понятия нее имею, откуда в моей башке взялась мысль о симуляции любви.

Откуда я вообще придумал такую идиотскую формулировку?

Каин смотрит на меня, как на говно. Овечка смотрит на меня как на говно, и только цербер смотрит на меня, как на потенциальный завтрак, хотя лучше бы смотрел, как на говно.

— Если ты думаешь, что я поверю хоть одному твоему слову, Локи, то среди нас троих не я одна страдаю помутнениями рассудка.

Это ответ Александры на мою попытку подойти к ней. Хрен знает, зачем это сделал и почему возомнил, что, стоит протянуть руки — и Бермудский треугольник вернется в мои теплые объятия. Бля, а ведь у меня руки до сих пор пахнут ее кожей, и запах волос, которым я так и не смог надышаться, настырно лезет в ноздри, заставляя рвано кромсать дыхание.

Пока мы стоим и смотрим друг на друга, Каин делает морду кирпичом, допивает кофе и тихо сваливает. А я продолжаю смотреть на мою Овечку — и в голове бьется только одна мысль: как, ну вот КАК я мог так облажаться?

— Что это за суровая отцовская наука? — повторяет она до боли знакомые мои же слова.

Получается, она слышала не только последнюю фразу, но и кое-что до нее, но вряд ли успела поймать ту часть, где я рассказываю брату о ее «особом предназначении» для моего отца. Это хорошо. Было бы очень хреново, если бы Александра узнала, что и муж у нее — козлина, и тесть — жопа.

— Просто я...

Овечка не дает продолжить: наставляет палец мне в нос и очень холодно, прямо до подпрыгнувших мне в мошонку яиц, предупреждает:

— Даже не смей мне врать. Теперь я пойму, Локи. Теперь я тебе мозги поджарю, если хотя бы заподозрю, что ты снова меня дурачишь. Или в обмен на свою невинность не заслуживаю даже такой малости, как правда?

— Уверена, что не хочешь изменить решение? Твоя невинность бесценна, и я бы на твоём месте затребовал больше.

Александра устало роняет руку, но продолжает держаться на расстоянии, стоит мне хоть подумать, чтобы придвинуться к ней ближе. Не преувеличивала, когда сказала, что теперь может превратить мои мозги в пережаренный гуляш. Наверняка у этого прорыва есть логическое и почти научное объяснение, но сейчас я не готов заниматься выводением сложных теорий. Мне просто нужно заграбастать свою Овечку, завернуть ее в одеяло, перевязать шелковыми лентами и держать в тепле и покое, пока из нее не выйдут бесы, и мы сможем нормально поговорить.

— Даже сейчас ты не можешь быть серьезным, — обреченно шепчет Александра.

— Хорошо, что ты хочешь, чтобы я сказал? — Точно не правду, поэтому мне приходится тщательно упаковывать свои мысли в негорючие шкафы и прятать от моего личного Мозгового шторма. — У отца со мной уговор: я должен соблазнить невинную смертную за... определенное время. Я же демон, это мое ремесло.

Овечка смотрит очень внимательно, несколько раз глубоко вздыхает — и мне кажется, что ее касания внутри моих мыслей становятся такими же обреченно-меланхоличными, как и ее лицо сейчас. Она пытается мне не верить, но вы же помните, что я — Локи Выдумавший обман.

Когда я хочу соврать — очень хочу — раскусить меня может только отец. Маленькая невинная Овечка, даже если она может поймать мой мозг, все равно и близко мне не соперник в искусстве притворства.

— Тогда, наверное, тебя можно поздравить, Локи. — Александра кивает на мою грудь. — Ты выиграл свой уговор.

Машинально кладу руку на то место, где должен быть дурацкий «орден-цветок»... и вдруг понимаю, что кожу словно выжигают изнутри. Горит так сильно, что судороги по телу волнами, и бросает то в жар, то в холод. А через пару секунд все заканчивается, как будто мне дернули больной зуб.

Больше нет никакого цвета, и намек на него не осталось.

«Я и так в тебя втрескалась. С первого взгляда, наверное»,

— повторяю в уме ее слова.

Мне бы радоваться, ведь теперь моему бессмертию ни хрена не угрожает, но вот ни хера не хочется улыбаться. Да и какая в жопу радость, когда у Александры такой вид, будто над ней поглумилась вся Тень.

Глава тридцать седьмая: Александра

Мне плохо.

Мне так сильно плохо, что хочется отыскать в этом проклятом втором мире существо, которое может вынуть душу и затолкать на ее место кусок асфальта. Наверняка здесь есть такие. Вряд ли мне посчастливилось стать первой и неповторимой «жертвой» циничного соблазнения. И чем я только думала? Где была моя голова?

Но и это не самое паршивое.

Можете считать меня дурой, но все же винить Локи как-то... странно что ли. Он не скрывал, что демон и питается тем, что имеет женщин. Он прямо говорил, что его интересует только секс. Даже в лоб об этом заявил. Он всегда смотрел на меня только как на говорящее тело и не клялся в любви до гроба. Поэтому взваливать на него вину за свою глупость — все равно, что обвинять кота за то, что он слопал спящую в его миске мышь.

Сама виновата, Саша, самой и расхлебывать, но точно не здесь.

Нервно стаскиваю с пальца кольцо: оно почему-то врезалось в кожу, хоть раньше было в самый раз. Получается только с третьей попытки, но зато когда справляюсь с задачей, то от всей души и злости швыряю его куда подальше.

— Александра, остынь, — спокойно предлагает Локи. — Ты... вымоталась, кажется?

— Да ради бога, Локи, называй вещи своими именами: у нас случился секс, я больше не невинная — и ты думаешь, что в честь такого события мне полагается заглотить упаковку обезболивающих, построить печальную мину и сутки трупом лежать в постели. Знаешь, что? Это все хрень собачья! Девственная плева — не отпиленная нога и не порванная селезенка. Это... молочный зуб! Рано или поздно он все равно выпадет, но еще ни один ребенок не скончался от этого в болезненных муках.

Локи потирает лоб и бормочет:

— Ты сейчас такой... невыносимый медик, Овечка.

— Верни. Меня. Домой. — По словам говорю я, и судя по тому, как демон морщится, мое «говорю» близко к «ору». — Я не лягу в твою проклятую постель, мне не нужно «полежать от женского недомогания», мне просто нужно больше никогда тебя не видеть.

Локи внимательно на меня смотрит, и мне кажется, что кости внутри него начинают слабо пульсировать желтым огнем. Нужно просто перестать так остро реагировать на мужчину, который совсем не стоит того, чтобы я теряла от него голову. Даже если я уже ее потеряла.

— Ты абсолютно уверена, что

настолько

сильно не хочешь меня видеть, что даже не можешь подождать до утра? — переспрашивает он.

Иду к окну и пару раз плашмя бью ладонью по стеклу.

— Там всегда только ночь. Даже если это утро, или день, или вечер — в твоем мире всегда ночь. Так какая мне разница, в какой из часов ночи уходить от того, что мне противно?

Демон как будто ждал чего-то такого. Пересекает гостиную широким шагом, хватает меня за локоть — и я чувствую звон в ушах, как будто меня оглушило реактивным двигателем. На мгновение перед глазами все смешивается в разноцветный водоворот, но когда хаос снова обретает гармонию, я понимаю, что стою посреди своей комнаты в общежитии, где стол все так же завален учебниками и конспектами, а на спинке стула висит моя пижама.

Выдергиваю руку из пальцев Локи и зачем-то говорю:

— Я переоденусь и верну тебе рубашку.

Он резко мотает головой, поворачивается — и просто исчезает.

Вот и хорошо, и никаких долгих слез, и прощаний.

А пореветь я и так могу. Вот прямо сейчас, только забьюсь в самый пыльный уголок.

Обычно меня тяжело пробить на слезы. То есть вот вообще. Даже если мне очень больно — а в моей жизни случались случаи, когда в самом деле было действительно больно — у меня получается закусить губы и держать глаза сухими. А сейчас, сидя в уголке между кроватью и тумбочкой, я просто реву и не могу остановиться. Да и не очень хочется, потому что если боль нельзя вырвать, то можно попытаться хотя бы выплакать ее и выкричать.

Но самое неприятное то, что я до сих пор в его рубашке, и когда хочется орать так сильно, что саднит горло, я прикусываю кончик воротника, чтобы от натуги не скрипеть зубами. И мгновенно в ноздри «бросается» знакомый приятный запах. Срываюсь на ноги, бегу к столу,

хватая ножницы, чтобы срезать ткань прямо с себя и очиститься... и снова сползаю на колени. Из всех сил заворачиваюсь в темный шелк и кульком укладываюсь на холодный пол. Если очень постараться, я точно смогу уснуть. А утром резь от заплаканных глаз напомнит, какая я все-таки дура, и что даже маленькие дети не плачут по выпавшим молочным зубам. Когда открываю глаза, на улице уже светает, и я так замерзла, что трясусь на полу, хоть во сне это была какая-то унылая поездка в телеге по ухабистой дороге. Тело ломит и между ногами тянет так сильно, что приходится буквально заставлять себя, чтобы подняться и размять затекшие суставы. Холод в комнате зверский — наверное, в общежитии снова выключили отопление из-за очередной аварии. Почти привычная ситуация. Еще и вода в душе еле теплая, но я все равно сижу там долго, благо, больше нет желающих.

Когда возвращаюсь в комнату, первым делом замечаю, что в ней стало подозрительно мало места. А все потому, что на диване лежит гора вещей, на столе — несколько коробок. Совершенно точно уверена, что сейчас не зима, а я, хоть и учусь на «отлично» — точно не в списке Тайного Санты.

Хотя, кто тут хозяйничал, сразу понятно, потому что на столе рядом с коробками лежит моя сумка и телефон, а около тумбы стоят старенькие, но такие любимые ботинки. В коробках обувь и белье, то самое, что я зареклась одевать, как только развратные девицы в Тени попытались меня в него всунуть.

Стоп.

Кладу ладонь на шею, вспоминая, что Локи точно не снимал с меня ошейник. Толстого кожаного ремня действительно нет, зато есть бархатная ленточка. Поворачиваюсь к зеркалу, чтобы получше рассмотреть кулон. Это ярко-голубой камень, длинный и слегка шершавый, как будто подсвеченный изнутри.

Подарок У тоже на месте, но вот он как раз ни капли не изменился.

Минут десять я трачу на то, чтобы избавиться от украшения, но это точно какая-то мистика, потому что простую на вид ленту не разрезать ножницами и не срезать ножом. Можно, конечно, попробовать ее поджечь, но я не настолько обезумела от злости, чтобы вместе с ошейником заодно сжечь волосы и лицо. Ладно, в конце концов, посмотрится симпатично, чего уж там. Я приду в себя, успокоюсь и подумаю, как можно избавиться от метки Локи.

Окидываю взглядом все, что демон приволок. Много. В мусорные пакеты не влезет.

Достаю из шкафа простыню, расстилаю на полу и сгружаю все добро. И даже сердце не ёкает, потому что мне и раньше-то все это было не нужно, а теперь и подавно. Хорошо, что телефон и сумка тут — там у меня конспекты и все контакты, да и на новый девайс все равно нет ни копейки лишних денег.

Приходится придавить «подарки» коленом, чтобы кое-как связать углы простыни. С трудом вытаскиваю куль в коридор, стучу сразу в несколько соседних комнат и громко кричу: — Атракцион невиданной щедрости! Кто первый взял — того и шмотка.

Кто и что возьмет — мне вообще плевать. Перебрасываю сумку через плечо и бегу в институт, по пути надеясь, что мои предыдущие заслуги мне зачтутся — и я не получу серьезный нагоняй за пропуски.

Глава тридцать восьмая: Александра

К счастью, репутацию умницы, которую я наработывала целых три года, хоть раз, а все-таки пригодилась. Приходится сказать куратору, что мне пришлось срочно уехать по личным делам, и она понимающе кивает, тут же напоминая, что поговорит с преподавателями, чтобы те вошли в мое положение, но все «хвосты» придется сдать. Я готова хоть сейчас с головой нырять в учебу, потому что это единственное, что может меня отвлечь.

После занятий я еще два часа сижу в студенческой библиотеке, готовлю конспекты к сдаче, а в голове то и дело шелкает «звоночек»: я ведь теперь, вроде как... замужем? Или это тоже была фикция?

Хорошо, что ЗАГС не очень далеко от места, где я грызу медицинский гранит науки — успеваю пройти за полчаса. Там та самая женщина, которая нас расписала, и от нехорошего предчувствия у меня внутри сворачивает холодный узел. Она смотрит на меня, как на больную, когда прошу показать мне запись в журнале регистраций, но почему-то идет навстречу. Я брякаю, что недавно перенесла черепно-мозговую травму и иногда у меня случаются провалы в памяти, а свидетельства на руках у меня нет.

— Оно у вашего мужа, девушка, — снисходительно-высокомерным тоном напоминает тетка все в том же костюме, что и несколько дней назад. И снова добавляет: — Развод только через месяц после подачи заявления.

— Хорошо, — не спорю я. — Дайте мне форму, я заполню.

Она дает, но делает все, чтобы я почувствовал себя бестолковой вертихвосткой, у которой задница живет отдельно от головы. Как будто мне не плевать на «авторитетное» мнение этой явно неудовлетворенной жизнью бабенки.

Дальше — самое неприятное.

Моя работа в библиотеке, где я, по милости Локи, не появлялась несколько дней. И тут уж «начальство» имеет меня по полной. Хорошо, что я так вымотана собственным самоедством, что нет сил вставить даже слово поперек. Просто киваю и соглашаюсь, что я: безалаберная, безответственная и возомнила себя незаменимой. Вообще, на такие деньги и такой объем работы — бесконечное заполнение формуляров фиктивными чтениями, например — вряд ли много желающих. И я не так далека от истины, раз после отменной головомойки директриса «милостиво» разрешает мне приступить к своим обязанностям, но до первого «залета».

К концу рабочего дня в библиотеке появляется... Виталик.

Идет ко мне с видом человека, которому я должна так много, что лопнул бы и Швейцарский банк, так что я на всякий случай делаю вид, что пыльный том по мифам древней Греции — единственное, что меня интересует.

— Ты назло что ли? — без вступления набрасывается он.

— И тебе «добрый вечер», — не отрывая взгляда от заполнения читательского вкладыша, говорю я. — Хочешь что-то почитать?

Виталик грубо захлопывает книгу у меня перед носом. Я вдыхаю облачко пыли и громко чихаю.

— Что такое, Сашка?

— Хороший вопрос, — отзываюсь я и как прилежная школьница укладываю руки на стол.

Смотрю на него — и, увы, понимаю, что поезд давно ушел. Даже вспоминать не хочу, что мы раньше были вместе. Как будто в другой жизни случилось. — Не помню, чтобы давала тебе право лезть ко мне с личными вопросами после того, как ты официально ушел, потому что наши отношения себя изжили.

— Ты это придумала.

Со вздохом напоминаю ему наш последний неприятный разговор, но Виталик не теряется и тут же припоминает визит «моего ухажера». Даже забавно, что говоря это, потирает то челюсть, то плечо.

— Мои, как ты выразился, ухажеры, больше не твоя проблема, Виталик.

— Я думал, ты умнее и не поведешь на бабло, — не скрывая отвращения, заявляет Виталик.

Пожимаю плечами, отвечая совершенно безразличной улыбкой. Пусть думает, что хочет.

Но Виталик явно ждал покаяние, потому что мое нежелание извиняться выбивает его из намеченного плана. Иначе откуда эта растерянность?

Минуто потоптавшись на месте, Виталик меняет стратегию: опускается напротив меня на корточки, заглядывает в глаза и еле слышно шепчет:

— Ну, Сашка, подулась — и хватит. Я тебя люю, ты же знаешь.

Хочу предложить ему подарить это «люю» кому-нибудь другому, но знакомый голос перебивает мои мысли.

— Люю? — Локи лениво вышагивает по тусклому коридору между рядами столов. — Ты серьезно только что сказал эту херню моей жене?

Что ж, в одном Локи нельзя упрекнуть: он умеет эффектно появиться и уложить собеседника на лопатки одной точной фразой.

— Жену? — бормочет Виталик.

— Ага, — хищно скалится демон. Он снова в человеческом облики, но мне кажется, что вокруг глазниц все равно мелькают серые туманы. — Мою жену, Александру Черных. Скажи, что ты пришел поздравить ее с этим радостным событием и, может быть, я сохранила на твоей грядке стручок и помидоры.

Наверное, у меня что-то не в порядке с головой, раз после всего, что Локи со мной сделал, я рада его видеть. То есть как рада. Считаю, что он появился вовремя и избавил меня от необходимости объясняться с Виталиком, потому что даже не знала, с чего начать. А просто так еще раз отшить — он бы понял? Что-то мне подсказывает, что мы с Виталиком классический случай отношений, когда друзьями быть не получится.

— Это шутка? — Витали немного пятится, потому что Локи уже стоит вплотную и смотрит на него точно не с обожанием. Наверное, с таким лицом люди рассуждают о том, какую часть тела оторвать и куда ее запихнуть, чтобы стало понятно раз и навсегда.

Черт, мне же должно быть все равно! Я не его собственность. И я даже написала заявление на развод, выставив себя полной дурой, так что переигрывать теперь будет просто смешно.

— Это не шутка, — говорю спокойно. Открываю книгу, прячу в «карман» заполненный формуляр и беру тяжелый том двумя руками. Встаю. — Ну вы тут поговорите о своем, о мужском, а мне некогда — у меня работа.

Не смотреть на Локи. Не думать о том, что ему идет тонкий свитер под модной курткой, и что у него кольцо на пальце, как будто это что-то значит. Как будто это что-то значит для него

Мне очень хочется послушать, о чем будут говорить эти двое, но я усилием воли заставляю себя идти в самый конец зала, чтобы поставить книгу на ее место на полке. Нарочно задерживаюсь, чтобы перевести дух и собраться с силами. На всякий случай еще раз тяну бархатную ленту с шеи — и ничего. Плохо, потому что если он и здесь, в моем мире, может слышать мои эмоции и мысли, то мне ни за что его не обмануть. А больше, чем поцеловать Локи, мне хочется разве что от него избавиться. И вернуться к своей правильной студенческой жизни без потрясений и развратных демонов.

— Ну и долго ты будешь здесь прятаться? — слышу вкрадчивый бархатный голос над головой и вздрагиваю от неожиданности.

Откуда он... Ну да, это же Локи — этот демон умеет перемещаться во... где бы там ни было, в мгновение ока, бесшумно и непредсказуемо.

— Я здесь работаю, если вдруг ты еще не понял. — Зачем-то тянусь к полкам на самом верху, чтобы снять совершенно ненужный том с историческими очерками профессора со смешной фамилией.

Локи стоит сзади и тянется за мной следом. Успеваешь поднять руку выше моей, и я как раз хочу ее одернуть, но демон просто обвивает пальцами мое запястье и вжимает в стройный ряд выцветших корешков. Он так близко, что воздух между нами становится очень горячим. И почему-то хочется, чтобы прижался сзади.

Мысленно скреплю зубами и хочу вырвать руку, но демон держит крепко.

— Я спать не могу, — признается он спокойно и немного глухо куда-то в воздух у меня над правым виском.

— Овечек посчитай, — огрызаюсь я.

— Я посчитал и понял, что достаточно одной. — В его голосе слышится ирония.

— Ну вот и иди к ней. — Как будто я не понимаю, что речь обо мне.

— Ну вот и пришел, — охотно соглашается Локи.

Он все-таки дает мне повернуться, но пока я пытаюсь думать, как бы сбежать и не растерять остатки гордости, успевает «захлопнуть» в ловушку своих рук, ставя их по обе стороны моих плеч. Я все жду, что он начнет первый, но Локи просто молчит, и напряжение становится таким плотным, что его можно резать ножом на маленькие кусочки. И чем дольше ничего не происходит, тем сильнее я волнуюсь: колени дрожат, в животе так тянет, словно это он гладит меня ладонью, обещая продолжение вчерашней ночи.

Хватит, Сашка! Возьми себя в руки.

— Пришел на меня посмотреть? — С трудом, но все же поднимаю взгляд. В серых глазах одна сплошная тайна: о чем он там думает? Пытаюсь мухлевать и лезть ему в голову, но Локи медленно качает головой.

— Не надо, Александра, не сейчас.

— Почему? Боишься, что я узнаю еще какое-то из твоих... пари? Может, тебе нужна кровь девственницы для ритуала? Так я дам, только палец проколю. — И тут же «вспомнив», щелкаю пальцем у него перед носом. — А, прости, крови девственницы уже нет. Ищи другую, только маленький совет на будущее: прежде чем распускать язык, убедись, что она глухая. А еще немая и слепая.

Почти уверена, он сейчас выдаст порцию очередных шуточек, все сведет к словесным перепалкам, которых мне уже не хватает, хоть прошло меньше суток, и я пообещала себе быть неприступной скалой, несмотря ни на что. Хотя, кому я вру? Не могла я такого обещать, потому как была уверена, что больше никогда его не увижу.

Но демон совсем не в настроении улыбаться.

Наоборот — с громким хлопком лупит ладонью по книгам — и мне кажется, что стеллаж заметно качается от такого «рукопожатия».

— Я правда... не могу... без... тебя, — проговаривает с такими паузами, словно перед каждым словом ему необходима порция кислорода.

— А я без тебя правда могу, — не раздумывая, не анализируя, огрызаюсь я.

Он же демон искушения, что ему стоит снова навешать лапши на уши такой, как я? Он меня потому и называет Овечкой: прямое свидетельство его мнения о моих умственных способностях. Жаль, что все это я понимаю только сейчас. Ну ничего. В конце концов, это был не самый плохой способ лишиться невинности в двадцать лет. По крайней мере, я не возненавидела весь мужской род еще от Адама.

— Александра, перестать думать, — молит Локи.

— С удовольствием, только убери руки и не мешай мне работать.

— Мне не нравится, что ты сидишь в этом холодном клоповнике, — неожиданно заявляет он. — В могиле теплее. Поверь, я знаю, о чем говорю.

— Поверь, я знаю, что мне плевать на твое «не нравится», — переиначиваю его слова.

Мне бы сбежать, но Локи пресекает попытку, перехватывая за плечо как раз, когда пробую прошмыгнуть в лазейку у него под рукой. Довольно грубо, как собственник прижимает меня всем корпусом к полке, и я перестаю дышать, чтобы не пускать в легкие отравленный его запахом воздух.

— Это не честно, знаешь? — смотрю в его совершенно почерневшие глаза.

— Что именно, Овечка? — Локи наклоняется к моему лицу, вынуждая дышать с ним одним на двоих воздухом, и грудь обдает острым желанием просто вытянуть руки и обвить его шею крепко-крепко.

Но я медик, и у меня всегда под рукой скальпель, пусть даже воображаемый. Самое время пустить его в ход: отсечь все то, что тянется к обманщику, вырезать свою большую и ненормальную любовь, чтобы начать с чистого листа. Я для него просто еще один трофей, возможно, сбежавший до того, как хозяину надоело им любоваться, и все эти взгляды и хриплый голос — просто азарт.

Я беру себя в руки, улыбаюсь, хоть скулы сводит от натуги, и говорю:

— Не честно пользоваться тем, что ты больше и сильнее, и я просто физически не могу дать тебе отпор, выдавая это за мое предающее тело. С моим телом, демон, все в порядке. Оно благодарно за мастерски вырванный молочный зуб, но я больше не нуждаюсь в твоих услугах. Удар кулаком по книгам — и старые пыльные тома летят нам на головы, словно ковравая бомбардировка.

Успеваю обнять Александру, чтобы принять все удары на свою дурную голову. Вот знал, что мне нельзя злиться, а завелся с пол оборота. Все потому, что сначала всю ночь выхаживал по квартире, потом шатался по Тени, потом строил планы, как верну свой Бермудский треугольник в мою систему координат. А когда явился к ней с полной уверенностью, что мы хотя бы сможем нормально поговорить, наткнулся на ее бывшего хлыща. Хотел ему трусы на башку натянуть, но ограничился парой крепких затрешин. И без нежностей, как в прошлый раз, потому что он как-то слишком быстро забыл, что эту девочку трогать нельзя. И думать о ней тоже. И даже просто дышать с ней рядом. Я бы его вообще на хрен на Луну вышвырнул, но я же не Каин.

Впрочем, есть одно хорошее в том, что я устроил отменный бардак в библиотеке: пока книги падают и падают, Александра притихла и дает мне защитить ее хотя бы от этой малости. Правда, как только все заканчивается, и мы стоим в облаке пыли, начинает громко чихать и вырывается на свободу.

— Господи, — она шокировано осматривается по сторонам. — Что ты наделал?

Честно говоря, не такой уж кошмар, если разобраться.

— Я вспылел, — говорю в ответ на ее бешенный взгляд. — У меня случаются припадки немотивированной злости в ответ на немотивированную глупость.

— Уходи, Локи! — Овечка тычет пальцем в сторону выхода. — Золушка не пойдет на бал, потому что будет перебирать кукурузу и чечевицу! Всю ночь!

Ухмыляюсь и подбираю несколько книг, формируя из них стопку.

Не поверите, но секса в библиотеке у меня еще не было.

Есть особая прелесть в грозно сопящей женщине. Особенно когда она такая злая, что от одного взгляда пробирает дрожь и хочется завалить еще пару полок — и хрен с ними, с книгами.

Кстати говоря, парочку имен на корешках я знаю лично: уверяю, были теми еще засранцами, даром что именитыми. И их бы точно не смутило, что один демон и его Овечка решили устроить секс на плодах научных изысканий.

Но я держусь. Из последних сил, конечно, а что поделать?

Я верну ее домой. Позлился немного, а потом вдруг понял, что мне так хреново, что тянет обнимать цербера и рассказывать ему о своей непутевой жизни. А вот такой клиники у меня еще не было.

Наверное, вам интересно, что я тут делаю? Почему изображаю из себя выючное животное, помогая устранять последствия мной же устроенного беспорядка? Ведь моему бессмертию больше ничего не угрожает, и можно продолжать вести беспутный образ жизни.

Честно? Вот положи руку на свое демоническое сердце?

Мне плохо без нее. Я ни капли не врал, когда сказал это Овечке, а демону, который питается обманом, поверьте, совсем непросто говорить правду. Примерно, как пытаться пропеть арию с полным ртом воды. Ну то есть, это можно сделать, но только жопой.

Я вообще дал себе обещание больше никогда ей не врать.

Одно из многих обещаний, которые успел высечь на воображаемом камне, пока неприкаянным шатался по квартире и по Тени и не мог понять, как я мог так влипнуть и почему мне плевать, что, возможно, моя жизнь споткнулась об эту мелкую рациональную малышку в очках.

А потом, когда с тоски доедал вторую порцию ванильного мороженого, меня как обухом огрело, что пока я не очень по-демонски зажираю тоску, моя Александра черте где и — главное! — она до сих пор принадлежит моему отцу. На какое-то время мне показалось, что уже опоздал, и когда вернусь в серый мир, найду только унылое надгробие над свежей могилой. Помните, я рассказывал, что мне довелось полежать в гробу?

Так вот: одна только мысль о том, что Александра больше никогда не улыбнется мне, не зыркнет своими огромными глазищами, не скажет какую-то очень научную и очень неромантическую ерунду из своих учебников — была во сто крат хуже, чем те месяцы. А это, поверьте, точно самые отстойные ощущения за всю мою двухсотлетнюю жизнь.

Поэтому я ходил за моей Овечкой невидимой тенью и присматривал, чтобы на нее не упала даже тень. Будь моя воля — спрятал бы под колпак, как Чудовище свою Розу, но моя Роза, чего доброго, еще и накостылять может за покушение на ее права и свободы.

Она у меня такая, да.

Свободолюбивая.

И моя.

— Прекрати тарашиться на мой зад, — ворчит Овечка, хоть я, клянусь, просто задумался. Может, взгляд сам сполз, потому что — сами посудите — как не смотреть на такую отменную филейку? Особенно когда точно знаю, как классно она ощущается в руках, и как охуенно шлепается об мой пах, когда мы трахаемся.

— Хватит ущемлять мою демоническую сущность, Александра, — подстраиваясь под ее тон, отвечаю я.

Овечка закатывает глаза, фыркает и топчется около лестницы, по которой нужно подняться, чтобы поставить книги в самый верхний ряд. И мы оба понимаем, что как только она это сделает, ее задница будет перед моими глазами, словно на витрине.

— Вот! — Александра торжественно вручает мне стопку книг и подталкивает к лестнице. — Ты выше, ты вроде мужчина, хоть и засранец — тебе и штурмовать Эверест!

— Что значит «вроде»?

— Быть носителем причиндалов не равно быть мужчиной, — философствует этот очкастый Кант, и от желания поучить ее покорности у меня снова зверски чешется ладонь. Делать нечего: лезу вверх. Расставляю книги, хоть дурацкий стеллаж заметно качается. Хотя, не такая уж плохая идея влезть вместо нее. Потому что, пока я играю в архивариуса, глотая вековую пыль, Александра забывает, что я все еще могу шастать в ее мыслях, как у себя дома. А в эту минуту она думает о том, что хочет укусить меня за задницу.

— Могу штаны снять, Овечка, — посмеиваюсь, нарочно не отрываясь от работы. Если гляну на нее и увижу, что она меня хочет, то точно не сдержусь. А секса в библиотеке у меня, как вы помните, еще не было, и это слишком большое искушение.

Александра издает рычащий звук и протягивает мне еще стопку книг.

Примерно через час мы наводим красоту — и Александра, отряхнувшись от пыли, возвращается в зал.

— И не скажешь «спасибо»? — бреду за ней, теперь уже откровенно тарашась на пятую точку.

— За что именно я должна поблагодарить? За то, что устроил беспорядок, или за то, что помог его убрать?

Александра обходит стоящую рядом гору старых книги, случайно цепляет ее бедром — и чуть снова не устраивает погром. От злости сжимает кулаки, а мне хочется просто смотреть и смотреть, и смотреть.

— Что? — прищуривается она. — Нравится смотреть, какая у тебя неуклюжая бывшая жена?

— Хрена с два бывшая, — легко отбрываю я.

— Интересно посмотреть, каким образом ты мне помешаешь? Знаешь, в этой стране еще есть закон. — Она деловито вскидывает палец и снова задирает нос. — Даже если ты откажешься, после двух твоих нет и двух моих «да» на третий раз нас разведут автоматически.

Кстати, я и не был в курсе, потому что, как вы помните, изначально женитьба не входила в мои планы.

— И как часто я могу говорить «нет»? — прошупываю почву.

— Раз в месяц, — посмеивается она.

— Оу, ну... знаешь... Три месяца — это хороший срок.

— Срок для чего?

— Думаешь, я вот так взял — и вскрыл карты? — Подмигиваю ей и быстро перевожу тему. — Есть хочу. Пойдем ужинать?

— У меня с собой бутерброды, демон, мне и так неплохо.

Готов поспорить, что сейчас она чувствует себя хозяйкой положения, и хрен знает почему, но мне это нравится.

Глава сороковая: Локи

Конечно, ни в какой ресторан я не иду. Просто сажусь за стол напротив Александры и всем видом даю понять, что если она вот прямо сейчас не даст мне кофе из термоса, я скончаюсь в страшных муках.

Она пытается сделать вид, что ей все равно, но, в конце концов, сдается и с вымученным стоном протягивает мне один из двух завернутых в фольгу бутербродов и дает пластиковый стаканчик с кофе. Кофе — растворимая дрянь, но из рук Овечки я возьму все.

Знаете, что самое странное?

Она не пытается вытурить меня. Не размахивает перед носом руками, не кричит, что я гад ползучий и у меня член вместо головы, не пытается согнуть в бараний рог, доказывая, как я был не прав, обманув ее. Она просто сидит на своем стуле, с аппетитом жует бутерброд, пьет поганый кофе и увлеченно пишет конспект. Как будто я вообще не существую.

То есть, она абсолютна адекватна, я бы сказал. А уж за двести лет я поднатерел в женских истериках.

Единственное, в чем она была предсказуема, так это в том, что раздаст мои подарки. Но это классика жанра.

В общем, Овечка спокойно делает свои дела, иногда напевая что-то под нос, потом собирает вещи, и я просто иду за ней.

— На метро ты не поедешь, Александра, — говорю, когда она окидывает взглядом мою, уже знакомую, ей машину. — Это не обсуждается.

— Да я и не собиралась. — Мой Бермудский треугольник пожимает плечами и ждет, пока я помогу сесте ей на заднее сиденье.

Как соблазнить женщину, которая не дергается, не кричит, не ругается и вообще исключительно мастерски меня игнорит? И даже в ее голове теперь стерильно чисто, только скелеты, кости и кишки. Бррр. У меня ноль идей. А вы просто задумайтесь над абсурдностью этой фразы: у демона искушения ноль идей по соблазнению вчерашней девственницы и собственной жены.

В общем, я подвожу ее до общаги и с ужасом разглядываю обшарпанное здание, наверняка видевшее еще нашествие Наполеона. Александра выходит, перебрасывает сумку через плечо и быстро поднимается на крыльцо. Потом, как будто что-то вспомнив, поворачивается и выдает:

— Без четверти семь.

— Что? — не врываюсь я.

— Ты же все равно приедешь. Без четверти семь я выхожу на занятия. А раз ты мой муж на ближайшие три месяца, я хотя бы наслажусь благами цивилизации!

Она очень собой довольна.

А я очень доволен тем, что мой Бермудский треугольник не перестает радовать неординарностью.

Убедившись, что моя Александра крепко спит — мне ничего не стоит «нырнуть» прямо к ней в комнату — усилием воли заставляю себя вернуться в Тень. Почему усилием воли? Потому что она, что бы вы там себе ни думали, укладывается спать в старых пижамных штанах с карманами на заднице, толстых носках с раздельными пальцами всех цветов радуги и... моей рубашке. И я никогда не чувствовал себя более счастливым засранцем, чем в те минуты, пока рассматривал ее спящую, окруженную моим запахом. А когда Овечка сунула нос в ворот рубашки, вздохнула и сладко застонала, я понял, что либо уйду прямо сейчас, либо не смогу уйти и устрою ей секс во сне, и на этот раз ей точно будет, что вспомнить после пробуждения. И вопрос, что со вчерашними девственницами лучше не устраивать забеги на длинные дистанции не то, чтобы очень беспокоит мою протухшую совесть.

Поэтому я быстро свалил в Тень, намереваясь сделать то, что долго откладывал по понятной причине. Разговор с самим Создателем на тему «Ты — долбаный сукин сын» — не то, поле чего можно рассчитывать остаться живым и невредимым. И то, что он мой отец, совсем не добавляет бонусных очков.

Меня встречает одна из мамочек: радушно целует в обе щеки, говорит, какой большой я стал, и умиленно пускает слезу. Другая кричит откуда-то из глубины квартиры, что если я не останусь на ужин — она меня выпорет собственной рукой. Третья, если я ничего не путаю, в это время предпочитает рисовать, и никому — даже моему всемогущему отцу — нельзя беспокоить ее за этим занятием, иначе спугнутое вдохновение может превратиться в торчащую из глаза кисточку.

Пока я устраиваюсь на диване и как умею избавляюсь от вопросов о моей семейной жизни, вторая мамочка приносит полный поднос жареного до хруста бекона с острым, как само пекло, соусом. Я тут же забываю обо всех неприятностях и набрасываюсь на еду, потому что так

превращать мясо в хрустящие кусочки блаженства умеет только она. Отец появляется через несколько минут, немного взъерошенный и явно не в духе, потому что даже на расстоянии его разрушительная аура вышибает меня из колеи. Аппетит тут же улетучивается, но решимость выяснить кое-что об Александре не дает мне свалить от его тяжелой руки и быстрой расправы. Поверьте, я ни капли не преувеличиваю, когда говорю, что гнев отца может стоить мне если не жизни, то сожженной шкуры — точно. Если вы еще не поняли, то быть сыном Создателя — не значит быть совершенно свободным от любых его подзатыльников. Скорее уж стоять на первой линии огня.

— Локи, — произносит он мое имя, и я просто киваю на блюдо.

Он не притрагивается к еде, и обе мамочки от греха подальше ретируются с поля боя. Что ж, разговор будет долгий и тяжелый, и никому не хочется попасть под раздачу.

— Нет, Локи, — говорит отец, предупреждая мой вопрос. — Это не обсуждается. Я не могу менять свои замыслы каждый раз, когда ты найдешь новую девочку для развлечения.

— Позволь заметить, в этот раз ее нашел ты, — осторожно говорю я.

— Вижу, ты справился на «отлично», — не улыбается он. Раздумывает немного, прежде чем взять с подноса кусок мяса и уныло его прожевать. Вздыхает, немного оттаивая. — Я думал, все будет немного иначе, но ошибся.

— Еще скажи, что ты не бог, — пытаюсь разрядить обстановку шуткой, но грозовой взгляд Создателя приковывает к дивану. — Ладно, прости, тупая шутка.

Вот прямо сейчас лучше собирать задницу в руки и валить подальше, потому что если его не уgomонила даже мамочкина стряпня, будет только хуже, но я здесь не ради себя. Я должен отобрать у него Александру. Не для себя — у нас нет будущего, это очевидно. Но после того, что с ней сделал мой отец и один демон-долбоеб, Овечка имеет право на долгую и счастливую жизнь. С кем-то... у кого нет рта, чтобы ее целовать, глаз, чтобы на нее смотреть, мозга, чтобы думать о ней всякую похабщину, и члена, чтобы воплощать эту похабщину в жизнь. Я был бы счастлив, если бы моя Овечка всю жизнь прожила в уютной компании влюбленного в нее фикуса. Платоническая любовь так же прекрасна и полноценна, как и физическая — это вам любой Шекспир скажет.

— Что ты хочешь взамен? — Пришло время торгов, и я собираюсь заплатить любую цену, какую он попросит. Развожу руками. — Что угодно. Я выкуплю ее душу.

— Что угодно? — переспрашивает Создатель, и я слишком опрометчиво быстро киваю. — Сто лет воздержания?

— Бля... Зачем мне тогда член?

— В самом деле — зачем?

Ерзаю на диване, потому что с такими шутками ему ничего не стоит сделать меня евнухом одним движением брови. С «что угодно» я, конечно, переборщил, но кто же знал, что отцу захочется испытать силу моей решимости. По моей глубокой убежденности ни один мужчина на свете, а тем более рожденный искушать, соблазнять и обманывать, не может быть моногамным. Все дело лишь в степени страха потерять из-за ревности ту самую женщину, секс с которой будет круче, чем полигамная свобода. Вы же понимаете, что со мной такая оказия просто не может случиться? И отец понимает, но продолжает издеваться.

— Я не торгуюсь, Локи, и не азартен. Так что твое предложение меня не интересует.

Александра будет моей так или иначе, а ты можешь просто смириться. Все, пошел вон.

Когда Создатель говорит «пошел вон» — нужно брать и валить, потому что в следующий раз он сделает это сам, а падение с олимпа его власти — не самое приятное времяпрепровождение. Я однажды попал под горячую руку и до сих пор думаю, что та глупость была самой феерической в моей жизни.

Отец заберет Александру. Он же бог, он не шутит и не валяет дурака, и нет никаких шансов, что завтра он смилостивится и осчастливит меня хотя бы разумным предложением.

Твою мать.

Тысячу, блядь, раз — твою мать!

Глава сорок первая: Александра

Я просыпаюсь от того, что в моей постели мне до неприличия тесно. И хоть половину ночи тряслась от холода, как осиновый лист, сейчас уютно и тепло, и не потому, что у меня какое-то другое одеяло, а из-за печки справа, которая, стоит мне пошевелиться, мгновенно протягивает руки и снова прижимает меня к себе, словно подушку.

Так.

Я с трудом раскрываю глаза и борюсь с желанием врезать наглому демону прямо по причинному месту, но делаю все, чтобы ему расхотелось и дальше безнаказанно меня лапать. Локи недовольно ворчит и хватает меня за руку, опрокидывая обратно, хоть я почти вырвалась на свободу и даже успела сунуть ноги в тапки.

— Прекрати меня трогать, — предупреждающе рычу я, а в ответ он лишь мотает темноволосой головой по подушке. — Локи!

— Не ори, Овечка, я зверски спать хочу, — как сонный кот лениво возмущается он.

— Напомни, пожалуйста, когда и в какой жизни я приглашала тебя в свою постель? —

Бесполезно пытаться разжать его хватку — только сделала еще хуже, потому что в ответ на мою возню демон самым бессовестным образом разворачивает меня лицом к себе, укладывает ладонь на затылок и безапелляционно вжимает мой нос себе в грудь.

И ведь даже рот теперь не открыть, потому что любое движение губ коснется его кожи. А мне и так слишком сильно этого хочется вопреки голосу разума, так что лучше не рисковать. С минуту просто лежу, прикидываясь бревном, и строю план побега.

— Я не боюсь щекотки, Овечка, — бормочет этот плюшевый тиран.

— Плюшевый тиран? — переспрашивает он, и я слышу улыбку в хриплом голосе. — Мне нравится. Хочешь, я тебя нежно подавлю силой своего доминирования?

— Твое доминирование упирается мне в живот, — опрометчиво быстро озвучиваю первую же рожденную в ответ мысль и с досады прикусываю язык.

— Мое доминирование, Александра, должно быть глубоко в тебе, но, если ты не возражаешь, давай поваляемся еще пару часиков? Зверски спать охота. А потом я отвезу тебя на занятия. Судя по времени в телефоне, через пару часов я никак не попаду ни на первую, ни даже на вторую пару.

— Локи, ты мне и так конкретно усложнил жизнь, не надо продолжать.

— Я собираюсь прилипнуть к тебе как банный лист. — Он нехотя разжимает объятия, и я резво вырываюсь на свободу едва ли не с победным кличем.

— Ты это уже говорил. — Я вспыхиваю от мысли, что все это время он был в курсе, что я сплю в его рубашке, и мне хочется порвать проклятую одежду на лоскуты, но теперь скрывать следы слабости все равно слишком поздно. — Тебе что, нечем заняться, кроме как портить мне кровь?

— Я бы с удовольствием еще немного попортил тебя, но ты такая зараза с утра, что останешься без сладкого. — Он сует голову под подушку, совершенно не стесняясь того, что одеяло снова сползло ниже положенного — и его задница выставлена на обозрение.7bcf23

Черт! Блин!

Хорошая задница. Нет, просто суперская задница!

Не осуждайте меня за то, что я собираюсь сделать: если бы перед вами был такой «орех», вы бы тоже потеряли тормоза.

Когда я с удовольствием вонзаю зубы в его пятую точку, Локи громко орет под подушкой, а потом устраивает маленькое землетрясение моей кровати, заливаясь довольным хохотом. Буду считать это маленькой моральной компенсацией за то, что он превращает мою жизнь в кошмар. Ну, ладно, в милый и совершенно непонятный кошмар.

Пока сижу в душе, наглухо закрыв задвижку, в комнате явно происходит какая-то возня. Очень надеюсь, что это Локи решил убраться и хотя бы временно оставить меня одну. Уже и ежу понятно, что просто так демон от меня не отстанет. И если быть до конца откровенной, то мне как-то даже немножко приятно, что он все время рядом. То есть, конечно, не потому, что он меня то и дело лапает и делает грязные намеки, и его красивое тело все время на виду. Мне приятно знать, что он не собирается сдаваться в ответ на мое «нет». Плохо, что за его настойчивостью, скорее всего, нет ничего кроме азарта или еще одного пари. А что? «Верни обманутую девственницу — докажи, что глупость в отдельно взятой голове не конечна!»

Времени возиться с прической нет совсем, так что просто кое-как сушу волосы и собираю их заколкой на затылке. А когда выхожу, в комнате пахнет чем-то невыносимо вкусным. Локки сидит за единственным столом, на котором разложен завтрак: омлет, мясо, запеканка и блинчики. При этом он выглядит так, словно и сам недавно из душа, и на нем свежая рубашка и отглаженные брюки. Об такие стрелки можно порезаться! Мой вид вызывает у него хищную улыбку, и ради такого дела Локи даже перестает пить кофе.

— Ты когда успел?.. — Я киваю на его влажные волосы. И пока он готовит ответ, плюхаюсь за стол. — Ладно, я забыла, что ту супермен и умеешь перемещаться во времени и пространстве со скоростью звука. Спасибо за завтрак, но если ты думаешь, что мою решимость можно сломить омлетом и вишневым джемом, то очень сильно ошибаешься.

— Ешь уже, несломленная, — усмехается Локи, опуская взгляд в телефон.

Можно назвать меня слабохарактерной, бесхребетной, безвольной и прочими синонимами, обозначающими женскую неспособность устоять перед мужчиной. Можно — и я даже согласна, что где-то заслужила эти лестные слова. Но я никогда не умела притворяться. Локи меня обидел — мне горько от этого и больно, и неприятно. С другой стороны — у нас был классный секс. Лучше, чем — я уверена — был бы с кем-то другим. И мне нравится, что он рядом. И даже его задница на зуб оказалась очень даже ничего.

Ладно, оставим задницу демона до лучших времен, а пока пора на учебу.

— Ты переезжаешь ко мне, — заявляет демон, притормаживая на «красный».

Я расслабленно сижу с ногами на соседнем сиденье и впервые за два с половиной года студенчества еду на занятия с таким комфортом. Даже есть время почитать конспект, но я так наелась, что никакая медицина в меня уже не лезет, поэтому просто выбираю ретро-радиостанцию и подпеваю в унисон ритмам восьмидесятых. Моя мама их очень любила, а на группе «Мираж» я, можно сказать, выросла!

— Я была у тебя — и мне там не понравилось, — отмахиваюсь от предложения. В Тень меня теперь и медовыми пряниками не заманить.

— Речь о моей квартире здесь, — снисходительно поясняет Локи. — В том сарае, где ты живешь, опасно даже дышать, чтобы ничего на голову не свалилось. Я уже молчу о разнокалиберных друзьях в стенах! — Демон кривится. — Три месяца до развода, Александра. Сама посуди: ты можешь пользоваться моим гостеприимством взамен на то, как некрасиво я с тобой поступил.

— Почему это твоим гостеприимством? — Мне стоит больших усилий сдерживать смех. — А как же: все мое — твое?

Локи ведет бровями и вдруг резко выбрасывает руку, чтобы сцапать мой подбородок, заглядывает в глаза — и там снова проступает темно-серый туман. Краешек плотоядной улыбки обнажает острый клык, и Локи выразительно шепчет, прикасаясь дыханием к моим полураскрытым в удивлении губам:

— Я — твой, Овечка, хочешь ты того или нет. Хотя, знаешь, — его ладонь скользит по шее, пальцы выразительно нажимают на бешено дрожащую артерию, — по-моему, ты все-таки хочешь.

Хорошо, что нам уже сигналият сзади — и демон вынужден отпустить меня и снова смотреть на дорогу.

Ну и ладно, с удовольствием поживу у него. Уж наверняка в демоническом жилище нет разнокалиберных друзей.

Глава сорок вторая: Александра

Вечером у меня полный завал в библиотеке: кто-то не очень умный сунул свои кривые руки в компьютер — и часть электронных читательских профилей просто исчезла. Кое-что компьютерщикам удалось восстановить, но основную часть информации пришлось заново

вводить в ручном режиме. До меня этим занималась девочка-практикантка, а теперь пришла моя очередь. Вот так и планирую поучиться в тишине и покое: ни одно, так другое.

Никогда не думала, что скажу это, но присутствие Локи очень кстати. Он не шипит и не фыркает, когда я с мольбой смотрю на него и подталкиваю распечатки файлов.

— Будет быстрее, если кто-то будет диктовать, — озвучиваю свою просьбу.

Но Локи делает еще лучше: он предлагает мне заняться конспектами и лекцией, а сам вызывается оформить базу. Судя по тому, как быстро его пальцы бегают по клавишам, а сам он даже не смотрит в монитор, у этого демона просто феерическая способность «слепого набора». Того, который я, увы, так и не освоила из-за нехватки времени и терпения.

Примерно через пару часов, когда я заканчиваю ксерить нужные мне страницы из медицинских справочников, Локи поднимается и разминает затекшие плечи.

— Все, — говорит явно довольный собой.

— Все? Там тридцать страниц. Ты сколько успел? Еще час времени есть.

— Овечка, я всю твою работу сделал, — ошарашивает меня Локи.

Конечно, лжецу никто на слово не верит, а тем более я. Проверяю базу и не верю своим глазам: он не только внес всю информацию, но и сделал таблицу частично автоматизированной.

Локи выразительно ждет моего одобрения, а я нарочно немножко отхожу, прежде чем похвалить:

— Какой хороший и полезный в хозяйстве демон: кормит, постель греет, на красивой машине катает.

— И задница у него ничего, — подхватывает Локи, напирая на меня своей излюбленной вкрадчивой мягкой походкой. Есть в нем что-то кошачье, как пантера, разве что не может языком лизнуть себя за нос. — Овечка, я тут подумал... насчет языка...

Когда же я перестану забывать, что он копается у меня в голове!

— Даже не смей тянуть ко мне руки, — на всякий случай предупреждаю я, но когда его это останавливало?

— Вот, самой-то не смешно?

Разворачиваюсь и почти бегом ныряю в зал с книгами. Есть повод: нужно проверить, на месте ли пара раритетных томов, потому что их вроде как сдавали, но в формулярах записей нет.

Нужная секция почти в самом конце, я прислушиваюсь, не идет ли за мной Локи. Нет, не идет. Перевожу дыхание. Останавливаюсь — и над ухом раздается короткое «муррр!»

— Мне не нужно красться за тобой, Александра, чтобы зажать в тихом углу, — его довольный шепот мне на ухо.

Даже не могу пошевелиться, потому что он каким-то образом фиксирует обе мои руки над головой, прижимая грудью к книжным корешкам. Тепло его ладони растекается по моим запястьям мягким покалыванием, и почему-то вид превратившихся в когти ногтей заставляет меня напряженно выдохнуть.

— У меня работа, Локи. — Так неубедительно, что сама себе не верю.

— Я никогда не трахался в библиотеке, Александра, ты — тоже. — Его свободная рука не делает ничего такого — просто поглаживает мой затылок под линией роста волос, но я непроизвольно подаюсь назад для более плотного контакта.

— Ты принципиально не говоришь «заниматься любовью»?

— Конечно, принципиально. С тобой, Овечка, заниматься любовью совсем никак — с тобой только...

— Замолчи, ради бога, — прошу я.

Он же демон искушения — думаете, одного моего «прекрати» достаточно, чтобы закрыть ему рот?

Довольная усмешка у меня над виском и легкое касание губ, от которого ухо мгновенно краснеет.

— Как ты себя чувствуешь, Бермудский треугольник? Скажи, что ты в порядке, — он почти молот — и ладонь сползает по моему позвоночнику до поясницы, надавливая, заставляя меня прогнуться в спине. — Пожалуйста, Овечка, скажи, что ты готова трахаться.

Хочу сказать, что лучше дам обет молчания, чем произнесу эту похабщину, но Локи уже заводит ладонь вперед, легко выуживает пуговицу из петли джинсов, тянет вниз молнию.

Я его хочу — это очевидно.

Кому я сделаю хуже, отказываясь от любимых сладостей?

— Вот за это, мой Бермудский треугольник, я и люблю твой совершенно волшебный непредсказуемый мозг, — отзывается демон, запуская пальцы мне под джинсы. — Знаешь, почему мужчина любит позу сзади?

Кажется, мой странный всхлип не очень похож на вопрос, но сойдет.

— Потому что нам нравится брать свое. А ты, Овечка, моя по определению.

Я подумаю о разводе... завтра.

Никогда в жизни меня не мучили такие противоречивые чувства. С одной стороны, хотелось что есть силы стукнуть демона и, наконец, протрезветь, избавиться от его странного влияния. С другой — мне нравилось чувствовать его рядом. Нравилось все то бесстыжее и откровенное, что он со мной делал. И главное —

как

он это делал. Не заставлял и не вынуждал, но одним только голосом подталкивал к правильному решению. Как будто точно знал, что я не собираюсь отказываться от удовольствия, но толика здравого смысла мешает мне сразу броситься ему на шею.

— Могла бы хоть трусики оставить, — ворчит демон, просовывая пальцы под мои простые трусики в горошек. Они не бабкины, конечно же, но в сравнении с тем, что выбрали для меня в магазине, почти как пояс верности.

— Если тебе что-то не нравится, можешь просто оставить меня в покое, — отвечаю я, немного поворачивая голову. Теперь от его шеи меня отделяет всего пара сантиметров, и если Локи хотя бы попробует убрать руку или передумает в принципе, я его точно укушу. И совсем не так мило, как сегодня утром.

Но демон полон решимости, и когда его пальцы скользят вниз по моей промежности, я хочу только одного — выгнуться назад и раздвинуть ноги.

— Меня бы это определенно сподвигло на подвиги, — посмеивается Локи и рукой толкает назад, чтобы я еще глубже прогнулась в спине.

Где-то здесь ходит охранник, хоть библиотека уже закрыта, и мы с Локи задержались только чтобы доделать работу. Ничего не мешает седому Михалычу заглянуть в читальный зал, проверить, как у нас тут дела, а заодно намекнуть, что поздние работники крадут его время на сон. И если он зайдет...

Но вообще плевать, потому что пальцы Локи уже добираются до моей влаги, и он отчаянно стонет через стиснутые зубы. Пара невесомых касаний по сжатым половым губам — и мне все-таки приходится впиться зубами в его шею, чтобы подавить желание приказывать ему быть быстрее. Но ведь он и так читает мои мысли, иначе, откуда этот рваный вздох пополам с какими-то грубостями?

— Я без тебя чуть не сдурел, Овечка, — неожиданно глухо и тяжело говорит он. Пальцы на моих запястьях превращаются в стальные тиски, но мне нравится осознавать, что я, возможно, буду помечена отпечатками его пальцев и царапинами от когтей. — Никогда не был так близок к тому, чтобы запихнуть в клетку живого человека.

Эти слова должны бы пугать, но меня они только еще больше распаляют.

— Ты моя, — рычит этот собственник. — Повтори это, Александра.

Мотаю головой. Ни за что на свете не скажу это. Не после того, как он признался в дурацком пари. Но именно сейчас в голове появляется странная, пока еще очень зыбкая мысль, что мне невыносимо представить день, в котором демона не будет у меня за спиной. День, в котором никто не будет провоцировать меня отвязанными шутками или просто приносить завтрак, пока я, как маленькая, прячусь в ванной, каждый раз по кирпичикам собирая оборону.

— Ты снова слишком много думаешь, Овечка.

— Так прекрати требовать всякую ерунду, — огрызаюсь я, не без удовольствия любуясь на два алых полумесяца у него на шее. Моя отметка. Может быть, на нем все сойдет за минуты, но пока буду верить, что точно так же, как я ношу дурацкий ошейник, Локи носит след моей собственности.

Он прижимается ко мне бедрами: твердость под штанами выразительно давит на ягодицы, и я непроизвольно жмурюсь от острой необходимости почувствовать его голой кожей.

— Как насчет свалить еще пару полук, Александра?

— Только пару? Почему не все?

Мне нравится его хриплый приглушенный смех.
Нет, я люблю этот смех.

Глава сорок третья: Локи

Мне нравится, как утроена ее голова. В особенности, даже если это звучит как ахинея, я просто охуюваю от гармонии хаоса ее мыслей. Сейчас она думает о том, что хочет мой член, а через мгновение упивается моим смехом, который мне самому кажется близким к лошадиному ржанию. Но что это, как не субъективная оценка влюбленной женины? Хорошо, что Овечка ни черта не научилась закрывать свои мысли, и вся передо мной. Абсолютно обнаженная в каждой потребности и без всякого ханжеского «я не должна, у нас не любовь!»

Я не знаю, что у нас. И не хочу пока об этом думать, потому что все это станет понятно только после того, как я отыщу лазейку и украду у отца ее душу. Заберу этот свет и тепло, и крышесносную улыбку, и очки, как у ботаника, но не позволю ни единому волосу упасть с ее головы. А потом, когда моему Бермудскому треугольнику ничего не будет угрожать, попробую разобраться в том, не принимаю ли я жалость за другое чувство.

Нехотя, вынимаю пальцы из ее джинсов и одной рукой, кажется, довольно грубо, стаскиваю с Александры джинсы вместе с трусиками. Блядь, горошек! Цветной горошек на белом хлопке. Я не мог бы возбудиться больше при всем желании — абсолютно уверен. И все мое недовольство тем, что Александра не носит мои подарки — полная чушь.

Ее задница прямо передо мной: сливочная кожа, упругая, как персик. Не могу удержаться — провожу пальцем по ложбинке между «дольками», и Овечка дрожит, покрываясь мурашками. Елозит руками по книжным рядам — и пара томов все-таки с грохотом летят вниз. Благо, мне на голову. Не в первый раз, даже почти смешно. Хорошо бы немного отрезвило, но перед глазами просто жгучая пелена, за которой есть только Александра: ее разгоряченная кожа, от которой растекается адский жар, ее запах, на хрен вышибающий мне мозги. Ее слабые попытки выиграть немного независимости, которые я тут же пресекаю, снова и снова выразительно сдавливая руки над головой. Ее спина напряжена — я чувствую это даже сквозь одежду. Разорвал бы все к сраной матери зубами, до следов на лопатках, но это будет слишком немилосердно для ее второго раза.

— Расставь шире ноги, — с нажимом, чтобы даже не думала отказать, говорю я.

Малышка послушно разводит ножки, насколько это позволяют висащие на коленях джинсы. Есть что-то невыносимо сексуальное в том, как Овечка подчиняется и не подчиняется одновременно. С одной стороны — беспрекословно делает все, что я скажу, с другой — все ее мысли о том, что она делает это не ради покорности, а ради собственного удовольствия. В итоге я снова прихожу к мысли, что это она меня трахает, а не я ее.

Расстегиваю свои брюки, откидываю ремень по обе стороны и практически со стоном провожу вверх и вниз по получившему свободу члену. Овечка мычит, брыкается — и я успокаиваю ее, в одно движение прижимаясь своим стояком к ложбинке у нее между ягодицами. Делаю пару тяжелый грубых толчков и заново распаляюсь от вида темной налитой кожи в контрасте с ее белой задницей. Когда-нибудь, когда разберусь с кавардаком наших судеб, я обязательно посвящу ее в радости анального секса.

— Ты больной, — незамедлительно огрызается она, напоминая, что не только мне доступны лабиринты ее разума, но и ей — мои.

— Я просто... разносторонний, — усмехаюсь, несильно щипая ее за ягодицу.

— За что? — скалится Овечка и пытается вывернуться, но на этот раз я хватаю ее за бедро.

— Вырубай голову, Александра, и не делай глупых выводов о том, чего не знаешь и не пробовала.

Она сопротивляется, выписывая задницей восьмерки, но все равно до безумия меня хочет. Именно меня и именно вот так: между полками, там, где нас ничего не стоит найти.

— Локи... — почти стонет от предвкушения.

Я должен быть аккуратнее, нежнее и сдержаннее, но вместо этого дергаю ее задницу к себе навстречу, вынуждая Овечку приподняться на носочки. Ее покорность оглушает, ее пошлые мыслишки растворяют терпение без следа.

Одно движение: прикасаюсь к ее раскрытым, как бутон, половым губам, даю себе стать хоть немного влажным от ее желания, и просто сразу — до конца, весь, целиком, до тяжелого удара, от которого Александра дрожит взведенной тетивой.

Книги валятся нам на голову, словно град.

По фигу — выхожу и снова засаживаю ей до самого паха, до толчка бедрами в ягодичы. От которого сносит башку. Овечка запрокидывает голову, ищет мой поцелуй.

— Кричи, Александра, пока я, сука, не оглохну.

Она словно ждет именно этого: распахивает рот в унисон к моему таранному движению, вздыхает так громко, что я готов услышать этот звук во внезапном дребезжании стекол.

Я двинут. Болен. Одержим. Полностью отдан на откуп потребности заполнить ее собой. Она такая маленькая и хрупкая, но отдается, словно грешница: принимает всего, сдавливая внутренними мышцами, выдаивая каждую каплю моей длинны.

Это не ванильное занятие любовью и не секс укладкой.

Это какой-то бешенный гон, попытка разорвать ее на кусочки, поглотить, принять в себя, чтобы сохранить нетронутой и живой. До конца наших дней.

Член в ней горит, как будто это мой первый раз, потому что необходимость взять все и сразу невыносимо сильна. Как будто если остановлюсь, то во мне сломается механизм, влияющий в меня жизнь.

Овечка дрожит, судорожно кусает губы, кричит, бьется подо мной, пока я остервенело тяну ее бедра себе навстречу. Хочу растянуть удовольствие, но просто не могу: мысли уже спутались в клубок какой-то горько-сладкой дряни, в которой мне необходимо пометить ее изнутри.

Демон все подери!

Да! Да!

Позвоночник простреливает приятная судорога, я в ней до самого конца и не могу не смотреть, как чумовая задница сплюснулась от моего напора.

Кончаю, кажется, как первый раз в жизни. Так глубоко в нее, что готов поспорить — кожа Овечки становится теплее одновременно с тем, как она хнычет в приступах оргазма.

Я вдавливаю ее в полку, позволяю распрямиться, завести руку мне за шею, и целую жадные ищущее губы.

Слышишь, Создатель? Вот тебе мой средний палец, а не Александра.

Проходит пара минут, прежде чем я с горем пополам вспоминаю, как и чем дышать. И Овечка все это время восхитительно трется об меня голой задницей, которую мне — помня утренний подвиг моей женушки — хочется укунить в ответ. Но где-то неподалеку раздается выразительный кашель, и Александра буквально на глазах из раскованной грязной девчонки превращается в строгую заучку, которую поймали с сигаретой на заднем дворе. b8d823

Ей нужно мгновение, чтобы натянуть джинсы, поправить одежду и привести в порядок волосы. И недовольные глазищи стреляют в меня, пока я неторопливо — меня обуяла зверская лень — одеваюсь и прячу ремень в петли.

— Мог бы и побыстрее, — зло шипит мой Бермудский треугольник, и я не могу удержаться, чтобы не подтянуть ее к себе для быстрого горячего поцелуя.

Моему языку так комфортно у нее во рту, что я запросто могу представить будущее, в котором начинаю и заканчиваю свой день вот такими человеческими нежностями. Кряхтение раздается совсем рядом, и Александра стучит меня по плечам, совсем неодобрительно проглатывая мой довольный смешок.

— Сытый демон — довольный демон, Овечка. — Конечно же, я вовсе не о голоде в привычном смысле этого слова.

И Александра, судя по румянцу на щеках, правильно понимает двойной смысл моих слов.

Дедок, который сидит тут на вахте, вырывает наши фигуры тусклым лучом фонарика. Овечка быстро и не очень убедительно бормочет, что мы случайно устроили беспорядок и быстро все уберем. Судя по тому, как этот мужик «покашливал», он не впервые становится свидетелем того, чем обычно начинаются вот такие беспорядки. Поэтому крякает с выразительным пониманием и шаркает обратно к себе на вахту.

— Знаешь, Овечка, — говорю, стоя на лестнице, пока женушка передает мне стопки книг, — если у бардаков будут такие предыстории, то я согласен устроиться сюда не четверть ставки. Предлагаю в следующий раз опробовать стойку с классикой английской литературы. Я слышал, читатели туманного Альбиона те еще затейники, когда не корчат из себя зануд. Овечка отвечает на мои издевки громким свирепым сопением.

Глава сорок четвертая: Александра

После работы Локи напоминает мне о нашем уговоре, что на время до развода я буду жить у него. Честно говоря, после того, что мы устроили в библиотеке, мои мысли стали похожи на карамельных лошадок на залитом солнцем лугу: такие же милые, сладкие и вязкие, а оттого медлительнее улиток. Поэтому я просто поудобнее устраиваюсь на переднем сиденье его авто и прикрываю глаза, вяло вспоминая, давала я обещание переехать к нему прямо сегодня, или речь шла о ближайшем будущем, или я вообще ни на что такое не подписывалась?

И пока так думаю, Локи привозит меня к модной новостройке в центре столицы. Небоскреб чем-то похож на его «Палаццо» в Тени, только белый и не такой грандиозный, и я не могу отделаться от мысли, что он кренится набок, как Пизанская башня.

— Так, Овечка, ну-ка иди сюда.

Локи берет меня на руки, потому что у меня, в самом деле, слипаются глаза — и спать хочется сильнее, чем утолить любопытство поглазеть на еще одно его холостяцкое жилище. Хорошо, что завтра у меня нет первой пары и можно валяться в постели на целый час больше. Целый хороший жирный сонный час! Спасибо, боженька, что ты изобрел простуду — и иногда она косит твоих верных слуг по борьбе с ней.

Все-таки, несмотря на почти склеившиеся веки, я успеваю выхватить кое-какие детали интерьера: большую светлую студию, несколько арок и дверей, панорамное окно, похожая планировка. И даже столик стоит примерно на том же месте.

— Ты такой консерватор, — еле ворочаю языком, пока демон несет меня в кровать и бережено укладывает на прохладные покрывала.

— Ты тоже, — усмехается он, стаскивая бою обувь и джинсы. — Трусики в горошек — старая добрая классика. Овечка. У меня от вида тебя в них уже стоит.

— Опять? — смеюсь я. Приходится приподняться на локтях, чтобы Локи снял еще и свитер. — Я знаю, как разбогатею, демон. Заработаю кучу денег, величиной с твою черную башню, дам взятку кому надо — и никаких трех месяцев на примирение.

— Посвяти меня в свой гениальный план, Овечка.

— Тогда не будет эффекта внезапности, так что... — Щелкаю языком. — Просто поживи с мыслью, что я найду на тебя управу.

Локи плюхается рядом, и я недовольно кривлю рот, потому что лежу перед ним почти голая, а этот коварный соблазнитель даже ремень не соизволил снять. Но на споры нет ни сил, ни желания, поэтому просто наслаждаюсь новой порцией его заботы: он старательно взбивает подушку у меня под головой и задирает одеяло мне чуть ли не до подбородка.

— Я сцежу с тебя кровь, — шепчу заговорщицким шепотом, подавляя зевок. — И буду продавать фармакологическим гигантам как средство для потенции.

— Гениальный план, — усмехается демон. — Только учти, Овечка, я до усрачки боюсь иголок, так что советую озаботиться средствами защиты, прежде чем подходить ко мне со шприцем.

— Локи, — я уже почти сплю, но все равно нахожу силы, чтобы подцепить пальцами ленту на шее. — Сними с меня эту дрянь.

И засыпаю, не дождавшись ответа.

Будильник будит меня по старому времени, потому что я забыла перевести его на час вперед. Сонно выставляю дополнительное время и уже собираюсь снова провалиться в сон, когда мое внимание привлекает две странности: пустая постель, в которой лежу только я, без намека на

то, что Локи провел здесь ночь, и сидящий в кресле напротив мужчины неопределенного возраста.

Хотя, есть еще и третья вещь, но я обнаруживаю ее только когда резко сажусь и судорожно тяну одеяло, чтобы прикрыться.

Лента исчезла с моей шеи.

— Вы кто?

Вопрос, как бы сказала одна моя приятельница, глупее не придумаешь, но у меня нет ни единой мысли, кто это и как вообще могло случиться, что Локи позволил посторонним быть со мной в одной спальне. Не то, чтобы я хорошо его изучила, но до последней минуты меня приятно грела мысль о том, что он у меня тот еще собственник и ревнивец.

— Здравствуй, Александра.

Так, он и имя мое знает.

Стараясь не выдать себя, озираюсь по сторонам в поисках чего угодно, что сгодится в качестве оружия для самозащиты. Но мои действия для него явно не секрет, потому что незнакомец лишь посмеивается и откровенно издевательским жестом предлагает мне не торопиться и продолжить поиски.

Локи, ты где?

— Полагаю, он делает то, что его убьет, — говорит мужчина, и волосы на моих руках становятся дыбом.

Что значит — делает то, что его убьет? Убьет моего бессмертного демона? Что за бред?

И все равно ежусь от неприятного колючего холода по спине, как будто меня «поливают» холодным воздухом из фена.

Может быть, это вранье? Не верю, что Локи мог просто так уйти и оставить меня один на один с этим странным типом. И как-то с трудом верится, что демон до такой степени не заботится о безопасности своего жилища, чтобы его мог взломать кто угодно.

Но, может быть...

С опозданием, но до меня доходит, что он ответил на вопрос, который я совершенно точно не произносила вслух. Нет, только не еще один ошейник, или кандалы, или наручники! Или любая другая дрянь, которая превращает мои мысли в веселое кино на большом экране.

Мужчина усмехается и жестом предлагает мне одеться.

Я пулей выскакиваю из постели, прячусь за дверцей шкафа и поздно осознаю. Что мои вещи валяются около кровати, а я лучше умру, чем снова появлюсь перед этим человеком в одной простыне. Ладно, тогда придется вспомнить старые добрые времена и одолжить что-то из вещей Локи. Рубашку и джинсы — первые, на которые падает взгляд. Конечно, все мне жутко велико и, когда выхожу в своем «наряде», незнакомец оценивает меня подчеркнуто смешливым взглядом. Но даже если бы он вдруг начал делать прямую трансляцию в ютуб, мне было бы глубоко плевать, потому что меня волнует только Локи.

— А теперь можно подробнее, что за ерунду вы сейчас сказали? — сразу перехожу в наступление.

— А ты с какой целью интересуешься? — переспрашивает мужчина.

Он, правда, не понимает? Или это просто игра «Доведи Александру до бешенства»?

— Лок... Алексей — мой муж, — закашливаю его настоящее имя, хоть во мне упорно крепнет ощущение, что незваный гость прекрасно знает, что скрывается за личностью миллионера Алексея Черных. — Если у него неприятности, я должна знать.

— Чтобы... что?

Закатываю глаза, уже порядком зверея от идиотских вопросов, но уговариваю себя держать эмоции под контролем, пока не пойму, с кем имею дело.

— Это игра в вопросы? — Щелкаю пальцами, как будто пытаюсь вспомнить определение, которое сразу пришло на ум. — Поле чудес в формате ВИП специально для Александры Черных? Что вам нужно? Откуда вы здесь? Как зашли? Я немедленно вызову полицию!

А чтобы он не думал, что я блефую, тянусь за сумкой в поисках телефона. Поганца не смущает ни то, что я его нахожу, ни мои попытки изобразить набор номера. Если бы я хоть на минуту поверила, что он — простой грабитель, то не стала бы предупреждать. Но чутье, которое редко меня подводит, подсказывает, что этот мужчина здесь неспроста.

— Локи — мой сын, Александра, — говорит он внятно и четко, и я медленно сажусь на кровать. Телефон вываливается из ослабевших пальцев — и меня снова морозит, на этот раз так сильно, будто холод пробирается до самого костного мозга. — Рад личному знакомству. Хочу сказать «Привет», но рот словно зашит нитками: губы склеились, и я, вспомнив Нео из известного фильма, на всякий случай провожу по ним ладонью. Вдруг, теперь у меня нет рта? Локи говорил, что он... Что его отец... Я даже мысленно не могу произнести это вслух, как будто собираюсь сказать заклятие призыва метеорита на наши головы.

— Ничего нам на головы не упадет, Александра, но я рад, что хотя бы эту часть нашего знакомства можно упустить.

— Вы — Создатель? — Я сглатываю. Сказала — и чувствую себя полной дурой.

— Так и есть. — Он складывает ладони домиком и прислоняет подбородок к острому углу. — Всего живого и не живого, всего материального и призрачного, мира смертных и мира проклятых.

— Можно я не буду становиться на колени?

Дурная шутка сама срывается с губ, но он, вопреки моим ожиданиям, только шире улыбается и вроде не собирается побить меня молнией за святотатство. Надеюсь. Не станет спрашивать наизусть молитвы и поднимать мое личное досье из небесной канцелярии, чтобы увидеть несоблюдение постов, грешки и прочие вещи, которые делают молодость — молодостью.

— Что с Локи? Куда он влип? — Вспоминаю, что он любитель играть и, возможно, ради красного словца преувеличил свои таланты и влез в долги? На ум приходит банда из магазина, которую раскидал так вовремя появившийся Каин. Не было похоже, чтобы Локи было по плечу справиться с ними самостоятельно.

— Он влип в тебя, Александра, — спокойно говорит Создатель.

Приехали.

Глава сорок пятая: Александра

— Я ничего не должна боссу мафии и не брала миллионных кредитов в банки, — говорю скороговоркой. — У меня нет ничего такого, что бы тянуло на разборки с последствиями!

— Ошибаешься, очень даже есть. Например, твоя душа.

— Моя душа? — Я прикладываю ладони к груди, но под его взглядом быстро опускаю руки и цепляюсь пальцами в покрывало. — Причем тут моя душа?

— При том, что она принадлежит мне. Ты уже взрослая, Александра, и готова принять правду.

— Например, какую? — Надеюсь, он не скажет, что я скоро сыграю в ящик?

— Увы, — читает мои мысли Создатель, и мне хочется громко смеяться об абсурдности ситуации. — Все из-за спора с Локи. Залог был прост: либо он добивается твоей любви, либо теряет свое бессмертие. Строго говоря, это не был залог... — Он философски морщит лоб. — Это было непреложное условие. Тринадцать дней на все про все, либо демон превращается в простого смертного, лишается всех привилегий, и его жизнь становится скучной, обычной и... смертной.

Вот оно что. Отец поставил условие своему сынку. Прямо как в мелодраме, только обычно спор идет на миллионное наследство, а не целую бесконечную жизнь.

— Но я люблю его, — говорю прямо и бесхитростно. И мне совсем не хочется улыбаться в ответ на его одобрение, наоборот — взяла бы что потяжелее и выбила дурь из этого... Создателя за негуманное отношение к собственному ребенку. — Так что пари выиграл Локи. Оставьте его в покое. Вам что, нечем заняться? Сходите в церковь, послушайте, сколько там желающих обременить вас заботами!

Кажется, чтобы я ни сказала, он все равно будет улыбаться и кивать. Хотя, конечно, он же и меня создал, и читает, как открытую книгу.

— Пари он выиграл, хоть я был уверен, что ты продержишься дольше.

— Простите, что разочаровала. В следующий раз проверьте свое творение, а то мы такие, знаете, слабые на передок.

— Ты не задумывалась, почему именно тринадцать дней?

— Еще не успела, — огрызаюсь в ответ. — Хватит ходить вокруг да около? Что с Локи?!

— Я должен быть уверен, что ты все правильно поняла, прежде чем скажу остальное. —

Перестает улыбаться, делает непроницаемое лицо и говорит: — Твоя душа принадлежит мне, Александра. И твоя жизнь тоже. Очень короткая жизнь.

Мне хочется попросить его перестать говорить загадками, но это будет не совсем честно, потому что я и так понимаю, к чему он ведет. Моя душа и моя жизнь. Тринадцать дней на все про все.

— Я должна умереть до... пятницы? — Странно, но эта новость меня почти не пугает. Ну, не больше, чем когда посреди урока в школе к нам приходила классная руководительница и говорила, что приехали медсестры из поликлиники и сейчас нам всем будут делать манту. — Математика не моя сильная сторона.

— Локи вбил себе в голову, что должен украсть у меня твою душу. И пошел ва-банк. Он игрок. Ты же знаешь. Чем круче ставка, тем сильнее он заводится.

— Вы это нарочно, да? — Я сую ноги в ботинки, зашнуровываю, чуть не завязывая собственные пальцы. — Делаете все, чтобы это выглядело просто игрой, пари, ставкой. Как будто я — просто трофей для Локи.

— Но ты и правда трофей.

— Я вам не верю. Некрасиво так грязно врать, Создатель.

— Признаю, что моя попытка проучить отбившихся от рук мальчишек несколько затянулась и вышла из-под контроля, но я не собираюсь смотреть, как Локи разменяет свою жизнь из-за желания что-то мне доказать.

— И весь этот разговор только для того, чтобы пристыдить меня и заставить броситься под машину? — Теперь понятно, почему Локи всегда был рядом, когда со мной что-то случалось. Он с самого начала знал, что у меня осталось всего тринадцать дней. Когда я выташу из переделки его лживую задницу, то мало ему точно не покажется. До пятницы у меня куча времени, можно еще до Канадской границы добежать!

— Этот разговор для того, чтобы ты не дала ему совершить ошибку. Не в моей власти что-то изменить для тебя, Александра, но в твоей — что-то изменить для него.

Создатель протягивает сложенную треугольником салфетку, на которой написан адрес. Это за городом, а на улице середина ночи и метро уже закрыто. Ну и как мне туда добираться? Ладно, на ходу придумаю.

— Надеюсь, все так, как ты сказал, Создатель, — говорю через плечо, намеренно переходя на «ты». — Потому что если ты просто нашел ему бабу пожопастее, то имей в виду: я тебе бороду обкорнаю кусачками для ногтей.

Уже у самой двери мое внимание привлекает знакомая лента: просто болтается на маленьком крючке для ключей. Если речь идет о жизни моего демона, то еще непонятно, с чем придется столкнуться. Будет лучше, если мы сможем читать мысли друг друга и выступим одной командой. Против всех.

У меня есть немного денег и кое-какие сбережения на карте. Берегла их для особенных покупок, но раз теперь моя жизнь сократилась до нескольких дней, то можно гулять на всю катушку. Хорошо, что неподалеку есть банкомат — и я снимаю всю наличку. Когда приезжает таксист, и я называю адрес, он громко хмыкает и крутит пальцем у виска. Но несколько купюр мгновенно меняют полюс его настроения, и вот мы уже едем по ночной столице, а я думаю о том, что Локи, наверное, тоже немножко меня любит. Даже если это слишком наивно для моего пропитанного медициной мозга.

Мне кажется, что мы едем слишком медленно, и я тороплю водителя, на что он постоянно показывает то на красные светофоры, то на знаки ограничения скорости. И я снова, как маленькая, грызу ноготь попеременно обоих больших пальцев, хоть водитель пару раз недоброжелательно смотрит на меня в зеркало заднего вида. Согласна, мало в жизни звуков настолько же противных, как звук обкусываемых ногтей. Наконец, мы за городом, и водитель прибавляет скорости.

Хочу верить, что еще не поздно, и все время пытаюсь прислушаться к своим мыслям, хоть это полная ерунда, потому что расстояние между нами слишком велико. Но мне нужно во что-то верить, чтобы не сойти с ума от волнения. Вот же правду говорят, что чтобы понять ценность чего-либо, необходимо это потерять.

Так, ну-ка соберись, размазня!

Украдкой хлопаю себя по щекам и повторяю только что придуманную мной же считалочку: все будет хорошо, все будет просто отлично, я не стану вдовой демона, мы будем жить долго и счастливо. А когда я вытащу Локи из неприятностей — знать бы как и из каких? — то обязательно раз и навсегда отобью ему охоту геройствовать.

Как раз успею все до пятницы.

— Уверены, что адрес точный? — спрашивает водитель, притормаживая у автомобильной стоянки.

Где-то тут должен быть дачный поселок, но на салфетке, которую дал Создатель, есть еще одна зацепка: упоминание указателя с надписью «Путь на небеса». Мне нужно идти в сторону, куда указывает стрелка.

— Да, все точно, — кривовато улыбаюсь я. (1bd23)

Водитель немного ждет в машине, пока я бреду, как мне кажется, в правильном направлении, а потом все-таки уезжает, на прощанье моргнув фарами.

Я подсвечиваю себе экраном телефона и, наконец, тусклый свет вылавливает из темноты покосившийся столб с ржавым указателем, на котором есть нужная мне надпись и почти вытертая стрелка, указывающая направо. Туда, где даже отсюда я вижу что-то похожее на церковь.

Просто, блин, отлично. Мой демон пошел каяться? Очень сомневаюсь.

Глава сорок шестая: Локи

Мысль о том, что я должен отобрать душу Александры — это не блажь, не прихоть, не очередная попытка переиграть отца в его играх. Потому что я должен забрать себе эту девчонку не на эти тринадцать дней, а насовсем.

Я сижу на кровати и смотрю, как моя Овечка сладко спит и иногда улыбается во сне, а когда потихоньку глажу ее по щеке, поворачивает голову, даже сквозь сон потираясь щекой о мою ладонь. Она доверила мне больше, чем свой сон — она доверила мне свою жизнь, даже если никогда и ни за что в этом не признается. Но впервые в жизни я делаю то, что идет полостью в разрез всей моей природе, и это не одна случайная вещь, а целых две и, уверяю, они полностью осмысленны. Первое: я вроде как всерьез собираюсь связать себя постоянными отношениями с одной женщиной. Со смертной женщиной, а это значит, что у наших отношений будет очень трагический финал, и даже сейчас, когда еще ни хрена не решено, мне кисло от одной мысли быть рядом с ней, смотреть, как она угасает — и быть совершенно бессильным. И второе: я собираюсь действовать наобум, опираясь лишь на догадки и теории, предполагая то, что в большей степени похоже на выдумку моего пытающегося найти выход мозга, чем на реальный шанс для моей Овечки. Но это — все, что у меня есть после отказа отца и его категорического нет.

Есть только один человек, смертный человек, который сходил на ту сторону и невредимым вернулся обратно. Да еще и с какого-то хрена стал неуязвимой и практически неприкосновенной занозой у меня в заднице. Если кто-то и знает о загробном мире и успешных торгах за душу, так это он.

Я пару раз порываюсь позвонить братьям, потому что соваться в змеиное логово в одиночку — не очень хорошая, мягко говоря, идея. А если бы рядом был Машина убийства и Сумасшедший стрелок, это бы дало плюс очень много к успешности переговоров и шансу выживания. Но поймите меня правильно: как-то несолидно просить братьев впрягаться за мою личную жизнь. Тем более что у Каина появилась своя собственная метка, и я даже не представляю, что отец

приготовил ему. С трудом верится, что это тоже головоломка в духе «влюби невинность за десять дней», потому что сердце Каина надежно скованно цепями, и если я хоть что-то понимаю в своем брате, его не испугает даже перспектива стать смертным или мгновенное испепеление. Ему все пофиг с некоторых пор.

Нет, свои проблемы я буду решать сам. Но на всякий случай — мало ли что случится — снимаю с моей Овечки ошейник. Пусть проснется свободной и счастливой. Надеюсь только, не будет прыгать до потолка от внезапной свободы.

Только когда ныряю в Тень и выхожу в нужной мне точке, вспоминаю, что забыл проклятый ошейник в прихожей. Первый раз со мной такое, и все из-за Александры. Ну и ладно, я немного паникую, потому что собираюсь сунуть жопу в огонь без элементарных средств защиты. Фанатики Лжетворца «живут» в общине у черта на рогах, и если бы вы спросили, откуда у меня эта информация, я бы сказал, что однажды, в прошлом году, интереса ради соблазнил одну глубоко верующую прихожанку. Просто чтобы посмотреть, крепка ли ее вера против демонического соблазна. Как я и предполагал, прихожанка лихо раздвинула ноги и, поверьте, пока я жарил ее — кстати, было скучно — орала она совсем не «Изыди, мерзкая тварь». Да и меня гром не побил. В общем, это лирика. Я просто пытаюсь сказать, что все эти люди — сумасшедшие в той или иной степени, а Лжетворец — что-то вроде светоча. Скажет, чтобы прыгали с горы — пойдут на убой, как лемминги.

Одно хорошо: прихожанка за милую душу растрепала, где прячется ее Пророк. Тогда я подумал, что эта информация рано или поздно пригодится, но лучше бы это случилось не сейчас и не при таких обстоятельствах.

Церковь, в которой живет смиренная паства — да, я люблю иронизировать над человеческой легковёрностью и высмеивать лживых идолов — расположена на опушке заброшенного леса. Со стороны просто классическая иллюстрация к детской страшилке: черной-черной ночью, по черной-черной дороге, можно прийти в черный-черный дом... Ну, вы поняли. Иду вразвалочку, подбадривая себя свистом и мыслями о том, что дома меня ждет Александра, и она в полной безопасности.

Когда подхожу ближе, натыкаюсь на что-то вроде колючей проволоки, которую патрулируют двое стариков с седыми бородами почти до груди. Этакie голодные Деда Морозы, у которых отобрали мешки и вручили какие-то шипастые деревяшки. В другое время я бы их раскидал, как котят, но сейчас это бесполезная трата времени, поэтому еще раз ухожу в Тень, на прощанье показав обоим средний палец. Я позер, если вы еще не поняли, так что не осуждайте меня за это.

На этот раз мой торжественный выход уже внутри дома. Сейчас ночь — и пока деда доковыляют, чтобы поднять тревогу, у меня есть около минуты на поиски Лжетворца. Помнится, та бабенка говорила, что он живет «отшельником» над ними всеми. Она вообще много всякой мутной херни говорила, попа не задрала юбку. Но если покопаться в этой высокопарной чуши, то можно предположить, что «Пастырь» живет на самом верхнем этаже, отдельно от своих баранов. Туда и иду, мысленно матерясь под звуки скрипящих половиц. Такое чувство, что пытаюсь штурмовать гнилой спичечный домик, который вот-вот рухнет и погребет меня вместе со всеми замыслами.

На третьем этаже есть дверца на чердак, я поднимаюсь к ней по короткой лестнице, толкаю крышку люка и ловко взбираюсь внутрь.

— Локи, ну надо же... — хрипло смеется Лжетворец и тычет мне в ухо большое холодное дуло. Похоже на дробовик, и лучше бы я в кои-то веки ошибся, потому что от прямого выстрела голова превратится в кашню, а от такого даже мне придется восстанавливаться минимум пару лет. — Руки вверх, мерзкая тварь.

Спокойно кладу ладони на затылок, поднимаюсь в его сырую, воняющую воском и польнюью коморку, и оглядываюсь в поисках места, куда бы устроить свою задницу. Приличные люди ведут переговоры сидя. На противоположной стене, прямо под скосом крыши, есть круглое окно в строгом тюремном стиле: решетки есть, пыль имеется и даже паутина со всякой дохлятиной. Не удивлюсь, если Лжепророк иногда собирает с пауков церковную десятину. Мухами и прочими членистоногими.

Под окном есть кресло: единственная более-менее чистая вещь в этом клоповнике, и я устраиваюсь в нем, не дожидаясь приглашения, все еще демонстративно держа ладони на затылке. Лжетворец все так же держит меня на мушке.

Пауза. А куда же без нее?

И пока она не закончилась, ответу на вопрос, который с великой долей вероятности сейчас посетил ваши головы: какого фига я поперся сюда вот так, практически, постучав в дверь, если мог прокрасться тише и незаметнее?

Отвечаю: мне нужно, чтобы Лжетворец хоть немного, но поверил в искренность моих намерений. Нужно дать ему понять, что я пришел с миром и прочей херней и готов заключить честную сделку без десяти джокеров в рукаве. Было бы очень глупо рассчитывать на доверие, начиная с обмана. И раз уж дробовик в его руках до сих пор не выстрелил, а во мне не появилась сотня новых дыр, план, при всей его тупизне, пока что работает.

— Хех, а ты почти по часам, — крикает Лжетворец, одной рукой шаря по тряпью у себя на постели. Каким-то чудом находит зажигалку, сигареты, прикуривает и пускает вонючий дым мне в лицо. — А я думал, что меня развели.

Хммм... То есть он меня ждал?

— Плохо ты гостей встречаешь, Дормидонт. Где ковровая дорожка? Где голые монашки с воском на срамных местах? Где, в конце концов, пара зарезанных черных кур? Никакого фейерверка.

— Прости, я только это прикупил. — Он поглаживает вороненую сталь дробовика и делает громкое «Пиф-паф!»

Выразительно хлопаю в ладоши, оттягиваю манжеты и забрасываю ногу на ногу.

Хочется спросить, кто слил мой визит, но, боюсь, ответ мне не понравится.

— Чем могу помочь самому Великому Локи? — спрашивает Лжетворец, ухмыляясь, кажется, именно так, как обычно ему ухмыляюсь я, когда он снова вдрызг проигрывается в «Палаццо». Какая-то жалкая пародия, честное слово. Даже немного обидно.

Хотел сказать ему, что решил приобщиться к его религии, поцеловать ступни и вообще окатить придурка всей мощью своей иронии, но сейчас не место и не время. И потом: даже я не очень умею шутить под дулом двустволки. Поэтому жду, пока он выпустит в мою сторону едкий дым сигареты, и говорю:

— Я пришел предложить тебе выгодный обмен.

— Выгодный кому? — мигом прищуривается он.

— Нам обоим. Тебе, наверное, в большей степени.

Надо понимать, что с такими отбросами жизни лучше никогда не откровенничать, а тем более не показывать им свои болевые точки. Потому что вот такие Лжетворцы знают о человечности и порядочности даже меньше, чем я, а мне, поверьте, нечем прихвастнуть. Поэтому я ни в коем случае не собираюсь говорить ему о моей Овечке.

— Я весь внимания, — растягивая слова, говорит Лжепророк.

— Я хочу знать, как ты вернулся, а взамен дам тебе... ну, допустим, немного своей крови.

То, как алчно загораются его мутные глазенки, достойно отдельного разговора о человеческой жадности и тупости, но это как-нибудь в другой раз. А пока я вытягиваю руку, снимаю запонку и немного подтягиваю вверх рукав, обнажая запястье. Если бы я не был на сто процентов уверен, что это недоразумение не может быть упырем, то сейчас бы не смог удержаться, чтобы не проверить его клыки. Смотрит так, будто готов не ссedit пару капель моей кровушки, а сожрать всю руку до плеча. Может, зря я все это затеял? А вдруг и с моей Овечкой после возвращения случится такая же болячка в голове?

Мысленно отмахиваюсь от бестолковых образов, нетерпеливо дергаю носком туфли, отвлекая Лжетворца от созерцания моих артерий.

— А если я не скажу?

Что за тупой вопрос?

— Тогда никакой сделки не будет.

— А зачем мне сделка, если я и так могу прямо сейчас взять не пипетку твоей крови, а ее всю?

— Зачем тебе столько моей крови?

На самом деле, он, конечно, может устроить мне сладкую жизнь, но я все равно выживу, и сейчас именно мне нужно быть более сговорчивой стороной, потому что я должен узнать хоть что-нибудь, должен отыскать зацепку. Иначе... я просто не знаю, что буду делать.

— Ты, правда, думаешь, что я знаю какой-то секрет? — Лжепророк хохочет — и мне хочется размазать его рожу по стенке, планомерно и методично, пока лицо не сотрется, как

карандашный грифель. — А даже если бы и знал — стал бы торговаться тайными знаниями с демоном?

— Конечно стал бы, ведь у меня есть то, что тебе нужно. — Я передергиваю плечами, прячу запястье обратно в рукав и встаю. Не хочет по-хорошему — придется подстегнуть быть сговорчивее. — Но ты, в общем, прав — глупая была затея договариваться с таким, как ты. Есть и другие, в конце концов.

Он даже разрешает дойти мне до двери, но я так и не успеваю положить ладонь на дверную ручку, потому что сперва меня глушит грохот выстрела, а потом тяжелый удар в спину буквально опрокидывает навзничь.

Черт, а ведь я был уверен, что у него кишка тонка выстрелишь.

Придется встать и навалить этому уроду по самое не балуйся. Даже выстрела в упор недостаточно, чтобы меня стреножить.

Только... что-то не так.

Что-то вообще хуже некуда. Потому что я не могу пошевелить даже мизинцем.

И думать, кажется, тоже уже не могу.

Глава сорок седьмая: Локи

Когда-то очень давно, когда я еще не был дьявольским красавчиком, а просто мелким засранцем Локи, отец поймал меня на вранье. Он и раньше ловил, но тогда я еще не до конца понимал, что его прозорливость вовсе не оттого, что я оставляю следы и плохо маскирую свои мелкие пакости. Тогда я думал, что чем больше и чаще буду врать и блефовать, тем быстрее постигну самые глубинные тайны лжи и тем скорее стану независимым от своего властного отца.

Был приготовлен безупречный план: я точно не мог ничего напутать. Я рассчитал каждый свой шаг по секундам. Но все рано попался, причем прямо на месте преступления с любимой отцовской монетой в кулаке. Не было дня за все две сотни лет моей разгульной жизни, чтобы я не вспоминал его взгляд в тот день. Кажется, именно тогда я стал для него «младшим», что равносильно печати разочарования. И еще были слова, которые намертво впечатались мне в мозг: «Ты еще только думаешь о своих фокусах, а я их уже знаю».

Этот сукин сын всегда был на шаг впереди, потому что ни одна из моих мыслей не была для него секретом.

И вот он я, Великий хитрец Локи: вишу, распятый, на кресте в старой кривой церкви, с дыркой в груди, истекаю кровью и думаю, что чертовски рад своей вынужденной немогущести. Сами посудите: есть особая прелесть в том, чтобы не чувствовать собственных прибитых гвоздями рук и ног. Нет, я совсем не преувеличиваю — эти альтернативно одаренные товарищи действительно распяли меня в своем дурацком храме.

Вам грустно и печально? Улыбнитесь, ведь в любой ситуации есть место улыбке, особенно, когда вся трагичность сцены на хер перечеркнута стоящей под крестом ржавой кастрюлей, в которую стекает моя кровь. Я вот и рад бы посмеяться, но не могу, потому что у меня дыра в груди, и каждый вдох — это как добровольное падение на ржавую арматуру.

Вся паства слетелась на пир: сутулые, худые, с толстыми свечками и горящими глазами. Что-то монотонно и очень слаженно бормочут, но мне плевать, какую заунывную песню смертные приготовили моей бессмертной душе. Даже если это смешная детская считалка, которую Лжепророк выдал за истину свыше.

— Знаешь, почему они молятся? — слышу мерзкий хриплый шепот. Молчу. — Ну ладно, не буду морить тебя неизвестностью. Я пообещал им, когда все закончится, и я впитаю кровь Создателя, они получают то, чего заслуживают — право поквитаться с мерзким демоном. Я должен дать им это, демон, чтобы мои верные слуги знали — вы тоже смертны.

— Хороший... выстрел, — усмехаюсь в ответ, стараясь не дать ему ни единого повода заподозрить боль в моем голосе. — И пули отличные? Где взял?

Он кивает с довольным видом. Господи, настолько туп, что даже не способен услышать ничем не прикрытый сарказм.

Ну, спасибо, папочка, что надоумил своего верного слугу. Правда, он тобой прикидывается, но ему ведь ты простишь, он же — твое смертное дитя, не то, что засранец и грешник Локи.

Только, пока меня тут не линчевали, давай поговорим по душам, хоть раз в жизни? Ты, правда, думал, что, сделав меня подобным им, получишь смиренного дятла? Нет, серьезно? И где ты вообще видел демонов-девственников? В японских мультиках? Да брось!

Пока говорю сам с собой — наверное, сказывается потеря крови, и галлюцинации превращаются в цветное кино с эффектом 3D — Лжепророк показывает свое запястье, где красуется кривой еще не начавший заживать шрам.

Он что, совсем придурок? Мазал пули собственной кровью?

Придурок или нет, а это сработало, потому что это не он висит на кресте и не может пошевелиться. Честно, мне бы и в голову не пришло найти связь между его неприкосновенностью и моим параличом, но это, сука, просто гениально. Слишком гениально для его пустой башки.

Ладно, обещаю: последний мой монолог. Вероятно, не только сейчас, но и вообще, потому что перед глазами и правда какая-то бесцветная болтанка.

Есть две вещи, о которых я жалею прямо сейчас. И обе причиняют мне боль. Уверен, куда большую, чем пробитые руки и ноги.

Первая: жаль осознать, что я настолько противен собственному отцу, что он использует меня, как марионетку, просто ради развлечения и очередной попытки доказать, как глупо было снова пытаться переиграть его планы.

Вторая: мне очень жаль, что я так и не смог ничего сделать для Овечки. И что не сказал ей, как много она для меня значит. Больше, чем я думал, направляясь сюда. Больше, чем значит все, что у меня есть. И, кажется, больше, чем мое собственное бессмертие.

Мысли становятся вязкими и очень путанными. Я почти ничего не соображаю, когда эти психи начинают верещать какую-то ерунду о возвышении и обретенном величии. Опускаю взгляд и мысленно громко от всего сердца смеюсь, когда Лжепророк пафосно хлещет мою кровь из какого-то ковшика. И почти мгновенно чернеет, как брошенная в огонь деревянная кукла. Чернеет, кричит, корчится — и начинает превращаться в уголь, так же стремительно покрываясь порами и трещинами.

Никогда не пейте кровь демонов.

Она — отравы для смертных. Даже для тех, которым подыгрывает сам Создатель.

Представляю, каково бедолаге: вернуться с того света, придумать себе мечту, достичь ее и уже почти сидеть жопой на золотом троне... И вдруг понять, что у закона жизни есть обратная петля, и сейчас он как раз стоит у нее на пути.

Первое время, пока овцы еще не понимают, что пастух почернел окончательно и бесповоротно, стоит гробовая тишина. Они все ждут, что он воспрянет, поведет их к свету или куда он обещал их повести. Потом из толпы выделяется растрепанная баба, идет к нему и трясет за плечо. Зря она это, потому что скукожившаяся головня превращается в большую гору золы.

Вздых, причитания.

Бабенка поднимает на меня взгляд, и я не могу удержаться, чтобы не съязвить:

— Нельзя пить кровь демона на голодный желудок. От этого случается изжога.

Что происходит потом, помню очень смутно, но лучше бы я, конечно, ничего такого не говорил.

Самое фиговое то, что в какой-то момент, когда меня буквально разрезают на ленты, я снова начинаю чувствовать свои руки и ноги, и каждую дырку в теле, и каждый удар. Правда, совсем недолго, потому что немеют кончики пальцев.

Несколько раз проваливаюсь в пустоту, прихожу в себя и угасающим слухом ловлю обрывки фраз: отлично, меня, кажется, собираются сжечь вместе с церковью. Так сказать, устроить Лжепророку пышные проводы. А чтобы не сбежал, связывают, как колбасу.

Снова отключаюсь и снова прихожу в себя, потому что кто-то срезает с меня веревки и укладывается рядом, наверное, прямо в лужу моей же крови.

Глава сорок восьмая: Локи

После пролога

Я кое-как поднимаюсь сперва на колени, упираюсь ладонями в пол, балансируя на нетвердых конечностях, над которыми пытаюсь вернуть контроль. Как будто я — марионетка, которой только что отсекли все веревочки, и приходится срочным образом учиться двигаться самостоятельно.

Мне больно. Боль такая сильная, пронзительная и горячая. Не моя.

Совершенно точно не моя. Я привык к тому, что меня за двести лет, как только не пытали и чем только не убивали. А эта боль — она как будто в первый раз. Знаете, все равно, что порезанный палец: когда первый раз видишь кровь — это страшно и, кажется, от этого непременно умрешь. А потом просто относишься философски: наматываешь пластырь и живешь себе дальше.

С чувствами во мне — совсем другое. Они на грани, в той острой точке, когда понимаешь, что еще немного — и провалишься в самую агонию, и хочется, чтобы это случилось поскорее, потому что терпеть больше невозможно.

И когда догадка приходит в мою голову, я чувствую слабое прикосновение холодных пальцев к своему запястью.

— Локи...

Поворачиваюсь — и впервые в жизни, впервые за всю мою пустую и бессмысленно жизнь, мне хочется закрыть глаза и сказать: «Это — не правда».

Александра — эмпатка. И она чувствует не только мои эмоции, мою страсть и желание.

Она чувствует и мою боль тоже.

Настолько сильно, что та отпечатывается на ее теле каждой из моих ран, проступая на одежде бурыми пятнами.

— Я... не очень... хорошо себя чувствую... — шепчет Овечка стремительно синеющими губами. — Бинт бы... помог...

И улыбается, чтобы приободрить меня.

Моя маленькая храбрая Александра хочет, чтобы я не боялся ее потерять.

Я прижимаю ее к себе, прячу лицо в темных волосах.

— Все будет хорошо, Овечка...

Она кашляет и выдыхает:

— А еще... великий... обманщик...

Становится тихо-тихо. Так тихо, что слышу, чего больше нет в этой тишине: рваных и медленных ударов сердца.

В этой проклятой тишине больше нет моей Александры.

Когда я был совсем маленьким, какая-то из матерей рассказывала мне притчу о человеке, который хотел доказать Создателю, что его работа не так уж сложна, и не придумал ничего лучше, чем перетаскать горстями снег из пустыни в океан. Не знаю, что было у чудака в голове, но у него ничего не получилось, потому что идея была с самого начала обречена на провал. В детстве эта история — основанная на реальных событиях — казалась совершенно безумной. Но если бы кто-то сейчас предложил разменять жизнь моей Александры на то, что я потрачу бессмертие, наполняя Тихий океан песком из Сахары, я бы даже не стал торговаться. Только никто не предлагает.

Она умерла из-за меня. Не потому, что фанатики поймали ее и устроили пытку. Как раз нет: никто ее не увидел и не услышал, и я знаю, в чем причина. Кулон У, который до сих пор на моей Овечке. Кулон богини Удачи, который помогает во всех начинаниях, личный флакон бесконечного везения. Везения во всем: в том, чтобы под рукой оказался полезный демон, который за пару часов переделает всю работу с базой, в том, что ее не выгнали с работы за прогулы. В том, что «проклятие» моего отца обходило ее стороной. В том, что она прошла мимо охраны, которая ни за что бы не пропустила ее в святая святых этого клоповника. Но так получается, что убил ее все-таки я.

За стенами тухлявого создания слышны крики и возня. Воздух медленно наполняется запахом бензина — и по полу начинает ползти дым. Очень быстро подбирается к моим ногам, лижет Овечку за пальцы лежащей на досках ладони. Ревниво подтягиваю мою девочку выше, к себе на колени, и качаю, как ребенка, хоть она спит самым крепким сном в мире, и больше всего на свете мне хочется ее разбудить.

— Так и будешь тут сидеть? — слышу знакомый голос и даже не поднимаю голову.

— В кои-то веки ты — и не ерничаешь, — говорю с заметной иронией. Хорошо, что Александра лежит в моих руках, иначе я бы попытался его убить, даже зная, что это невозможно ни одному смертному и бессмертному существу на земле.

— У тебя все равно ничего не получилось бы, — бросает отец, присаживаясь на корточки. Смотрит на Овечку долгим взглядом, потом с горечью изучает месиво в моей груди. — Оставь ее, Локи, все кончено.

Так просто, да? «Оставь ее, Локи?» «Все кончено?»

Я смеюсь, как ненормальный. Слишком громко, но это все равно не глушит боль. Наоборот: сжимает глотку стальным обручем, давит до судорог в голосовых связках, и я все-таки ору. Не кричу, не вымаливаю прощение. Просто ору, потому что мне на хер не нужно это сраное бессмертие, если я буду в нем один.

— Локи...

— Пошел на хуй отсюда. Я не знаю, в чем был твой великий замысел, но ты забрал невинного светлого человека только потому, что хотел чему-то научить своего бестолкового сына. Кто-то должен уравнивать этот твой сраный неидеальный мир, Создатель. Кто-то должен заплатить за твои игры со смертными. Думаю... — смотрю ему в глаза, но даже сейчас там нет ни капли сострадания, — жизнь твоего бессмертного сына — адекватная цена.

— Думаешь, я буду просто стоять и смотреть, как ты корчишь из себя влюбленного дурака? — недоумевает он.

— Думаешь, мне не плевать, что ты будешь делать?

Дым поднимается выше, и я просто не могу поднять Александру над молочно-белой завесой, которая поглощает ее с неумолимой быстротой.

— В одном ты точно ошибся, Создатель. — Я отвожу волосы с лица моей Александры и поглаживаю ее щеку, проклиная себя за то, что не делал этого раньше каждую минуту, которую мог делать. — Я не корчу влюбленного дурака. Я и есть влюбленный дурак.

Дым ползет еще выше и путается между темными прядями моей Александры, как любовник.

Ревниво стряхиваю белые хлопья с ее локонов, но это напрасная трата времени.

— Кто тебе сказал, что я ошибся, Локи?

Его слова словно активируют заклинание остановки времени. Воздух между нами кристаллизируется в мириады мелких льдинок. Дым замерзает у меня на пальцах.

Ненавижу эти его фокусы.

Ненавижу то, что чтобы я ни делал — он снова впереди.

А сейчас к этой ненависти прибавляется поганое чувство, что все это время не я играл с ним, а он играл со мной. И что я был просто гончей, которая бежала за кроликом его замысла, хоть думала, что поступает по своей воле.

— Надеюсь, Локи, теперь ты понимаешь?

— Ни хера я не понимаю, — вру я. Понимаю, сукин сын, теперь-то все отлично понимаю. — Ты привел ее сюда? На заклятие?

— Это ты, а не я придумал назвать ее Овечкой. — На этот раз он не скрывает, что даже в таких мелочах облапошил меня, как желторотика, севшего играть в покер с «Акулой». — Скажи мне, сын, каково это — чувствовать себя обманутым и использованным? Чувствовать себя носовым платком, в который высморкались и бросили в урну?

Хервое не придумаешь, но у меня язык не повернется произнести это вслух.

Хотя, это же Создатель: он знает мои мысли до того, как их узнаю я сам.

— Каково это: быть обыгранным игроком, у которого невозможно выиграть?

— Если бы ты только знал, как меня затрахала твоя философская чушь, — отмахиваюсь от него. «Просто уйди, Создатель. Я не стану ничего у тебя просить, только дай мне сгореть в тишине, а не под аккомпанемент твоего морализаторства. Поверь, хуже, чем сейчас, ты мне уже не сделаешь».

Он слышит мой внутренний монолог и медленно, красуясь, качает головой.

— Хочешь контрольный выстрел? — усмехаюсь я. Нет, правда, он и так вырвал у меня сердце. Что может быть хуже?
В памяти всплывает тот день, когда я водил Александру в музей.
Статуя, возле которой она стояла с полными глазами слез.
И наш с ней разговор.

«Что плохого в том, чтобы прожить одну жизнь с любимым человеком вместо сотен жизней одному?..»

«Ни одна не стоила того, чтобы прожить с ней одну единственную жизнь от начала и до конца?..»

— Ты стоишь, мой Бермудский треугольник, — говорю шепотом, и в моей разодранной груди пульсирует режущая, раскаленная боль. — Ты стоишь миллиона жизней.
Я ведь могу расколоть душу и...
— ... и я верну ее взамен на эту жертву, Локи, — продолжает Создатель. — Но ты забыл, что у истории Нежности и Гнева нет конца. Почему?
— Потому что они стали смертными, а до возни смертных в Тени уже никому нет дела.
— Нет, Локи. Потому что можно вернуть жизнь, но нельзя вернуть человека, Локи.
— Можно, блядь, хотя бы сейчас без ребусов?
Отец смотрит мне в глаза и тихо, как будто ему надоело надо мной издеваться, говорит:
— Она будет Александрой, но она не будет той Александрой, которую знаешь ты. И в какой-то совсем другой ее жизни она, возможно, будет учиться в консерватории и жить на другом континенте, будет страдать от аллергии на арахисовое масло и жить в счастливой семье. И в ее жизни не будет тебя, Локи. Все, что произошло, останется только в твоих воспоминаниях. И ты проживешь с ними всю свою, может быть, очень короткую или очень длинную смертную жизнь.
Но она будет жива.
Я снимаю с шеи Овечки ошейник и отдаю отцу. Он молча сжимает его в кулаке и от адской вещи не остается и следа.
— Я никогда ни о чем тебя не просил, Создатель. Но если ты не полный засранец, то выполнишь мою просьбу.
Сглатываю, потому что жжение в груди становится просто невыносимым, но дело совсем не в том, что моя душа вот-вот лопнет надвое. Плевать на это. Я как полоумный тряся над своим бессмертием, а теперь не могу дожидаться, как бы поскорее избавиться от этой ноши.
Я не знаю, смогу ли жить в том мире, где мой Бермудский треугольник будет улыбаться другому парню. Будет любить какого-то так же сильно, как любила меня.
Но одно знаю точно.
— На этот раз сделай ее счастливой.

Глава сорок девятая: Александра

Полгода спустя

— Сашенька, подъем! Опоздаеш. Стилист вот-вот придет!
Пытаюсь подтянуть одеяло еще выше, хоть и так зарылась в него с головой, и даже пятки торчать наружу. Но мама умеет быть настойчивой, особенно когда дело касается такого важного события в жизни ее уже совсем взрослой дочери, как свадьба.

— Хочешь выти замуж в пижаме? — Она немилосердно сдергивает покрывало и смотрит на меня наиграно строгим взглядом.

— Не такая уж плохая идея, — сонно бормочу я. — Особенно, когда пижама от «Виктории Секрет».

— Александра Романова Вторая, ну-ка живо в душ, или, клянусь, я принесу душ в твою постель.

— Все равно я сплю в ней последний раз. — Показываю ей язык и все-таки вскакиваю на ноги. На это матери возразить нечего, и она, прижимая одеяло к груди, с умилением смотрит, как я потягиваюсь и первым делом бегу к стойке, на которой висит мое тщательно отглаженное свадебное платье. Даже пальцем боюсь его тронуть — такое оно красивое. Ни одной принцессе из диснеевских мультиков не снился такой прекрасный наряд.

Поворачиваюсь и совершаю свой ежедневный утренний ритуал: беру со стола рамку с фотографией Димы, чмокаю его в губы и радуюсь, что принц у меня тоже самый лучший. Умный, красивый, обеспеченный. Влюбленный в меня без памяти.

Ставлю фото обратно, бегу в душ, но в дверях поворачиваюсь, чтобы еще раз посмотреть на мужчину своей мечты.

Только на этот раз это совсем другое лицо.

Снова. Опять. Каждый раз совершенно неожиданно, как будто сама жизнь не дает мне выработать защитные инстинкты.

Вместо моего белокурого голубоглазого Димы с милыми вихрами, на снимке сероглазый брюнет с острыми чертами лица, немного приподнятыми уголками глаз и хищной улыбкой. Такой... Невыносимо красивый, что сердце заходится, будто я могу умереть от одной только мысли о том, что могла бы почувствовать, поцелуй он меня.

Наваждение какое-то.

Трясу головой, жмурюсь, опять смотрю на фото — и теперь там снова мой жених.

— Все хорошо? — взволнованно переспрашивает мама.

— Просто предсвадебный мандраж, — успокаиваю ее и, закрывшись в душе, наваливаюсь спиной на дверь.

Если бы я не училась в медицинском и не высмеивала всякую паранормальную чушь о переселении душ, я бы поверила, что вижу кого-то из своей прошлой жизни.

Вижу, кажется, с самого рождения.

За два часа мои волосы превращают в умопомрачительную прическу, на лицо накладывают макияж, и мама помогает затянуть корсет платья, которое сидит на мне точно по фигуре, потому что сшито на заказ у модного дизайнера. Я смотрю на себя в зеркало и чувствую неприятное волнение, которого точно не должно быть, потому что сегодня самый счастливый день в моей жизни, и в нем нет места всяким надуманным страхам.

Хотя это и не страх совсем. Скорее, паника. Да, точно, это просто паника, обычная предсвадебная паника, потому что хоть мы с Димой встречаемся уже два года, именно сегодня наши отношения перейдут на новый уровень.

— Ты у меня такая красавица, — шепчет мама в отражение в зеркале. Стоит у меня за спиной, поглаживает плечи и глотает слезы, как будто я иду на заклание, а не в ЗАГС. — Ты точно его любишь, солнышко мое?

— Конечно, люблю, — отвечаю быстро-быстро, потому что всем сердцем в это верю.

Мама кивает, отходит, а я пытаюсь представить рядом Диму. В строгом костюме, с его прекрасными светлыми глазами и заботой, которой она окружил меня со всех сторон. За моей спиной начинает материализоваться мужская фигура, и я счастливо улыбаюсь, предвкушая увидеть знакомую улыбку. Его улыбка всегда меня успокаивает.

Но... очевидно, это не Дима.

Он выше, крепче, и вместо строгого черного пиджака на нем модный синий костюм и щегольская рубашка персикового цвета. И то же лицо — красивое, острое, как отражение в лезвии ножа. И хитрая усмешка, от которой кровь приливает к щекам. Его рука обвивается вокруг моей талии, притягивает к себе, и я не могу сопротивляться, сама лгну к нему, как вещь к своему хозяину. Незнакомец наклоняется — я чувствую его дыхание у себя на шее. Он не существует, лишь плод моего воображения, но я чувствую каждое прикосновение губ, каждый горячий поцелуй и зубы, прикусывающие мою артерию.

Собственное отражение беззвучно шепчет одними губами: «Ты кто? Я тебя знаю?»

— Ты что-то сказала, дорогая? — переспрашивает как будто из тумана голос матери.

Я вскидываюсь, моргаю, как будто только что проснулась — и отражение в зеркале снова показывает только меня. Я прикладываю к нему ладони, нажимаю, сейчас как никогда сильно и отчаянно веря, что в зазеркалье существует другой мир и другой мужчина, с которым — хоть я его и не знаю — мы тесно связаны.

— Ничего, мам. Просто мысли вслух. Нервничаю. Учусь говорить: «Да, согласна!»

Через полчаса машина уже возле подъезда. У нас современная свадьба: никаких старых обрядов и всего такого. Дима заходит в комнату, вручает мне круглый шарик букета из белых розочек и чмокает в щеку. Восторг в его глазах такой яркий, что мне хочется прикрыться рукой от такого обожания. Нет, ну о чем я только думала? Вот же он — мужчина, который будет любить меня всю жизнь, будет боготворить, холить и лелеять, носить на руках и обожать наших детей. А тот, другой — это просто моя слишком буйная фантазия. Я с детства всем рассказывала, что существует параллельный мир, где живут злые вампиры и милые демоны, и где никогда не светит солнце, а в центре столицы в высокой черной башне живет принц в заточении, и его сердце никому не принадлежит. Но я становилась старше, фантазии тускнели, и мне пришлось распрощаться с детством и своими фантазиями.

— Ты такая красивая, — шепчет Дима, порываясь снова меня поцеловать, но я легонько толкаю его в плечо. — Понял, извини, не буду портить макияж.

Мы садимся в разные машины: Дима с шафером и отцом, я — со своей подружкой и матерью.

Смотрю в окно и пытаюсь представить, какой будет наша первая брачная ночь, потому что, хоть мы с Димой уже два года в паре, он уважает мое желание оставить хоть что-то традиционным. Например — мой первый раз уже в статусе жены. Почему-то это кажется совсем не смешным и не древним, а правильным. И надо мной вполне можно смеяться по этому поводу — мне, в общем, все равно.

— Ты такая счастливая, Сашка, — повизгивает от радости Оля, моя подруга со школьной семьи.

Она у меня правая рука, левая нога, одно из полушарий и все такое. У кого-то подружки — голос здравомыслия, а у меня — визг безрассудства. Когда я рассказала ей о мужчине из снов, рассчитывая услышать трезвые доводы в пользу, почему у меня протекает крыша, она раздобыла где-то программу создания лиц, и мы потратили пару часов, пытаюсь создать портрет по моим воспоминаниям. В итоге сделали штук десять, и каждый не был похож на предыдущий. Потом еще с месяц просто вместе разыскивали снимки в социальных сетях, хоть за это время можно было с большим успехом отыскать иголку в стогу сена. В общем, все дошло до абсурда: я смирилась, а Оля еще какое-то время пыталась отыскать моего несуществующего «принца из снов», как сама же его и назвала.

— Сегодня опять снился? — шепотом спрашивает она.

— Хуже, сегодня целоваться лез, — так же шепотом отвечаю я и притрагиваюсь пальцами к шее в том месте, где призрак оставил невидимую печать поцелуя. — Просто блажь какая-то.

— Вот зря ты со мной к колдунье не пошла, — корит подруга. — Может, вызвали бы дух твоего красавчика...

— Откуда ты знаешь, то он красавчик? — фыркаю я.

Машина притормаживает на светофоре, и я выглядываю в окно. Кафе с названием «Пончик», детский магазин, на котором нарисована огромная пустышка, ювелирный магазин, возле витрины которого стоит высокий мужчина в модной персиковой рубашке и синих брюках.

Темные волосы, широкие плечи, стройное тело породистого жеребца.

Я уже видела эти брюки и эту же рубашку!

Открываю дверцу и практически выскакиваю на дорогу.

— Александра! — кричит мама. — Ты куда? Да что случилось?!

На светофоре загорается красный — и машины, как по команде, начинают сигналить. Из окна черного внедорожника высовывается темноволосый мужчина и кричит:

— Иди за меня замуж, красотка!

Я не обращаю внимания, пытаюсь лавировать в потоке машин. Почему им так трудно подождать всего минуту?! Подбираю юбки, но все равно путаюсь в ногах и чуть не падаю, вовремя хватаясь за капот спортивного автомобиля, и блондинка за рулем крутит пальцем у виска.

А когда я, наконец, как лягушка по листьям кувшинок, перебираюсь на противоположную сторону, то возле витрины уже никого нет. Осматриваюсь по сторонам, стараясь не реагировать на крик матери. Воздух пахнет холодной свежестью и морской солью. Должно быть, я похожа на собаку, пытающуюся взять след. С одной стороны, тротуар уходит по прямой — и там никого нет. С другой — поворот всего в десятке шагов. Сбрасываю туфли и босиком бегу туда, на ходу чуть не сшибая пожилого мужчину. Извиняюсь, подбираю с земли его трость и снова бегу, окрыленная мыслью, что там, за углом, я, наконец, разгадаю эту загадку. Но за углом никого. Просто пустой тротуар. Совершенно пустой, как будто жизнь нарочно вычистила улицу от случайных прохожих.

— Ты совсем сдурела? — орет где-то совсем рядом Оля.

— Он был там! — кричу я, сжимая виски ладонями.

— Да кто был-то?

— Тот мужчина из моих снов. У витрины ювелирного магазина.

— Там никого не было, Сашка, — хлопает глазами подруга. — Я же смотрела за тобой, когда ты, как угорелая вылетела из машины. Никого не было. Я бы точно заметила.

— Александра, что происходит?! — Крик матери скорее испуганный, чем раздраженный.

А я...

Я просто снимаю фату вместе со шпильками и вкладываю ей в руки. И пячусь, чтобы не угодить в объятия.

— Скажи Диме, что он очень хороший, — прошу ее в ответ на непонимающий взгляд. — Правда, хороший. Но я, кажется, принадлежу кому-то другому.

Глава пятидесятая: Александра

Прохожие косятся на меня, как на ненормальную, потому что на улице уже стемнело, а я брожу по парку босая и в свадебном платье без малейшей мысли, куда идти и что делать. Небо уже темно-синее, как бархат, сверкает ярким серебром звезд, и я развлекаюсь тем, что черчу между ними прямую своего пути. Возможно, где-то там спрятана разгадка ребуса, который приведет меня к волшебной дверце, за которой я найду выдуманную волшебную страну из своих детских фантазий. Даже если она наполнена не единорогами и феями, а кровожадными тварями и развратными порождениями порочной крови.

Никогда за свои двадцать лет не делала ничего глупее, чем сегодняшний побег. Но домой возвращаться совсем не хочется. Не потому, что стыдно или боюсь осуждения родителей. Просто мне вдруг кажется, что это — совсем не то место, где я должна быть.

Спокойно, Александра, ты же медик, ты знаешь, что у любого «внезапного озарения» есть медицинское обоснование, записанное в классификацию психических заболеваний. И раз я пока способна осознавать, что у меня большие проблемы, то можно надеяться, что в ближайшее время смиренная рубашка не станет моей повседневной одеждой. Если, конечно, та милая пожилая женщина, которая идет за мной следом, прямо сейчас не звонит людям в белых халатах.

Но, похоже, домой все-таки придется вернуться, потому что у меня нет ни копейки денег, а в метро бесплатно меня точно не пустят.

Сворачиваю на малолюдную улицу и стараюсь не смотреть по сторонам, чтобы не наткнуться на осуждающие и насмешливые взгляды. Кто стал сегодня звездой ютуба — тот я. Причем, судя по количеству снимающих, я попала в объектив во всяких-разных ракурсах. Что ж, буду вести свой канал из сумасшедшего дома, стану, возможно, первым официально чокнутым блогером. На пешеходном переходе меня пытается кадрить долговязый парень: травит идиотские подкаты в духе тех, не нужен ли моей маме зять. Я подбираю юбки, выразительно кручусь вокруг своей оси и спрашиваю:

— Мой прошлый парень, который подкатывал так же, теперь сидит в печали позора, потому что у него есть теща, но нет жены. Хочешь стать вторым?

Он кривится, но закрывает рот и, пока мы ждем «зеленый», старательно делает вид, что меня не существует.

Перехожу на другую сторону — и передо мной снова тот самый ювелирный магазин! Заколдована петля, бег по кругу — я готова оправдать это чем угодно, только бы принести каплю фатализма в совершенно обыденную вещь. Мало ли, как меня сюда занесло, в конце концов, именно отсюда до моего дома почти рукой подать, хоть я ни разу за всю свою жизнь не ходила по этой стороне улицы.

Останавливаюсь у витрины, разглядывая элитные украшения. Интересно, что он мог здесь рассматривать? Даже если никакого «его» не существует, я буду продолжать верить в переселение душ. Я же теперь официально сумасшедшая и мне можно верить во все, что угодно.

На бархатной подушке лежит красивое ожерелье и пара сережек. Еще — браслет с изумрудами. И красивое кольцо с бриллиантом. Может быть, у него есть девушка, и он подыскивал ей достойный подарок к предложению руки и сердца?

«Вообще-то я собирался сделать тебе предложение... Ну, знаешь: одно колено, маленькая коробочка, красивое кольцо...»

Отчетливо слышу эти слова в своей голове: мягкий насмешливый голос, самоуверенность в каждой гласной, ни намек на то, что он допускает хотя бы намек на отказ.

В темной витрине за моей спиной возникает уже знакомое лицо, но на этот раз без улыбки.

Напряженный серый взгляд, нахмуренные брови и голос, чуть не тонущий в шуме пролетевшей мимо полицейской машины:

— Невеста потеряла жениха?

Сглатываю, потому что у моего безумия появился новый симптом — слуховые галлюцинации, и, не думая, отвечаю:

— Нет, кажется, нашла.

Поворачиваюсь, наплевав на стертые в кровь стопы.

— Привет, Овечка, — без намека на улыбку говорит мужчина.

— Овечка... — повторяю вслед за его губами. — Я тебя знаю.

Это не вопрос — это правда, с которой я, кажется, родилась на свет. Это что-то такое, что всегда было со мной: как кров, как воздух в легких, как закон жизни, который заложен в биение сердца.

— Надеюсь, что знаешь, — соглашается он. Прóbует улыбнуться, но вместо улыбки получается какая-то гримаса боли, как будто у него вдруг оголился зубной нерв. — Откуда у тебя это?

Протягивает руку, но в последний момент одергивает ладонь, как будто боится случайно тронуть меня даже кончиками пальцев. Слежу за его взглядом и сжимаю в кулаке кулон в форме большой буквы «У» на цепочке. Мама настаивала, чтобы я сняла эту безделушку, а вместо него надела подходящие случаю украшения. Я отказалась.

— Нашла в песочнице, — чувствую, что глупость в моей улыбке просто зашкаливает, но ничего не могу с собой поделать. — Была совсем маленькая и просто откопала лопаткой. С тех пор никогда не снимаю. Это... — передергиваю плечами, — просто безделушка. Бижутерия. Но почему-то не темнеет и ни один камешек не отвалился, хоть я в нем и в ванну, и на море.

— Прямо волшебство, — все-таки выкраивает улыбку мужчина.

И между нами снова висит долгая неловкая пауза.

Я знаю его имя. Знаю, что когда он злится, его глаза становятся такими темно-серыми, какими бывает только смертельный ураган, а когда он доволен, то издает такие звуки, будто он — енот, и его кормят шоколадными рисовыми шариками. Знаю, что у него огромное сердце, которое он прячет за семью замками, и что я любила его, люблю и всегда буду любить.

Мне бы только вспомнить его имя. Не знаю, почему, но уверена — я должна сделать это без подсказок.

— Может быть... — Он кивает на противоположную сторону улицы. — Могу отвезти тебя, куда скажешь.

Я осматриваю несколько припаркованных около магазина машин и уверенным шагом иду к черной, спортивной. Еще не вижу номер, но знаю, что там есть восьмерка и двойка. Мужчина молча идет за мной, наблюдает, как я безошибочно угадываю его машину. Помогает сесть и,

пока я нервно тереблю на коленях испачканное свадебное платье, убирает крышу.

Простреливает взглядом, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

— Куда едем? — спрашивает еще раз, потому что я продолжаю молчать, и потому что меня основательно трясет.

Ответ уже есть в моей голове, но он настолько безумный, что я боюсь произнести его вслух и просто стучу пятками по полу, все больше набирая темп.

— Овечка? — еще раз напоминает о своем существовании.

Поднимаю голову. У него такой взгляд... Точь-в-точь как моих снах. У человека не бывает таких глаз. Как будто там, за зрачками, прячется демонический туман. Такой взгляд невозможно придумать, его можно увидеть — и запомнить на всю жизнь.

Мужчина чуть подается вперед, темные волосы падают на лоб, пряча взгляд в острых тенях. Такой красивый, что у меня сердце заходится сумасшедшим ритмом, и хочется сжать его в ладонях, как испуганную птицу.

— Куда едем, Александра? — снова интересуется он, даже не пытаясь скрыть свой сосредоточенный на моих губах взгляд.

— Ты знаешь мое имя, — продолжаю шептать я.

Нормальные девушки в таких случаях вспоминают о маньяках и преследователях, быстро выбрасывают блажь из головы и убегают за тридевять земель. Желательно попутно громко зовя на помощь. А я — ненормальная девушка, потому что от осознания того, что он знает, как меня зовут, на глаза наворачиваются слезы. И в груди болит так сильно, словно с души слетает цементная скорлупа, и под каждым сколом кровоточат оголенные нервы.

— Поехали к тебе, — говорю твердо и уверенно, ни на секунду не сомневаясь, что наша встреча — только первое из многих открытий, которые меня сегодня ждут.

Глава пятьдесят первая: Александра

По дороге до его дома я понимаю, что уже знаю, куда мы едем. Знаю, что он живет в большом новом небоскребе, который выстроили совсем недавно. Живет на самом верхнем этаже и часто любит смотреть на город через панорамные окна. Так же, как любила смотреть я.

Мы отвалием машину на стоянке, заходим в холл и дальше — к лифту.

Консьержка провожает меня неодобрительным взглядом, но я посылаю ей самую позитивную улыбку. Люди злые и завистливые от того, что их никто не любит, и потому что в их жизни плохого больше, чем хорошего. А у меня сейчас такая эйфория, что готова обнять и поцеловать весь мир.

Мы долго стоим около лифта: мужчина чуть позади меня, за плечом. Его дыхание щекочет плечи и шею, и когда я немного поворачиваю голову, то в ответ слышу его довольно властное:

— Не шевелись, Овечка.

Я почти не чувствую его прикосновений: только легкий шелест лент корсажа, характерный звук молнии. Хочется, чтобы пальцы были выше, притронулись хоть бы к кусочку оголенной кожи, как будто от этого зависит моя жизнь.

Дверь лифта открывается, мужчина подталкивает меня зайти внутрь. Я делаю шаг — и платье сползает на пол ненужной тряпкой. Оно — как кожа, которую сбросила прежняя я, чтобы стать кем-то другим. Смотрю на испачканные дорогие кружева и в груди совсем ничего не ёкает, хоть еще вчера я чуть ли не ритуальный индейский танец вокруг него выплясывала, воображая, как войду принцессой в новую счастливую жизнь.

Оказалось, что в свое счастье Александра Романова должна войти... почти голой.

Поворачиваюсь сразу же, как только створки лифта закрываются за нами.

Мужчина наваливается плечом на стенку, скользит взглядом по моим ногам, задерживается на белоснежном треугольнике трусиков, выше — на живот, грудь, шею. Снова фокусируется на моих губах, и я непроизвольно облизываюсь, потому что в голову ударяет невыносимая потребность... Чего? Господи, я не знаю чего!

— Александра... — Мужчина зло втягивает воздух сквозь зубы. — Я, блядь, шесть месяцев... Без тебя... Подышал каждый день! А ты замуж собралась?!

— Классно злишься! — Чувствую, как у меня мгновенно загораются щеки. От радости, от какого-то больного на всю голову счастья, от пузырьков возбуждения, которые щекочутся под кожей и не дают сосредоточиться ни на одной трезвой мысли.

Он хватает меня за плечи, впечатывает спиной в стенку лифта и прижимается всем телом, как будто хочет втянуть меня в себя, словно я — соринка, а он — жележный пудинг.

И я залиvisto хохочу от пришедшего в голову образа. Обнимаю знакомого незнакомца за шею, подтягиваюсь — и он легко угадывает мои желания: подхватывает под бедра, поднимает без всякого труда и громко выразительно стонет, когда я обхватываю его замком из ног.

— Мое имя, Овечка, — требует мужчина, дразня меня горячим дыханием на чувствительной коже моих губ. — Как меня зовут?

Я мычу, тянусь к нему с жадными поцелуями, но от уворачивается и, в конце концов, просто обхватывает мое скулы пальцами, фиксируя голову в одном положении. Наощупь находит красную кнопку «Стоп» и бьет по ней ладонью. Кабинка замирает, свет становится тусклее.

— Имя, мой Бермудский треугольник, я хочу трахать тебя, а не твоё тело.

В этих бессмысленных на первый взгляд словах скрыт особый код, который я должна разгадать.

— Мы будем... заниматься любовью? Здесь?! — Я немного паникую.

— Когда ты будешь лежать в моей постели, Овечка, я обязательно напому тебе все, что говорил и о занятиях любовью, и о сексе, и о других вещах, которые нормальный здоровый мужчина делает со своей женщиной.

Я неуверенно выдыхаю, и он вопросительно вскидывает бровь.

— Понимаешь, — я краснею, мне жутко стыдно, но почему-то нет ни единого здравого повода не озвучить вслух свои опасения. — Не хотелось бы лишиться девственности в лифте. Даже таком... — провожу взглядом по зеркалам и отделке из дорогой древесины и бархата. — Шикарном лифте.

Мужчина отстраняется и смотрит на меня так, будто у меня внезапно заколосились лосиные рога. Если бы не желание ни за что не размыкать рук у него за шеей, я бы обязательно проверила, не выросло ли ничего на моей светлой головушке.

— Что? — настороженно переспрашиваю я.

— Ты девственница?

— Вот уж не думала, что придется за это оправдываться, — злюсь в ответ на его недоумение.

Бью его пятками по копчику, а когда он начинает до неприличия громко хохотать, просто зверею: — Хватит вести себя, как засранец! Я тебе не какая-то там девочка с Улицы красных фонарей! Я, если хочешь знать, буду хирургом! Прослаблю нашу фамилию, между прочим! — Нашу фамилию? — сквозь смех переспрашивает он.

— Конечно, нашу, муженек, — прищуриваюсь и ловко, пока он явно не ожидает, подцепляю пальцем цепочку у него за воротом рубашки. Поднимаю и не без удовольствия рассматриваю красивое женское кольцо из белого золота с большим безупречно-чистым бриллиантом. Я заметила его, когда мой Мужчина помогал мне сесть в машину. — Красивое кольцо. Я согласна. И платье уже есть. Пошли в ЗАГС, Локи.

Локи.

Я как будто произнесла то самое слово, которое старый волшебник в остроконечной шляпе долго не мог прочесть перед дверью в заколдованное гномье царство.

— Локи, — произношу уже медленнее, смакуя его имя. — Мой Лоооокиии...

— Я скучал, Овечка, — выдыхает он, легко рвет цепочку и протягивает кольцо, в которое я без тени сомнения вдеваю свой безымянный палец.

— Заметь, и снова я тащу тебя к алтарю, — тихонько смеюсь, прислоняясь лбом к его лбу.

— А мне снова придется лишать тебя невинности. — Паршивец самодовольно играет бровями, и я тут же снова щедро вколачиваю пятки ему в поясницу.

Я чувствую себя полностью освобожденной.

Сны, которые были неясными образами, превращаются в жизнь, которую я прожила рядом с моим демоном. Маленькую, но лучшую на свете.

— Локи, ты... — Не продолжаю, тянусь к рубашке на его груди, от нетерпения рву пуговицы. На его коже в области сердца круглый ожог. Идеально ровные края, как будто его выжгли лазером. Совсем как у той статуи, которую я видела в музее Тени. Сглатываю, провожу пальцами по горячей темно-красной плоти, и сердце сжимается, как будто это все случилось только вчера.

— Что ты сделал, Локи? — Моргаю, чтобы не плакать, потому что это слишком сильные эмоциональные качели, и меня шатает из крайности в крайность.

— Это фигня, Овечка, — отмахивается он, незаметно нажимая кнопку лифта, и кабинка снова везет нас вверх.

— Это твое бессмертие.

— Зачем оно мне без тебя? — Простой вопрос. Ни капли пафоса, ни намек на требование преклоняться его героическому поступку.

— Но ведь я даже...

«Не помнила тебя», — хочу добавить, но лифт останавливается — и Локи берет меня на руки, выразительно переступает через порог и говорит:

— Только не кричи, хорошо?Зес623

Даже не успеваю спросить, с какой стати я — сама трезвость и здравомыслие — вдруг начну орать, как нам навстречу вылетает псина.

И я все-таки ору, хоть бедное животное покорно усаживается перед нами и приветливо разевает пасть.

— Спокойно, Овечка, он просто немного вырос.

Чтобы вы понимали примерные габариты, скажу вам, что теперь мой малыш Рамштайн размером примерно с лошадь, а может и больше. То есть если бы он вдруг был не рад меня видеть, что сожрал бы одним глотком, а я бы еще долго и меланхолично переваривалась в его брюхе. И, кстати, он совсем не маскируется, и пасть у него, как у акулы — с тремя рядами зубов. А на голове, рядом с ушами, черными пиками тлеют небольшие рожки.

— Большая собачка, — сглатываю я, не уверенная, что хватит смелости погладить этого троглодита.

— И это еще не предел, — усмехается Локи. А в ответ на мою возмущенную икоту добавляет:

— Ты сама выбрала чистую породу.

С цербером все же пришлось познакомиться заново. Он долго меня обнюхивал, а потом смачно лизнул горячим шершавым языком.

— Отлично, — развожу руки, демонстрируя Локи гирлянды собачьих слюней.

Демоняка снова смеется и вдруг заявляет:

— Вот и хорошо, что ты теперь совершенно не секси.

— Это еще почему? — подозрительно щурюсь в ответ.

— Потому что в этот раз никакого секса до свадьбы.

Что он сейчас сказал?

Напираю на него, по пути хватая с дивана какую-то подушку и обтирая с себя следы церберовской любви.

— Ты серьезно болен? — спрашиваю я.

— Да вроде здоров. — Локи запросто уходит в сторону, игнорирует мои объятия.

— Тогда что за ерунду ты сейчас сказал, муженек? Мы и так женаты.

— Формально — пока нет. — Он вздергивает палец, потом запросто сбрасывает с плеч рубашку, растрепывает волосы, превращаясь в ходячий секс. — Смотреть, но не трогать, Овечка. Я может двести лет мечтал о нормальной брачной ночи.

— Я тебя убью, Локи, — с истым сердцем обещаю ему и легко перемахиваю через кофейный столик. — Или свадьба завтра.

— Хрен тебе, Овечка. На этот раз Фер притащит свою жопу и кольца, как положено.

— Плохой, очень плохой жадный демон, — ворчу я и с надеждой интересуюсь: — А поцелуи и обнимашки?

Локи идет к шкафу, достает оттуда колоду карт, делает какие-то немыслимые фокусы и, вздергивая бровь, с явно садистским наслаждением говорит:

— Только карты, мой Бермудский треугольник. Хочешь сыграть с Великим обманщиком?

Выиграешь — и я весь твой.

Да запросто!

Эпилог: Локи

Две недели мучений.

Четырнадцать дней непрекращающегося стояка.

До фи́га часов сна в соседней комнате за дверьми с закрытым замком.

И вот — мы в Тени, стоим около алтаря, и Александра мысленно сгрызает с меня пуговицы, одним взглядом давая понять, что помнит все те разы, когда я «случайно» выходил из ванны в одном полотенце или почти, давал ей выиграть у меня в карты.

Я, может, уже и не демон, но все мои фокусы при мне, и чтобы выиграть у меня в карты, моему Бермудскому треугольнику понадобится целая жизнь. Хорошо, что она у нас — одна на двоих. — Ты кольца принес? — шиплю через плечо брату, пока все три моих мамы читают нам слова брачного обряда.

Мы с Александрой — просто смертные, но Создатель настоял, чтобы кроме официальной гражданской церемонии мы провели еще одну — в Тени. Потому что после непродолжительных совещаний мы с Овечкой пришли к единогласному решению жить в Тени. К счастью, я все-таки был сыном Создателя и, даже став смертным, не потерял своих способностей легко ходить в Тень и обратно. Так что пока родители моей Александры думают, что мы тихо и отлично живем в моей квартире в центре столицы, мы наслаждаемся тьмой Тени и выгуливает Рам-Рама, не боясь, что он сожрет случайного пешехода.

— Конечно, он забыл, — говорит подружка Фера, и он выразительно рычит на нее в ответ.

Теперь я знаю, что отец выбрал нам Испытание не просто так, и если кто и способен скрутить гуляку Люцифера в бараний рог, то только эта дерзкая девчонка, на которую Фер шипит, словно святой на Сатану.

Девчонка протягивает мне коробочку, откуда я достаю пару черных колец. Это простой лавовый камень, но в нем еще есть капелька огня, и по трещинкам течет его живительная сила.

Мои мамы делают разрезы на наших с Александрой ладонях, сжимают их крепким замком.

— Я буду любить тебя до самой смерти, — говорю своему Бермудскому треугольнику.

— Я буду любить тебя после смерти, — отзывается Александра.

Обмениваемся кольцами и сжимаем окровавленные ладони.

Что-то жжет в груди, и я непроизвольно морщусь. Замечаю, что и Александра беспокойно сжимает в кулаке медальон У.

— Локи... У тебя...

— У тебя тоже, — присвистываю я, глядя как моя любимая гусеница превращается в бабочку. То есть, я просто хотел сказать, что теперь у Александры тоже есть крылья. Красивые белые крылья, как, блин, у ангелочка!

Добавьте к этому ее свадебный наряд — короткую плиссированную юбку, белую блузку, полосатые гольфы выше колен — и вы поймете, почему я хочу забить на церемонию и утащить свой трофей в берлогу. Нет, не заниматься любовью, но долго и очень развратно трахаться, как чертовы мартовские котяры.

Александра осторожно пятится ко мне, оторопело хлопая глазами.

— Так должно быть? — спрашивает настороженно, как будто у нее отросли не крылья, а гребень трицератопса.

— Ага, — сгребая ее в охапку, задираю голову.

«Ну, это... спасибо, па...»

— Я не превращаюсь в ископаемую рептилию? — все равно уточняет Александра.

— Я скажу тебе, если появится хвост, — «успокаиваю» ее и Овечка с наслаждением оттаптывает мне ногу пяткой тяжелого башмака. Щиплю и звонко шлепаю ее по заднице.

Отхожу и с безопасного расстояния поясняю: — Это значит, что у нас по-прежнему одна жизнь на двоих, Александра, но теперь она стала чуть-чуть длиннее.

— Насколько длинее?

— Примерно на... вечность?

Да и по фигу, что слэнг.

/9/4AAQSkZJRgABAQAAQABAAQ//gA7Q1JFQVRPUjogZ2QtanBlZyB2MS4wICh1c2luZyBJSkcgS1BIF
 RyB2NjlpLCBxdWFSaXR5ID0gODAK/9sAQwAGBAUGBQQGBgUGBwcGCAoQCgoJCQoUDg8MEBcUG
 BgXFBYWGh0IHxobIxwWFiAsICMmJykqKRkflTAtKDAIKCko/9sAQwEHBwcKCAoTCgoTKBoWGigoK
 CgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgoKCgo/8AAEQgBQQDc
 AwEiAAIRAQMRAF/EABwAAAICAwEBAAAAAIAAUGBAcAAgMBCP/EAECQAIBAwIEB
 AQDBgIGCAcAAAECAwAEEQUhBhIXQRNRYXEHFCKBMpGhFSNCUrHBCOEWM2KCstEXJTRyg6LC
 8CRDVGOSs/H/xAAbAQACAwEBAQAAAAAAAAAAAAADBAECBQAGB//EAC8RAAEAAQMDAwME
 EAqMBAAAAAAEAAGMRIQQSMRNBUQUiYTJxoRQkgbHR8EKRweH/2gAMAwEAAhEDEQA/ABsXau
 4Ga1iUFV27V3C4r2y+PvdlbQKM4onbWcroGjQIT3qJax87hVGWPQUxaOKiMUcZUHp5UGQ7RYVY+o/s/a
 eFGsbWZnb6CAKYtGhJluNkKYdWP2OaKWUAwodAAegFF47GMKCqkGs6bUbgQQvRaH08RuDgeET1S
 MoUuHCseE+W9COLtYstf4f/AOQXoy8qliNzj+tdeltb061ubW21C7jt3mjDK0hwM9Dlug3Heqh+KvBWoaj
 cW0+kBpLvWwLo5ZMn+XBHl2rzpb7iCaXO/TuuNrgL+FB0+UWwWvV29XGYZ7hUlzvwGftmr7tYyOl8
 5zyivn3g/4czJd29xq95MFgkVxEx2yDkde2auqW7ihssiUMVGOTcCQ04Np55MtWKXmuXUYLEKcqm411W
 JYnRSCSDvRrijXwitg5PvVTa1fNdTMWbOTRIIy87iqzvELPID538aUnsTReTSUtvkzJM0tu1ziAmfDUFsdX
 kkLn7jzqJoVi+patZ2kQJeaQIAPU0+axoc2pXoeywltQkaKJj0S1gCqHb0PKD/ALvrWvH4XmNVNttXKgcGo1
 3fVGtktitgUtkY5JlI6+RIG5PbIA6CpUgJG/ep8ttDbxRwWoPy8YwpUnux9TiorptW3DGGtC+bepa06icm8Dh
 DZlqFlgOaKTicelRWjyM0wAgRvoIRmmM1AnQnNHZYs52qDLdDucVO1PRShA5YyO1cWQ+VFpYT5VG
 eH0qCE+yW0OZSTWhXzFTmixnauZjNVpHEihMua5tGDUxo//eK5IDUUiB6hmKtFCpNUwqR1Fakb1FK4eV
 advEWA9qmJD2xmullEGZVOWNELSE/MBFHNzd/71cuDV4trXSH4QzwwGQQcHyph0a+iiRrclEJOzNtzVx
 vtHnVhLDE5U9SQC+A52pc1UWYfVutQt4+U5KofEP2xtn3IoTy2RvKYgbLFJgK2tMlhmUFJYyOuxBo3LcQ
 29q9xcypFbxLzPIxwAB3zXz2/EONWYzBHcXMo6F38Nc+qjJP5igfPFGora7GsN3cFLVB9MEf0oPt3Pqcms2
 SAXgr0uk1Ly0hzaKuLS+LdP4t1TUIlt08OyHLcZAEYRtsSfYj/AM2O1C57nQIGkt7XXL3Q7pW+uK3m5Y2
 PnynYD2qr+CnCrTh7iWzmuNRWeJorg/wAQmRcn0DBWfsat/UeCdD16UXU0h+sZDRsB/kax9wWRSX2K93
 6LqDLfqtchIsDrOxfofLwLiWXYzslBJUMT7sGB/OvLvWb6w07F7PHO5GA0YKj7ZSF60VvubYtJB+TuFZeoy
 BnFIPFoW0iYS3IZjsFB/tSrGh5oLbe4MaXBrdV1sXA5Qc46n1oGHMJ5JqAs3MSVH0jqTsBRGxu4rcrJegln
 ByGcZVfZT1Pvt6Gn2NDcBy8zpDZThw7aS2fgJbgnWdQxDqbOsKPsXPkWBvkwCW2+km6dR0ox2tvY2p
 Aggt0gDAAFwBnf0yc48/YVR3CusjTNTfWLnM00QZo1Y7tldsk+eCzZ9KduAfiXJqpsWmutGhknYwSgAB
 SSSFPoM4B9qbjBsELznqTgWbD3OUcm4elKkKQD5VDI0k28JMiK758zT9LGWOWIGOoodeW6YYkZyad
 ZqXcFeak9NjyQFW99bFCOYjJGQBUAR9RTdqnun4YsmzqOgG1L7QIJGUjBBwa0o3B4WLNE6FxFYQy
 WLHQVDIhHlR49jtvUeSLPajUqslpBJlaiywb9KOyQ7HaoskPpUEFNxzoE8W/SuLxelGJISO1RpIqqQnGTI
 W0dcinYiitXVHeMg9KrsYbJagsmK05amMtsVCMHpsi4zvWkYpFawoASqiIMF9yQSfvmsHGuquWSK8jX
 mUkNBCIyCN+oUht+ft0t1I6YkkZl7KScD2HQV6txgYO1Zxkn5TQ0MQHtFJkvdZvbjLXV1LI5PQkknrQuS
 4LHLYRR2zkn3ocbnbC9K0MobdjmoMhPC5umawWQpcs5YYGQPU1zlYNGm/UcpPrn+/1Dmm+knoK6Wz
 NJBy5HN+Nfc5UO8ohZQBAoKRqDgyXDAAhUCAdt9/wC1TeF+KdSsri1tm1KaHT5PoyMN4TY22PY9fbp
 0NBpZg5/i7/SxX+h/50KKjPIpdpmpKF2IYeRzS+oYJBRWj6dKJA201J04r4q4gsrl7a4uTJHkgOv0gjzwKTLNl
 rn7k55Tlj3Y5oxHeGC6t170/yggsrMrHjpw4WPmOn69xQ24014JCAMar2pEM24AXoDKZRYhNBZlwwOScdB
 nap9uDnyFRLGDu4INTsfDTJGDVGvVQigpEsxSBxnAAOPc7VFtZSpB4U13BFvCzyMAfoTc+rzYyik5WIPU
 U3E6lha9hcbX0F8KuN49TWLRTzI5LSAjbzMDpB2Rj5+R79PKrLmtAvkOo2G/pXyDBoVOrlXDA5BHUV9F